

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ

ФИЛОЛОГИЯ

научные исследования

AURORA Group s.r.o.
nota bene

www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

Выходные данные

Номер подписан в печать: 31-12-2023

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Шереметьева Елена Сергеевна, доктор филологических наук,
e.sheremetyeva@gmail.com

ISSN: 2454-0749

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 31-12-2023

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media ltd

Main editor: Sheremet'eva Elena Sergeevna, doktor filologicheskikh nauk,
e.sheremetyeva@gmail.com

ISSN: 2454-0749

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редакционный совет

Куделин Александр Борисович — академик Российской академии наук, заместитель академика-секретаря Отделения историко-филологических наук РАН, директор Института мировой литературы имени М. Горького РАН, член Европейской ассоциации арабистов и исламоведов. 121069, Россия, г. Москва, Поварская, 25а.

Лободанов Александр Павлович — доктор филологических наук, профессор, декан Факультета искусств Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. 125009, Россия, г. Москва, ул. Б. Никитская, 3 строение 1.

Герра Ренэ — доктор филологических наук, профессор Университета Ниццы, почетный академик Российской академии художеств, создатель и руководитель Ассоциации по сохранению русского культурного наследия во Франции (г. Ницца, Франция). 24, Avenue des Diabls Bleus, 06101 Nice, France.

Строев Александр Федорович — доктор филологических наук, заведующий кафедрой сравнительного литературоведения Университета Париж-III (Новая Сорбонна) (Париж, Франция) IRCAV/Sorbonne Nouvelle, 13 rue Santeuil, 75005 Paris, France.

Гусейнов Малик Алиевич — доктор филологических наук, заведующий отделом литературы, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра Российской академии наук, 367025, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева, 45, malik60@list.ru

Тимощук Алексей Станиславович — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Владимирского юридического института ФСИН России, 600020, Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67-е, human@vui.vladinfo.ru

Федоровская Наталья Александровна — доктор искусствоведения, доцент, директор департамента искусств и дизайна Дальневосточного федерального университета, 690091, г. Владивосток, о. Русский, пос. Аякс, кампус Дальневосточного федерального университета, корп. G, ауд. 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Смирнов Алексей Викторович — доктор философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, г. Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5, darapti@mail.ru

Ковалева Светлана Викторовна — доктор философских наук, доцент, Костромской государственный университет, профессор кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций, 156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17, cultural@kstu.edu.ru

Гиренок Федор Иванович — доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой философской антропологии и комплексного изучения человека Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Кофман Андрей Фёдорович — доктор филологических наук, заведующий отделом литератур стран Европы и Америки Учреждения Российской академии наук Института мировой литературы РАН им. А.М. Горького.

Лекторский Владислав Александрович — доктор философских наук, профессор, академик Российской академии наук, заведующий сектором теории познания Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Неретина Светлана Сергеевна — доктор философских наук, главный научный сотрудник Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Разлогова Елена Эмильевна — доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского вычислительного центра МГУ им. М. В. Ломоносова

Резник Юрий Михайлович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Учреждения Российской академии наук Института философии РАН, шеф-редактор журнала «Личность. Культура. Общество».

Россиус Андрей Александрович — доктор филологических наук, профессор кафедры классической филологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, и.о. главного научного сотрудника Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Соловьев Эрих Юрьевич — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Учреждения РФ Института философии РАН.

Чумаков Александр Николаевич — доктор философских наук, профессор, Первый вице-президент Российского философского общества

Вартанова Елена Леонидовна — доктор филологических наук, профессор, декан факультета журналистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, президент НАММИ.

Гирин Юрий Николаевич - доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, ИМЛИ РАН.

Безруков Андрей Николаевич - кандидат филологических наук, доцент, Башкирский государственный университет (Бирский филиал).

Бичарова Мария Михайловна - кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин и английского языка, Каспийский институт морского и речного транспорта.

Воробей Инна Александровна - кандидат филологических наук, доцент, кафедра немецкого языка, БУ ВО ХМАО - Югры "Сургутский государственный университет".

Зыкин Алексей Владимирович - кандидат филологических наук, доцент, кафедра иностранных языков, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Санкт-Петербургский государственный аграрный университет.

Левит Светлана Яковлевна— ведущий научный сотрудник отдела культурологии ИНИОН РАН, кандидат философских наук, главный редактор, руководитель и автор проектов «Лики культуры», «Российские Пропилеи», «Книга света», «Summa culturologiae», «Humanitas», «Зерно вечности», «Культурология. XX век», «Письмена времени», а также энциклопедий по культурологии и истории культуры.

Козлов Михаил Николаевич - доктор исторических наук, профессор, кафедра "Исторические, философские и социальные науки", Севастопольский государственный университет.

Тищенко Наталья Викторовна – доктор культурологии, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», профессор кафедры

истории Отчества и культуры, 410004 г. Саратов, ул. Политехническая, 17,
mihailovan@inbox.ru

Кьоцци Паоло — профессор факультета этнологии и антропологии Флорентийского университета (г. Флоренция, Италия). Università degli Studi di Firenze - P.zza S.Marco, 4 - 50121 Firenze – Centralino, Italy.

Ершова Галина Гавриловна — доктор исторических наук, профессор, директор Научно-исследовательского мезоамериканского центра имени Ю. В. Кнорозова Российского государственного гуманитарного университета, директор по науке и культуре Российско-мексиканского культурного центра (г. Мерида, Мексика). 125993, Россия, ГСП-3, г. Москва, ул.Чаянова, 15.

Жидков Владимир Сергеевич — доктор искусствоведения, профессор, научный сотрудник Государственного института искусствознания. 125009, Россия, г. Москва, Козицкий переулок, 5.

Леняшин Владимир Алексеевич — академик и член Президиума Российской академии художеств, доктор искусствоведения, профессор, заведующий отделом живописи второй половины XIX – начала XXI вв. Государственного Русского музея, заслуженный деятель искусств РСФСР. 191011, Россия, г. Санкт-Петербург, Инженерная улица, 4/2.

Вздорнов Герольд Иванович — член-корреспондент Российской академии наук, главный научный сотрудник Государственного научно-исследовательского института реставрации. 107114, Россия, г. Москва, ул. Гастелло, 44.

Дмитренко Татьяна Алексеевна — доктор педагогических наук, профессор. профессор кафедры методики преподавания иностранных языков Московского педагогического государственного университета. Индекс Хирша по РИНЦ = 6 Академик Международной академии наук педагогического образования

Дергачёва Ирина Владимировна - доктор филологических наук, профессор кафедры "Лингводидактика и МКК", декан факультета "Иностранные языки" Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования "Московский государственный психолого-педагогический университет" 121500, Москва, ул. Василия Боталёва, 31 dergachevaiv@mgppu.ru главный редактор электронного международного научного журнала «Язык и текст»

Консон Григорий Рафаэлевич — доктор искусствоведения, профессор кафедры социологии и философии культуры, начальник отдела прикладной докторантуры и подготовки научных кадров в докторантуре Российского государственного социального университета, член-корреспондент РАЕ, член Федерального реестра экспертов научно-технической сферы, член Российского экспертного совета библиографической и реферативной базы данных «Scopus».

Бурукина Ольга Алексеевна - кандидат филологических наук, доцент доцент Российского государственного гуманитарного университета, ст. исследователь Университета Вааса, Финляндия. 125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6 obur@mail.ru

Водясова Любовь Петровна - доктор филологических наук, профессор, 430033, Россия, республика Мордовия, г. Респ Мордовия, г Саранск, ул. Волгоградская, д. 106, корп. 1, кв. 29, ул. Волгоградская, 106 /1, кв. 29, LVodjasova@yandex.ru

Габышева Луиза Львовна - доктор филологических наук, Федеральное государственное

автономное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова», профессор, 677007, Россия, Саха (Якутия) область, г. ЯКУТСК, ул. Кулаковского, 42, оф. 104 а, ogonkova-jenya@yandex.ru

Гордова Юлиана Юрьевна - доктор филологических наук, ФГБУН Институт языкознания РАН, старший научный сотрудник сектора прикладного языкознания, 390006, Россия, Рязанская область, г. Рязань, ул. Грибоедова, 9, кв. 4, gordova@iling-ran.ru

Дергачева Ирина Владимировна - доктор филологических наук, Московский государственный психолого-педагогический университет, профессор, 121248, Россия, г. Москва, Набережная Тараса Шевченко, 3 корпус 2, кв. 172, krugh@yandex.ru

Долгенко Александр Николаевич - доктор филологических наук, Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, Заведующий кафедрой русского и иностранных языков, 128050, Россия, Москва, г. Москва, ул. Врубеля, 12, каб. 403, adolgenko@mail.ru

Дубова Марина Анатольевна - доктор филологических наук, Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области "Государственный социально-гуманитарный университет", профессор кафедры русского языка и литературы, 140 410, Россия, РФ область, г. Коломна, ул. Ленина, 67, кв. 100, dubovama@rambler.ru

Ицкович Татьяна Викторовна - доктор филологических наук, Уральский федеральный университет им.первого Президента России Б.Н. Ельцина, профессор, 620105, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. просп. Акад. сахарова, 47, кв. 73, taniz0702@mail.ru

Лифанов Константин Васильевич - доктор филологических наук, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, профессор, 119501, Россия, г. Москва, ул. Веерная, 22, 22, корпус 2, кв. 26, lifanov@hotmail.com

Овруцкий Александр Владимирович - доктор философских наук, Южный федеральный университет, Зав. кафедрой рекламы и связей с общественностью, 344019, Россия, Ростовская область область, г. Ростов-на-Дону, ул. 15 линия, 84, кв. 18, alexow1@ya.ru

Селендили Лемара Сергеевна - доктор филологических наук, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», профессор кафедры крымскотатарской филологии Института филологии (сп), 295007, Россия, республика Крым, г. Симферополь, ул. Беспалова, 45-6, 214, lemara2002@hotmail.com

Семенова Валентина Григорьевна - доктор филологических наук, Северо-Восточный федеральный университет , Заведующая кафедрой якутской литературы, доцент, 677007, Россия, республика Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Кулаковского, 42, каб. 235, semenova_ykt@mail.ru

Соколова Алина Юрьевна - доктор филологических наук, Тверской государственный медицинский университет, профессор кафедры иностранных и латинского языков, 170005, Россия, Тверская область область, г. Тверь, ул. Благоева, 8/2, кв. 22, alinasokolova.tver@yandex.ru

Уртминцева Марина Генриховна - доктор филологических наук, Нижегородский государственный университет им. Н.И.Лобачевского, заведующий кафедрой славянской филологии и культуры, 603005, Россия, Нижегородский область, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, 31-е, оф. 2, urtminzeva@yandex.ru

Чиршева Галина Николаевна - доктор филологических наук, ФГБОУ ИВО "Череповецкий государственный университет", профессор, 162677, Россия, Вологодская область, г. Череповец, Советский проспект, 8, каб. 601, chirsheva@mail.ru

Шаронова Елена Александровна - доктор филологических наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва», профессор кафедры русской и зарубежной литературы, 430034, Россия, республика Мордовия, г. Саранск, ул. Проспект 60 лет Октября, 10, кв. 24, sharon.ov@mail.ru

Шатилова Любовь Михайловна - доктор филологических наук, Государственное автономное образовательное учреждение высшего образования города Москвы "Московский городской педагогический университет", профессор, Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области "Государственный гуманитарно-технологический университет", профессор, 143980, Россия, Московская область, г. Балашиха, ул. Корнилаева, 30, кв. 133, shatilova-79@mail.ru

Шереметьева Елена Сергеевна - доктор филологических наук, Дальневосточный федеральный университет, профессор кафедры русского языка и литературы, 690105, Россия, Приморский край, г. Владивосток, ул. Русская, 47, кв. 30, e.sheremetyeva@gmail.com

Шукуров Дмитрий Леонидович - доктор филологических наук, Ивановский государственный химико-технологический университет, заведующий кафедрой истории и культурологии, 153511, Россия, Ивановская область область, г. Кохма, ул. Ивановская, 92, кв. 35, shoudmitry@yandex.ru

Юхнова Ирина Сергеевна - доктор филологических наук, ФГАОУ ВО "Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского", профессор кафедры русской литературы, 603105, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, ул. Б. Панина, 4, кв. 128, yuhnova@yandex.ru

Ягафарова Гульназ Нурфаезовна - доктор филологических наук, Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук, главный научный сотрудник, 450054, Россия, республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Проспект Октября, 71, каб. 410,

Шагбанова Хабиба Садыровна - доктор филологических наук, ФГКУ ДПО "Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России", профессор кафедры философии, иностранных языков и гуманитарной подготовки сотрудников органов внутренних дел Тюменского института повышения квали, 625049, Россия, г. Тюмень, ул. Амурская, д. 75, khabiba_shagbanova@list.ru

Editorial collegium

Kudelin Alexander Borisovich — Academician of the Russian Academy of Sciences, Deputy Academician-Secretary of the Department of Historical and Philological Sciences of the Russian Academy of Sciences, Director of the Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, member of the European Association of Arabists and Islamic Scholars. 25a Povarskaya Street, Moscow, 121069, Russia.

Lobodanov Alexander Pavlovich — Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Arts of Lomonosov Moscow State University. 125009, Russia, Moscow, B. Nikitskaya str., 3 building 1.

Guerra Rene is a Doctor of Philology, Professor at the University of Nice, Honorary Academician of the Russian Academy of Arts, founder and head of the Association for the Preservation of Russian Cultural Heritage in France (Nice, France). 24, Avenue des Diabes Bleus, 06101 Nice, France.

Stroev Alexander Fedorovich — Doctor of Philology, Head of the Department of Comparative Literature of the University of Paris-III (New Sorbonne) (Paris, France) IRCAV/Sorbonne Nouvelle, 13 rue Santeuil, 75005 Paris, France.

Huseynov Malik Alievich – Doctor of Philology, Head of the Literature Department, Institute of Language, Literature and Art named after G. Tsadasa Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 367025, Makhachkala, M. Gadzhieva str., 45, malik60@list.ru

Timoshchuk Alexey Stanislavovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 600020, Vladimir, Bolshaya Nizhegorodskaya str., 67th, human@vui.vladinfo.ru

Natalia Fedorovskaya – Doctor of Art History, Associate Professor, Director of the Department of Art and Design of the Far Eastern Federal University, 690091, Vladivostok, Russian Island, village Ajax, campus of the Far Eastern Federal University, bldg. G, room 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Smirnov Alexey Viktorovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, St. Petersburg State University, 199034, St. Petersburg, Mendeleevskaya line, 5, darapti@mail.ru

Kovaleva Svetlana Viktorovna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Kostroma State University, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, 17 Dzerzhinskiy str., Kostroma, 156005, cultural@kstu.edu.ru

Fyodor Ivanovich Girenok — Doctor of Philosophy, Professor, Deputy Head of the Department of Philosophical Anthropology and Complex Human Studies of Lomonosov Moscow State University.

Kofman Andrey Fedorovich — Doctor of Philology, Head of the Department of European and American Literatures of the Russian Academy of Sciences Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences named after A.M. Gorky.

Lecturer Vladislav Alexandrovich — Doctor of Philosophy, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Head of the Sector of the Theory of Cognition of the Institution of the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Neretina Svetlana Sergeevna — Doctor of Philosophy, Chief Researcher of the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Razlogova Elena Emilyevna — Doctor of Philology, Associate Professor, Leading Researcher at the Research Computing Center of Lomonosov Moscow State University

Reznik Yuri Mikhailovich — Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher of the Institution of the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Chief Editor of the journal "Personality. Culture. Society".

Andrey Aleksandrovich Rossius — Doctor of Philology, Professor of the Department of Classical Philology of Lomonosov Moscow State University, Acting Chief Researcher Institutions of the Russian Academy of Sciences of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Soloviev Erich Yurievich — Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Alexander N. Chumakov — Doctor of Philosophy, Professor, First Vice-President of the Russian Philosophical Society

Elena Leonidovna Vartanova — Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Journalism of Lomonosov Moscow State University, President of NAMMI.

Yuri N. Girin - Doctor of Philology, Leading Researcher, IMLI RAS.

Bezrukov Andrey Nikolaevich - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Bashkir State University (Birsky branch).

Bicharova Maria Mikhailovna - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities and English, Caspian Institute of Sea and River Transport.

Inna Vorobey - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of German Language, Surgut State University.

Alexey Vladimirovich Zykin - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education St. Petersburg State Agrarian University.

Levit Svetlana Yakovlevna — Leading researcher of the Department of Cultural Studies of INION RAS, PhD, editor-in-chief, head and author of the projects "Faces of Culture", "Russian Propylaea", "Book of Light", "Summa culturologiae", "Humanitas", "Grain of Eternity", "Culturology. XX century", "Writings of Time", as well as encyclopedias on cultural studies and cultural history.

Kozlov Mikhail Nikolaevich - Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Historical, Philosophical and Social Sciences, Sevastopol State University.

Tishchenko Natalia Viktorovna – Doctor of Cultural Studies, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A., Professor of the Department of History of Patronymic and Culture, Saratov, 410004, Politechnicheskaya str., 17, mihailovan@inbox.ru

Chiozzi Paolo is a professor at the Faculty of Ethnology and Anthropology at the University of Florence (Florence, Italy). Universit? degli Studi di Firenze - P.zza S.Marco, 4 - 50121 Firenze – Centralino, Italy.

Yershova Galina Gavrilovna — Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Yu. V. Knorozov Mesoamerican Research Center of the Russian State University for the Humanities, Director of Science and Culture of the Russian-Mexican Cultural Center (Merida, Mexico). 125993, Russia, GSP-3, Moscow, ul.Chayanova, 15.

Vladimir Sergeevich Zhidkov — Doctor of Art History, Professor, researcher at the State Institute of Art Studies. 125009, Russia, Moscow, Kozitsky lane, 5.

Lenyashin Vladimir Alekseevich — academician and member of the Presidium of the Russian Academy of Arts, Doctor of Art History, Professor, Head of the painting Department of the second half of the XIX – early XXI centuries. State Russian Museum, Honored Artist of the RSFSR. 191011, Russia, St. Petersburg, Engineering Street, 4/2.

Gerold Ivanovich Vzdornov is a corresponding member of the Russian Academy of Sciences, chief researcher at the State Research Institute of Restoration. 44 Gastello str., Moscow, 107114, Russia.

Dmitrenko Tatiana Alekseevna — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor. Professor of the Department of Methods of Teaching Foreign Languages of the Moscow Pedagogical State University. RSCI Hirsch Index = 6 Academician of the International Academy of Sciences of Pedagogical Education

Dergacheva Irina Vladimirovna - Doctor of Philology, Professor of the Department of Linguodidactics and MCC, Dean of the Faculty of Foreign Languages of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Moscow State Psychological and Pedagogical University", 31 Vasily Botaleva Str., Moscow, 121500 dergachevaiv@mgppu.ru Editor-in-chief of the electronic international scientific journal "Language and Text"

Conson Grigory Rafaelevich — Doctor of Art History, Professor of the Department of Sociology and Philosophy of Culture, Head of the Department of Applied Doctoral Studies and Training of Scientific personnel in the doctoral program of the Russian State Social University, corresponding member of the RAE, member of the Federal Register of Experts in the Scientific and Technical field, member of the Russian Expert Council of the bibliographic and abstract database "Scopus".

Olga A. Burukina - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Russian State University for the Humanities, Senior Researcher at the University of Vaasa, Finland. 125993, GSP-3, Moscow, Miuskaya Square, 6 obur@mail.ru

Vodiasova Lyubov Petrovna - Doctor of Philology, Professor, 430033, Russia, Republic of Mordovia, Republic of Mordovia, Saransk, Volgogradskaya str., 106, building 1, sq. 29, Volgogradskaya str., 106 /1, sq. 29, LVodjasova@yandex.ru

Gabysheva Luisa Lvovna - Doctor of Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Northeastern Federal University named after M.K. Ammosov", Professor, 677007, Russia, Sakha (Yakutia) region, Yakutsk, Kulakovskiy str., 42, office 104 a, ogonkova-jenya@yandex.ru

Gordova Juliana Yurievna - Doctor of Philology, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Senior Researcher of the Applied Linguistics Sector, 390006, Russia, Ryazan region, Ryazan, Griboyedov str., 9, sq. 4, gordova@iling-ran.ru

Dergacheva Irina Vladimirovna - Doctor of Philology, Moscow State Psychological and

Pedagogical University, Professor, 121248, Russia, Moscow, Taras Shevchenko Embankment, 3 building 2, sq. 172, krugh@yandex.ru

Alexander N. Dolgenko - Doctor of Philology, Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Head of the Department of Russian and Foreign Languages, 128050, Russia, Moscow, Moscow, Vrubel str., 12, room 403, adolgenko@mail.ru

Dubova Marina Anatolyevna - Doctor of Philology, State Educational Institution of Higher Education of the Moscow region "State Social and Humanitarian University", Professor of the Department of Russian Language and Literature, 140 410, Russia, Russian Federation region, Kolomna, Lenin str., 67, sq. 100, dubovama@rambler.ru

Itskovich Tatiana Viktorovna - Doctor of Philology, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Professor, 620105, Russia, Sverdlovsk region, Yekaterinburg, ave. Acad. sakharova, 47, sq. 73, taniz0702@mail.ru

Lifanov Konstantin Vasilyevich - Doctor of Philology, Lomonosov Moscow State University, Professor, 119501, Russia, Moscow, Veernaya str., 22, 22, building 2, sq. 26, lifanov@hotmail.com

Ovrutsky Alexander Vladimirovich - Doctor of Philosophy, Southern Federal University, Head of the Department of Advertising and Public Relations, 344019, Russia, Rostov region region, Rostov-on-Don, ul. 15 liniya, 84, sq. 18, alexow1@ya.ru

Selendili Lemara Sergeevna - Doctor of Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "V. I. Vernadsky Crimean Federal University", Professor of the Department of Crimean Tatar Philology of the Institute of Philology (SP), 295007, Russia, Republic of Crimea, Simferopol, Bepalova str., 45-b, 214, lemara2002@hotmail.com

Semenova Valentina Grigoryevna - Doctor of Philology, North-Eastern Federal University , Head of the Department of Yakut Literature, Associate Professor, 677007, Russia, Republic of Sakha (Yakutia), Yakutsk, Kulakovskiy str., 42, room 235, semenova_ykt@mail.ru

Sokolova Alina Yurievna - Doctor of Philology, Tver State Medical University, Professor of the Department of Foreign and Latin Languages, 170005, Russia, Tver region region, Tver, Blagoeva str., 8/2, sq. 22, alinasokolova.tver@yandex.ru

Urtmintseva Marina Genrikhovna - Doctor of Philology, Lobachevsky Nizhny Novgorod State University, Head of the Department of Slavic Philology and Culture, office 2 Ulyanova str., Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod Region, 603005, Russia, urtminzeva@yandex.ru

Chirsheva Galina Nikolaevna - Doctor of Philology, Cherepovets State University, Professor, 162677, Russia, Vologda region, Cherepovets, Sovetsky Prospekt, 8, office 601, chirsheva@mail.ru

Sharonova Elena Aleksandrovna - Doctor of Philology, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "National Research Mordovian State University named after N.P. Ogarev", Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, 430034, Russia, Republic of Mordovia, Saransk, Prospekt 60 let Oktyabrya str., 10, sq. 24, sharon.ov@mail.ru

Lyubov Mikhailovna Shatilova - Doctor of Philology, State Autonomous Educational Institution of Higher Education of the City of Moscow "Moscow City Pedagogical University", Professor, State Educational Institution of Higher Education of the Moscow region "State University of Humanities and Technology", Professor, 143980, Russia, Moscow region, Balashikha, Kornilaeva str., 30, sq. 133, shatilova-79@mail.ru

Russian Russian Elena Sergeevna - Doctor of Philology, Far Eastern Federal University, Professor of the Department of Russian Language and Literature, 690105, Russia, Primorsky Krai, Vladivostok, Russkaya str., 47, sq. 30, e.sheremetyeva@gmail.com

Dmitry Leonidovich Shukurov - Doctor of Philology, Ivanovo State University of Chemical Technology, Head of the Department of History and Cultural Studies, 153511, Russia, Ivanovo region, Kohma, Ivanovskaya str., 92, sq. 35, shoudmitry@yandex.ru

Yukhnova Irina Sergeevna - Doctor of Philology, Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University, Professor of the Department of Russian Literature, 603105, Russia, Nizhny Novgorod region, Nizhny Novgorod, B. Panina str., 4, sq. 128, yuhnova@yandex.ru

Yagafarova Gulnaz Nurfaezovna - Doctor of Philology, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher, 450054, Russia, Republic of Bashkortostan, Ufa, Prospekt Oktyabrya str., 71, room 410,

Khabiba Sadyrovna Shagbanova - Doctor of Philology, Tyumen Institute of Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Professor of the Department of Philosophy, Foreign Languages and Humanitarian Training of Employees of the Internal Affairs Bodies of the Tyumen Institute of Advanced Training, 625049, Russia, Tyumen, 75 Amurskaya str., khabiba_shagbanova@list.ru

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикаторм можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или диссертационных работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.e-notabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]

[2]

[3]

[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноску, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноску в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются уголками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (" ").
- Тире между датами дается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаях дается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы XX столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору
Зубковой Светлане Вадимовне

E-mail: info@nbpublish.com

или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невозстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенно важно задокументировать точный созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Кретьева Л.Н., Чернобров А.А. Репрезентации концептосферы «счастье» в сказке О. Уайльда «Счастливый принц»	1
Беляева Т.Н., Гусева Н.В. Идеино-тематическое своеобразие романа М. Павлова «Пёрымаш» («Судьба»)	20
Садалова Т.М., Лиджиев М.А. Мифы и сказки о животных ойратов Синьцзяна	28
Муталов Р.О. Система форм будущего времени в даргинских языках	38
Власова Ю.Е., Вавичкина Т.А. Черты жанра «рихля» на примере романа Юсуфа Зейдана «Азазель»	47
Юань С. Анализ оценочной зоны концепта «Гражданская война» в романе А. Фадеева «Разгром»	59
Винокурова А.А., Егорова С.И. Система сравнений в творчестве эвенских поэтов	69
Латыпова Ю.А., Воробьева О.В., Абсаямова Л.Ф. Интерпретация концепта сквозь призму квантовой теории	80
Каменева Н.А. Коммунальный перевод и специфика подготовки переводчиков в социальной и правовой сфере	88
Винокурова А.А., Ощепкова А.И. Метафоричность лирики В. Лебедева	96
Божанова К.С. Особенности идиостиля Л.Е. Улицкой и проблема его межкультурной передачи (на материале оригиналов и переводов на английский язык произведений Л.Е. Улицкой «Медея и ее дети», «Даниэль Штайн, переводчик»)	106
Алексеева А.С. О сборнике заговоров из собрания В. М. Ундольского	119
Барбина Н.С., Глызина В.Е., Скопинцева Т.А. К вопросу о методологических причинах языкового пуризма в интернет-коммуникации	127
Слащева Н.И., Чигринова Е.А., Ефремова Н.В. Семантические преобразования фразеологизмов в поэтических текстах сборника стихотворений XX века «Порыв. Новые имена.»	138
Менжулина Д.Е., Гунько Ю.А. Специфика функционирования структурной метафоры в публичном диалоге	147
Англоязычные метаданные	158

Contents

Kretova L.N., Chernobrov A.A. Representations of the concept sphere "happiness" in O. Wilde's fairy tale "The Happy Prince"	1
Belyaeva T.N., Guseva N.V. Ideological and thematic originality of M. Pavlov's novel «Fate»	20
Sadalova T.M., Lidzhiev M.A. Myths and tales about the animals of the Oirats of Xinjiang	28
Mutalov R.O. System of future tense forms In the Dargin Languages	38
Vlasova Y.E., Vavichkina T.A. "Rihla" Genre Features in Youssef Zeidan's Novel "Azazel"	47
Yuan X. Analysis of the evaluation zone of the concept "Civil War" in A. Fadeev's novel "The Rout"	59
Vinokurova A.A., Egorova S.I. The system of comparisons in the works of Even poets	69
Latiypova Y.A., Vorob'eva O.V., Absalyamova L.F. Interpretation of the concept through the prism of quantum theory	80
Kameneva N.A. Community interpreting and the specifics of the training of translators in the social and legal spheres	88
Vinokurova A.A., Oshchepkova A.I. The metaphorical nature of V. Lebedev 's lyrics	96
Bozhanova K.S. Features of L.E. Ulitskaya's idiosyncrasy and the problem of its interlanguage transmission (based on the material of originals and translations into English of L.E. Ulitskaya's works "Medea and her Children", "Daniel Stein, translator")	106
Alekseeva A. About the Miscellany of Charms from the Collection of V. M. Undolsky	119
Barebina N.S., Glyzina V.E., Skopinceva T.A. On the issue of methodological reasons for language purism in Internet communications	127
Slashcheva N.I., Chigrinova E.A., Efremova N.V. Semantic transformations of phraseological units in poetic texts of the collection of poems of the XX century "Impulse. New names."	138
Menzhulina D., Gunko Y.A. The specifics of the functioning of a structural metaphor in a public dialogue	147
Metadata in english	158

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Кретьова Л.Н., Чернобров А.А. — Репрезентации концептосферы «счастье» в сказке О. Уайльда «Счастливый принц» // Филология: научные исследования. – 2023. – № 12. – С. 1 - 19. DOI: 10.7256/2454-0749.2023.12.69127
EDN: TFCFLO URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69127

Репрезентации концептосферы «счастье» в сказке О. Уайльда «Счастливый принц»

Кретьова Лариса Николаевна

ORCID: 0000-0001-5257-7416

кандидат филологических наук

доцент, кафедра английского языка, Новосибирский государственный педагогический университет

630133, Россия, Новосибирская область, г. Новосибирск, ул. Высоцкого, 41/4, кв. 230

✉ kretlarisa@mail.ru

Чернобров Алексей Александрович

ORCID: 0000-0002-3215-0578

доктор филологических наук

профессор, кафедра английского языка, Новосибирский государственный педагогический университет

630126, Россия, Новосибирская область, г. Новосибирск, ул. Виллюйская, 24, оф. 185

✉ a.chernobrov@bk.ru

[Статья из рубрики "Перевод"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2023.12.69127

EDN:

TFCFLO

Дата направления статьи в редакцию:

22-11-2023

Дата публикации:

29-11-2023

Аннотация: Предметом исследования являются способы вербализации концептосферы «счастье» в сказке Оскара Уайльда «Счастливый принц». Объектом нашего

исследования является концептосфера «счастье» в англоязычном тексте. Для исследования была выбрана сказка «Счастливый принц», характеризующаяся авторской манерой выражения мысли и содержащая в себе рассматриваемую нами концептосферу «счастье». При переводе художественных текстов сохранение и передача таких универсальных концептов, как концепт «счастье», необходимы. Актуальность данной работы связана с интенсивно развивающимся когнитивным направлением в изучении художественного текста и с интересом к разработке таких ключевых понятий, как «концепт» и «концептосфера». Наше исследование затрагивает проблематику передачи концептосферы при переводе на другой язык и выявляет сходства и различия концептосфер разных языков, рассматривает специфику авторской концептосферы. При решении задач в ходе работы были использованы следующие методы: – метод теоретического анализа литературы; – метод дефиниционного анализа; – метод концептуального анализа; – метод компонентного анализа; – описательный метод; – сравнительный метод. Новизна работы заключается в определении структуры концептосферы «счастье» в сказке Оскара Уайльда «Счастливый принц», а также его переводах на русский язык, рассмотрена структура концептосферы, определен состав ядерной и периферийной зоны, проведен сравнительный анализ репрезентации концептосферы в узусе, в тексте оригинала и в текстах переводов. Процесс моделирования концептосферы связан с обращением к концептосфере как к полевой структуре, состоящей из ядра, приядерной зоны, ближней и дальней периферии. В связи с этим объектом нашего исследования является концептосфера «счастье» в англоязычном тексте. Предметом исследования являются способы вербализации концептосферы «счастье» в сказке Оскара Уайльда «Счастливый принц». Актуальность, объект и предмет определили цель нашей работы: изучить способы вербализации концептосферы «счастье» в англоязычном тексте.

Ключевые слова:

концепт, концептосфера, художественный текст, сказка, Счастливый принц, перевод, оригинал, дефиниция, ядро концептосферы, периферия концептосферы

Теоретической основой послужили работы таких исследователей как Л. Г. Бабенко [\[1\]](#), У. А. Вежицкая [\[2\]](#), О. М. Вербицкая и Е. Л. Гаврилюк [\[3\]](#), С. Г. Воркачев [\[4, 5\]](#), А. В. Звягинцева [\[6\]](#), В. И. Карасик [\[7\]](#), Е. Н. Ковтун [\[8\]](#), В. Н. Комиссаров [\[9, 10\]](#), Е. С. Кубрякова [\[11, 12\]](#), Д. С. Лихачев [\[13\]](#), З. Д. Попова и И. А. Стернин [\[14\]](#), Ю. А. Прохоров [\[15\]](#), В. В. Сдобников [\[16\]](#) Г. Г. Слышкин [\[17\]](#) и других.

Материалом для нашего исследования послужила сказка Оскара Уайльда «Счастливый принц» [\[18\]](#) и её переводы на русский язык, выполненные К.И. Чуковским [\[19\]](#) и П.В. Сергеевым и Г. Нужиным [\[20\]](#).

Понятия «концепт» и «концептосфера» принадлежат разделу когнитивная лингвистика, а когнитивная лингвистика в свою очередь является частью когнитивной науки, или когнитивистики. В состав этого научного направления входят несколько научных дисциплин, но все они изучают процессы, отвечающие за получение, обработку, хранение, использование, организацию знания, а также процессы формирования этих структур в мозгу человека. Когнитивистика тесно связана с такими дисциплинами, как лингвистика, неврология, психология, философия, антропология, математика и логика. В

настоящее время когнитивная наука придерживается последовательного изучения языковых проявлений деятельности человеческого сознания для решения проблем, возникающих в ходе концептуального анализа [\[21, с. 34-38\]](#).

Индивидуальные концепты отличаются разнообразием. К их числу относятся индивидуально-авторские (художественные) концепты. Они выражаются ключевыми словами, присущими тому или иному писателю, философу [\[22, с. 90\]](#). О художественном концепте также говорит Г. Г. Слышкин, понимая под ним индивидуальный опыт автора произведения, а также указывая основную функцию художественного концепта – формирование новых смыслов и ассоциаций. Художественные концепты составляют уникальную индивидуально-авторскую картину мира или концептосферу художественного текста [\[23, с. 32\]](#).

Д.С. Лихачев обращает внимание на то, что, несмотря на индивидуальность концептов, они также отличаются всеобщностью, без которой процесс общения был бы неосуществим. Более того, концепты, так как являются потенциями значений, облегчают общение. Каждый концепт может быть расшифрован по-разному в зависимости от ситуационного контекста и культурного опыта, культурной индивидуальности концептоносителя» [\[24, с. 4-10.\]](#).

Исследователи-лингвисты З. Д. Попова и И. А. Стернин отмечают, что концепт является единицей концептосферы. Эти ученые понимают под концептосферой – обобщающую различные признаки окружающего мира мыслительную сферу, которая состоит из концептов, выраженных в виде мыслительных картинок, схем, понятий, фреймов, сценариев, гештальтов, абстрактных сущностей [\[25, с. 23\]](#).

В когнитивистике довольно часто исследователи производят сравнение тех или иных национальных концептосфер между собой. Такие исследования помогают выявить национальную специфику концептуализации похожих явлений сознанием разных народов и обнаружить безэквивалентные концепты и концептуальные лакуны [\[26, с. 59\]](#).

А.В. Звягинцева отмечает, что концептосфера текста получает свое выражение на лексическом и композиционно-тематическом уровнях сообщения [\[27, с. 6\]](#).

Структура концептосферы состоит из ядра и периферии, она дискретна, нерасторжима и цельна в совокупности базовых элементов – семантических сфер и семиосфер. Концептосфера отдельными своими элементами может быть связана с другими концептосферами. Также все отдельные и «в меру» самостоятельные концептосферы составляют концептуальное пространство [\[28, с. 79\]](#).

В нашем исследовании мы будем основываться на узком понимании термина «концептосфера», когда концепты из одной концептосферы связаны с содержанием посредством общих смыслов, а выражается это в языковых структурах общих для концептов. В языковых структурах воплощается система «представлений, образов и ассоциаций, рождающихся при сознательном или бессознательном механизме восприятия» [\[29, с. 4-10\]](#).

Концепт «счастье» один из важнейших элементов картины мира любого народа. Тема счастья очень часто находит отражение в художественных произведениях, так как проблема его определения и поиска так или иначе затрагивает почти каждого человека, поэтому неудивительно, что дать своё определение счастью стремятся многие

исследователи с давних времён. Абстрактность и многозначность этого концепта привели к тому, что трактовка этого понятия необычайно многочисленна и отличается многогранностью, что также отражено в словарях, где можно найти множество вариантов определения слова «счастье».

Так, например, С. Г. Воркачев упоминает мнение, что счастье является настолько индивидуальным представлением, что его определений существует столько же, сколько людей, но тут же Воркачев делает замечание, что данная точка зрения при тщательном рассмотрении оказывается неверной, так как индивидуальные представления можно типировать, а количество представлений счастья может быть обозначено количеством концепций счастья в каком-либо конкретном этноязыковом социуме [\[30, с. 41\]](#)

Проведённый дефиниционный анализ концепта «счастье» в русской и английской лингвокультурах показал следующее: концепт «счастье» в русском языке представлен лексемой «счастье», а также рядом других компонентов. Так, в центральной части (приядерной зоне) концепта «счастье» размещаются нейтральные лексемы, относящиеся к основным значениям слова «счастье» – удовлетворённость, довольство, удовольствие, радость, блаженство, удача, успех. Эти слова могут быть отнесены в центр концепта, так как их смысловые компоненты не сильно различаются между друг другом. В ближнюю периферию мы включим ассоциации к слову «счастье». Мы будем основываться на информации из ассоциативного словаря [\[31\]](#) – есть, любовь, горе, моё, несчастье, большое, жизнь, семья, хорошо, деньги, нет, огромно, добро, беда; много, будет, веселье, вечное, светлое, было, далеко, долгожданное, дом, друзья, здорово, мир, прекрасно, семейное. Мы исключили те ассоциации, которые уже указаны в приядерной зоне, и те, что находятся в близком родстве, являясь однокоренными.

В состав дальней периферии нами были включены синонимы к лексемам из приядерной зоны и ближней периферии. В итоге структура концепта «счастье» в русской лингвокультуре может быть визуализирована следующим образом, как это продемонстрировано на Рисунке 1

Рис.1. Структура концепта «счастье».

Составленная нами структура концепта «счастье» не окончательная и при необходимости может быть расширена в результате других видов анализа (фразеологического,

антонимического и других), однако в рамках нашего исследования собранной структуры достаточно, чтобы получить общее представление о концепте «счастья» в русском языке. При работе мы опирались на данные «Толкового словаря русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова» [32].

Теперь обратимся к английским словарям и проанализируем концепт "happiness" в английском языке. Было проанализировано 7 англо-английских словарных источников: "Cambridge Dictionary" [33], "Longman Dictionary for Contemporary English" [34], "Macmillan English Dictionary for Advanced Learners" [35], "Merriam Webster Dictionary" [36], "Oxford Advanced Learner's Dictionary" [37], "Synonyms Thesaurus With Definitions and Antonyms" [38], "Thesaurus" [39].

Принципы составления структуры концепта "happiness" в английском языке соответствуют принципам составления структуры концепта для русского языка. Визуализацию англоязычного концепта "happiness" можно увидеть на Рисунке 2.

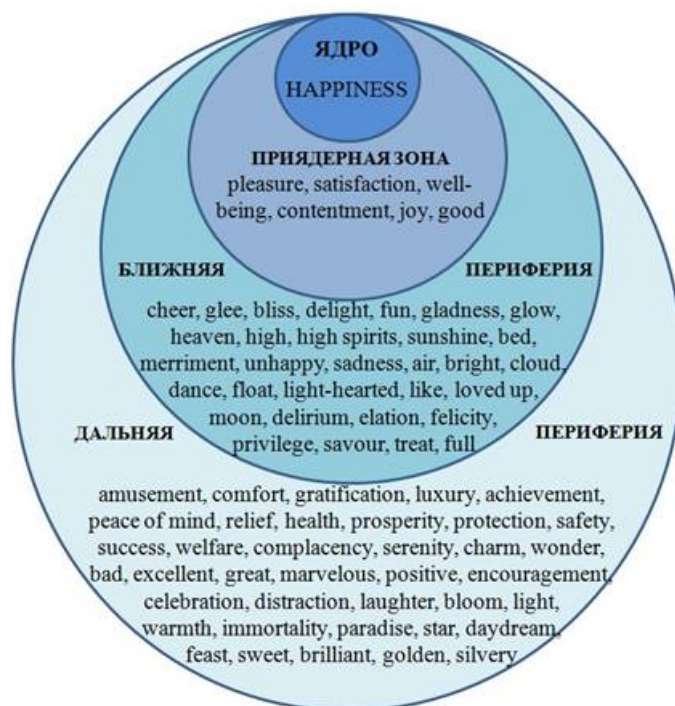

Рис.2 Структура концепта "happiness"

В ходе сопоставительного анализа мы также выяснили, что совпадение концептов «счастье» в русском и английском неполное. Например, в русском можно наблюдать слова, связанные со значениями «удача» и «успех», ближе к ядру. Это связано с тем, что в русском языке эти значения выделяются как второстепенные во многих дефинициях и активно употребляются в речи, в то время как в английском значение "lucky" уже считается устаревшим. В русской концептосфере более выражена лексика, связанная с домом, семьей и любовью, в то время как в английской концептосфере много абстрактных понятий, создающих более возвышенный образ счастья: "heaven", "paradise", "moon", "air", "cloud" и так далее.

Проанализируем, каким образом представлена концептосфера «счастье» в сказке Оскара Уайльда «Счастливый принц», сопоставим его с лексикографическими дефинициями, а затем выясним, каким образом передается анализируемая концептосфера в русскоязычных переводах.

Так как рассматриваемый нами концепт «счастье» представлен в названии произведения в форме английского прилагательного "happy" и, очевидно, обладает концептуальной значимостью, мы начнем с анализа семантики заглавия и его семантического радиуса в тексте.

Слово "happy" в сочетании со словом "prince" употребляется на протяжении всего текста 17 раз. "The Happy Prince" не только название, но и имя одного из главных героев сказки, поэтому столь частое повторение обусловлено повествованием. Примечательно, что "happy" встречается вне сочетания со словом "prince" только 4 раза и лишь один раз в форме существительного "happiness". Суммарное количество повторений – 22 раза. Так как "the Happy Prince" является ключевым персонажем, а слово "happy" напрямую взаимосвязано с рассматриваемым нами концептом, то стоит обратиться к образу Принца, созданного Оскаром Уайльдом, и к тому, как Счастливый Принц воспринимается другими персонажами, фигурирующими в сказке.

Оскар Уайльд уделяет много внимание внешности Принца с первых строчек, он наделяет его внешний вид богатством: "leaves of fine gold", "two bright sapphires", "large red ruby" [40, с. 4]. Образ драгоценностей и украшений не раз встречается на протяжении всего произведения в ходе рассказов Ласточки о Египте: "a chain of pale green jade", "green beryls", "the ruby shall be redder than a red rose", "the sapphire shall be as blue as the great sea", "amber beads", "a large crystal".

Красоту, но непрактичность Принца отмечает городской советник: "not quite so useful". Все остальные действующие лица рассказа также обращают внимание на внешность Принца. В их понимании Принц и его роскошная красота и символизируют счастье. Они заинтересованы только в его образе, а не в наполнении, они уверены, что тот счастлив сам по себе. Мать ставит Принца в пример своему сыну, говоря, что Принц не стал бы плакать ни по какому поводу, что вступает в прямое противоречие с дальнейшими событиями в повествовании.

Горожане не могут знать причину, почему их Принц стал "little better than a beggar". Им неизвестно, что Принц-статуя, раздав свои богатства, помог и принёс пользы другим намного больше, чем при своей жизни. Та лёгкость, с которой горожане избавились от Принца, потерявшего всю красоту, так же говорит об их восприятии только внешнего: "As he is no longer beautiful he is no longer useful" [41, с. 17].

Даже Ласточка, пристроившись у ног принца на ночлег, поначалу руководствовалась, прежде всего, практичностью, и только потом, взглянув в его опечаленное лицо, заинтересовалась тем, кто он на самом деле и почему он расстроен.

Теперь найдём в тексте слова, которые входят в англоязычный концепт "happiness", чтобы узнать, насколько они взаимосвязаны с концептом «счастье» в тексте Оскара Уайльда. У нас получился следующий список слов: pleasure, joy, enjoyed, good, bed, glad, sad, glow, high spirits, high, moon, air, dance, bright, merry, cloud, star, gold, wonder, laugh, warm, great, marvelous. Рассмотрим некоторые из слов.

Одна из причин восприятия Принца, как символа счастья, раскрывается самим Принцем в рассказе Ласточке о себе: "My courtiers called me the Happy Prince, and happy indeed I was, if pleasure be happiness" [42, с. 7]. Здесь фигурирует слово "pleasure", которое пересекается с основными определениями счастья, приведёнными ранее, и входит в приядерную зону концепта "happiness", но в контексте сказки Оскара Уайльда понимание счастья как удовольствия ставится под сомнение.

Сам Принц, став статуей, словно потерял личное понимание «счастья» как таковое и во фразе: "if pleasure be happiness" – выражает сомнение в том, что вообще когда-либо знал, задумывался и понимал что это такое. Атмосфера беззаботности его прошлого подчёркивается в предложении "Round the garden ran a very lofty wall, but I never cared to ask what lay beyond it, everything about me was so beautiful" [\[43, с. 7\]](#).

Сейчас же Принц со своей колонны видит только людские страдания и, даже помогая страдающим, он не выражает однозначной уверенности в том, что отданные им драгоценности в действительности принесут людям счастье: "I am covered with fine gold," said the Prince, "you must take it off, leaf by leaf, and give it to my poor; the living always think that gold can make them happy" [\[44, с. 15\]](#). По сути, Принц, отдавая людям то единственное, что у него было, а именно – своё драгоценное убранство, пытался сотворить своё собственное счастье – возможность больше не видеть чужих страданий, быть полезным людям.

Принц сострадает им, но также находит что-то прекрасное в их страданиях. Весь текст наполнен контрастами и противоречиями, и в этом стремлении не видеть людские горести Принц не замечает невзгоды своей маленькой помощницы Ласточки, которая к нему ближе всех. Ещё одно слово, входящее в приядерную зону – "joy".

Оно упоминается в одном из рассказов Ласточки о своих друзьях-ласточках и Египте: "All night long he watches the stars, and when the morning star shines he utters one cry of joy, and then he is silent" [\[45, с. 11\]](#).

Это слово употребляется в словосочетании "cry of joy". Слово "cry" часто употребляется в рассказе в двух своих значениях, согласно "Cambridge Dictionary": 1. to produce tears as the result of a strong emotion, such as unhappiness or pain; 2. to call out loudly [\[46\]](#).

В сочетании "cry of joy" представлено второе значение, как и в большинстве других случаев употребления в тексте. Первое же значение, в формулировке определения которого присутствует упоминание однокоренного к "happiness" антонима – "unhappiness", употребляется только по отношению к мальчику в начале сказки, по отношению к больному мальчику, к девочке со спичками и по отношению к самому Принцу.

Словосочетание "cry of joy" создаёт образ счастья выраженного в радости, которую сдерживать невозможно и о которой хочется громко заявлять. Рассказы Ласточки о Египте полны тёплых цветов: "yellow linen", "green jade", "yellow lions", "green beryls", "green palm-trees", "pink and white doves", "red ibises". Они изображают беспечность и радость жизни, которые и находят выражение в словосочетании "cry of joy". Также слово "enjoyed", являющееся однокоренным слову "joy", употребляется по отношению к Ласточке: "Wherever he went the Sparrows chirruped, and said to each other, "What a distinguished stranger!" so he enjoyed himself very much" [\[47, с. 10\]](#).

Ласточка, её рассказы о дальних странах, её влюблённость в тростник, её легкомысленность, её способность летать и свободно перемещаться представляют полную противоположность Принцу-статуе. Слово "bed" входит в ближнюю периферию англоязычного концепта "happiness". В сказке присутствует много слов, отсылающих к состоянию сна: dream, dreaming, bedroom, sleep, asleep, sleepy, slumber, в том числе слово "bed".

Ласточка прилетела к ногам Принца, чтобы поспать, дети видят во сне ангелов, Король

спит в гробнице, мать больного ребёнка уснула от усталости, мальчик, когда от взмахов ласточкиных крыльев ему стало лучше, тоже погружается в сон, и, наконец, Ласточка в последней фразе перед своей смертью, тоже отсылается ко сну, более того, она намекает на схожесть понятий «смерть» и «сон»: "It is not to Egypt that I am going," said the Swallow. "I am going to the House of Death. Death is the brother of Sleep, is he not?" [48, с. 16]. Сон представляется неким состоянием свободным от жизненных переживаний, как от физических, так и от моральных, и тоже соотносится с счастьем.

Оскар Уайльд использует слова, которые в основном входят в состав ближней периферии концептосферы, составленной нами, слова входящие в приядерную зону также присутствуют

Для моделирования концептосферы художественного произведения мы будем использовать алгоритм, предложенный Л. Г. Бабенко [49, с. 63-67]. Его общая структура совпадает со структурой концептосферы из предыдущего параграфа. Приступим к моделированию концептосферы. 1. В ядре будет находиться слово "happiness". 2. В приядерную зону мы включим самые типичные и самые употребляемые лексические репрезентации концепта «счастье». Для этого нам необходимо рассмотреть концепт «счастье» с разных позиций. В сказке Оскара Уайльда «Счастливый принц» с позиции субъекта счастья выступают непосредственно сам Счастливый Принц, больной ребёнок, молодой писатель, девочка со спичками, бедные мальчики, горожане и ласточка. Это основные носители идеи счастья.

С позиции предиката счастья утверждение о счастье высказывается в сторону Принца: "My courtiers called me the Happy Prince...", "quite happy", а также в эпизоде с молодым писателем: "he looked quite happy". С точки зрения источника счастья, то есть с позиции причины, у каждого субъекта будет свой источник. Для Счастливого Принца при жизни причина счастья – это удовольствия и неведение, для Счастливого Принца-статуи – отсутствие страданий и помощь другим, для больного ребёнка – возможность спокойно уснуть, для молодого писателя – возможность согреться и закончить пьесу, для девочки со спичками счастье – принести домой деньги, чтобы отец её не бил, для бедных мальчиков – это хлеб и возможность согреться, а для горожан – красота богатства и практичность, для ласточки – любовь. В большинстве случаев источник счастья плотно взаимосвязан с материальным благополучием. Бедные – страдают, богатые – пируют, но этот принцип разрушается Принцем, который обладая богатым убранством, всё равно несчастен.

Смена нечастного состояния на счастливое наблюдается у детей, которым помогают Ласточка и Принц. Мы видим такие проявления счастья как – смех, танцы, игры, что соотносится с образом Счастливого Принца при жизни, а тот образ косвенно характеризуется Уайльдом как счастье-удовольствие, но все эти составляющие также подходят для образа счастья-беззаботности. В остальных случаях Оскар Уайльд не акцентирует внимание на проявлениях счастья, основной фокус сохраняется на проявлениях несчастья.

3. Ближайшую периферию составляют образные номинации счастья. Сюда входят лексемы, которые используются автором для описания образов счастья. Автор обращается к устойчивым образам счастья: счастье, как удовольствие; счастье, как богатство и деньги; счастье, как отсутствие забот; счастье, как любовь. Так же присутствуют авторские образы счастья: счастье, как красота; счастье, как тепло; счастье, как полезность и помощь другим; счастье, как сон. Оскар Уайльд не создаёт однозначный образ. Красота всегда может увянуть, за теплом всегда приходит холод,

помощь другим требует самопожертвования, а сон «брат смерти».

4. В дальнейшую периферию входят субъективно-модальные смыслы, которые можно выделить из системы образных средств, а также из встречающихся эмоционально-оценочных слов. В сказке «Счастливый принц» счастье представлено как субъективное чувство или состояние, которое сложно уловить и измерить.

Со стороны счастье оценивается с оттенком неуверенности и неполноценности: "who is quite happy", "he looked quite happy", это подчёркивает субъективность ощущения счастья. То, что может являться счастьем для одного, будет обыденной данностью для другого. Счастливый Принц не знал о несчастьях, проживая свою беззаботную жизнь. Фрейлина королевы, для которой мать больного ребёнка вышивает цветы на платье, не имеет ни малейшего представления о проблемах швеи. Для богатой дамы та просто ленился. Автор выстраивает рассказ на контрастах счастья и несчастья. Оскар Уайльд выделяет в повествовании момент, когда созданный им до этого образ красивого Счастливого Принца, сменяется на опечаленного и несчастного Принца: "But before he had opened his wings, a third drop fell, and he looked up, and saw – Ah! what did he see?" [50, с. 6]. Такое акцентирование помогает нам понять, что внешнее счастье не всегда равно внутреннему. Используя такие прилагательные как "marvellous thing", "Mystery so great", Оскар Уайльд словами Принца описывает страдания, как нечто удивительное и непостижимое. Такое описание более свойственно для счастья, нежели чем для проявления несчастья, что указывает на взаимосвязь этих понятий в мировоззрении Уайльда и добавляет противоречивости.

Руководствуясь алгоритмом составления концептосферы для художественных произведений, мы получаем следующую структуру концепта «счастье» в сказке Оскара Уайльда «Счастливый принц», которая представлена на Рис. 3

Рис. 3. Концептосфера слова «happiness» в сказке О. Уайльда

Если сравнивать концептосферу «счастье» произведения «Счастливый принц» и англоязычную концептосферу, составленную при помощи словарных дефиниций, то

можно заметить, что некоторые элементы, входившие в ближнюю и дальнюю периферии у Уайльда перешли в приядерную зону или ближнюю периферию. Однако есть совершенно новые элементы, которые и делают концептосферу «счастье» сказки «Счастливый принц» особенной.

Из-за противоречивости и двойственности образа счастья, который создал Уайльд, в состав концептосферы также входят слова присущие антониму слову "happiness" – "unhappiness". Самой многочисленной является приядерная зона, а самой малочисленной дальняя периферия, что говорит о том, что концептосфера имеет довольно яркое выражение и играет важную роль в повествовании сказки.

Проанализируем точность передачи концептосферы «счастье» в сказке «Счастливый принц» в русских переводах. Для анализа мы взяли наиболее популярный перевод, сделанный Корнеем Ивановичем Чуковским [\[51\]](#), считающийся классическим вариантом перевода, а так же более современный перевод, выполненный П. В. Сергеевым и Г. Нуждиным [\[52\]](#).

Обратимся к лексической репрезентации ядра концептосферы «счастье», а именно к слову «счастье». Наиболее часто в переводах, также как в оригинале, фигурирует слово «счастливый» и его различные производные лексемы: у Чуковского – 35 раз, из которых 29 раз в сочетании со словом «принц», а у Сергеева и Нуждина – 23 раза, из которых только 16 раз со словом «принц».

Также само существительное «счастье» у Чуковского упоминается – 3 раза, а у Сергеева и Нуждина – 1 раз. И в том, и в другом переводах есть случаи замены части речи. Так "happy" становится словами «счастливец», «счастлив», «счастье». Но тем ни менее, можно сказать, что ядерная составляющая концептосферы «счастье» сохраняется и в том, и другом переводах.

Теперь рассмотрим передачу лексем из приядерной зоны. Слово "pleasure" в переводах передаётся словами «наслаждение» и «удовольствие». В рассказе Принца о своей былой жизни Чуковский оставляет французское "Sans Souci" без изменений и даёт авторский комментарий в скобках, переводя его, как «Беззаботность». Это взаимосвязано с тем, что Оскар Уайльд возможно даёт отсылку к реальному месту. Существует как минимум два дворца, которые были названы "Sans Souci". Таким образом Чуковский полностью сохраняет изначальный образ, созданный Уайльдом. У Сергеева и Нуждина словосочетание "the Palace of Sans Souci" переведено как «Дворец Утех», что несколько меняет концептосферу, добавляя в неё новые выражения и ассоциации, не свойственные концептосфере «счастье» оригинала. Слово "enjoyed" во фразе "so he enjoyed himself very much" в переводе Чуковского опускается, а смысл выраженный этим словом переводится основываясь на контексте, и проходит целостное преобразование: «... что было для неё чрезвычайно лестно».

В переводе Сергеева и Нуждина сохраняется взаимосвязь с концептосферой: «Скворец остался очень доволен собой». Интересно, что в варианте перевода Сергеева и Нуждина лексема «радостный» часто появляется там, где её нет в оригинале. Например, "he cried" превращается в «радостно воскликнул он»; "cried the little girl" – «обрадовано сказала она»; "they cried" – «радостно кричали они». Начнём с того, что многозначность английского слова "cry" передать в русском языке переводом полным эквивалентом невозможно. Можно предположить, что характеристика к действию была добавлена переводчиками для усиления образности, ведь, исходя из контекста, этим героям действительно следовало быть обрадованными, получив помощь от Принца.

Слово "joy" у Уайльда употребляется только два раза, у Сергеева и Нужи́дина различные вариации лексемы «радость» встречаются семь раз: «радостные звуки», «мысль его очень обрадовала», «обрадовано сказала», «радостно кричали», «радости никто не отнимет» и другие случаи. Использование этих наречий, входящих в приядерную зону концептосферы «счастье», усиливает образ счастья как радости, но счастье в сказке Уайльда не только радость. Оскар Уайльд выстраивает в своей сказке образ полный противоречий и контрастов, излишнее использование тех или иных стилистических средств в переводе может привести к нарушению передачи изначального образа, а значит и к изменению концептосферы.

Концептосфера в переводе Сергеева и Нужи́дина сосредотачивается, прежде всего, на понятии счастья, как радости. Об этом также свидетельствует использование слова «радость» в самом последнем предложении их перевода сказки: «радости этой никто не отнимет у них», – когда в оригинале Уайльда эта фраза полностью отсутствует.

Все носители счастья из оригинальной сказки сохраняются и в переводах. В большинстве случаев источники счастья также остаются за исключением некоторых случаев. Например, словосочетание "weighing out money" в переводе Сергеева и Нужи́дина «звеня медью» утрачивает оттенок отношения к деньгам, как к чему-то, что берегут и высоко ценят. У Чуковского этот оттенок сохраняется: «взвешивавших монеты». Другой более важный элемент был утерян при переводе Сергеевым и Нужи́диным слова "useful". Это слово раскрывает один из источников счастья для горожан. Согласно "Cambridge Dictionary" "useful" – effective; helping you to do or achieve something [\[53\]](#).

На русский язык в обоих переводах "useful" переводится как «полезнее» и «полезен». В «Толковом словаре русского языка» Д.Н. Ушакова у слова «полезный» есть два значения: 1. приносящий пользу (положительное, благотворное воздействие, хороший результат для кого-чего-нибудь); 2. пригодный, нужный для какой-нибудь определенной цели; составляющий ту часть целого, которая может быть использована по непосредственному назначению (спец.) [\[54\]](#). Второе русское значение ближе по смыслу к английскому определению. Первое значение в русском языке подразумевает действия, приносящее положительный результат не только для того, кто производит действие, но и для других.

Во второй раз слово "useful" используется уже к концу истории и его использование не случайно, слово отсылает нас в начало к тому как видит Принца один из горожан. В таких случаях сохранять параллелизм при переводе очень важно, что можно наблюдать в переводе фразы "no longer useful" Чуковским, он использует однокоренное слово «польза» – «нет и пользы», а переводчики Сергеев и Нужи́дин переводят эту фразу, как «более и не нужен». Слово «нужный» является синонимом к слову «полезный», но лексическая взаимосвязь со словом «полезный», использованного в начале сказки, утрачивается, также как и характеристика образа Принца, ведь в течение повествования Принц и его действия приносят пользу людям. Слово «нужный» такого значения за собой не несёт.

Важной составляющей концептосферы «счастье» является позиция проявления счастья, здесь также можно отметить некоторые изменения при переводе. Сергеев и Нужи́дин фразу "laughed and played games in the street" переводят как «играя друг с другом и весело толкаясь». Слово «весело» взаимосвязано со словом "laugh", но переведённое «толкаясь» является случаем индивидуальной интерпретации. Также слово "fun" и его производные лексемы хоть и входят в ближнюю периферию концептосферы "happiness",

описанную нами ранее, в сказке Оскара Уайльда никак не упоминаются, а одна из позиций проявления счастья – “laugh” – теряется. То же самое можно наблюдать в переводе “she ran home, laughing” – «весело побежала домой». Есть один случай потери проявления счастья и у Чуковского: “the sound of dancing” – «звуки музыки», когда как у Сергеева и Нудина используются конкретизация и расширение значения: «мимо радостных звуков бала и танцев».

Звуки музыки не являются способом проявления счастья в контексте сказки «Счастливый принц», а танец является. Схожую ситуацию можно заметить в переводе ещё одного предложения: “In the daytime I played with my companions in the garden, and in the evening I led the dance in the Great Hall” [55, с. 7].

Чуковский перевёл словосочетание “led the dance”, просто как «танцевал». Переводчики Сергеев и Нудин использовали словосочетание «открывал бал», что передаёт смысл глагола “led”, но глагол “dance” опускается.

В этом же предложении присутствует ещё один способ проявления счастья – глагол “played”, который Сергеев и Нудин переводят эквивалентом «играл», а Чуковский использует слово «забавлялся». Это слово имеет более широкий смысл «проводить время весело и приятно» [56] и является синонимом к слову «играть». Эта переводческая трансформация не сильно влияет на передачу концептосферы «счастья» оригинального рассказа, так как по-прежнему остаётся проявлением счастья, испытываемого человеком.

Одно из словосочетаний, входящих в концептосферу «счастье» оригинала, представило сложность для передачи: “I never cared to ask”. Слово “care” имеет как минимум два значения согласно “Cambridge Dictionary”: первое – защищать кого-либо или что-либо и предоставлять всё необходимое; второе – интересоваться или беспокоиться о чём-то [57]. В общем контексте сказки подразумеваются оба значения. Принца при жизни не заботило счастье или несчастье других людей. Чуковский переводит эту фразу как: «я ни разу не догадался спросить». Здесь утрачивается первое значение, представленное в английской дефиниции, но смысл того, что Принц даже не задумывался о жизни людей по ту сторону стены, передаётся. Перевод Сергеева и Нудина звучит как: «мне и знать не хотелось». Здесь создаётся впечатление, что Принц намеренно не хотел ничего знать о мире вне его дворца. Ничего из других описаний Принца в оригинале не характеризует его подобным образом. Для ласточки счастье – это любовь к тростинке и любовь к Принцу. Любовь к тростнику передаётся без искажений и в том, и в другом переводе, а вот любовь к Принцу, выраженная в одном из предложений фразой: “... he loved him too well”, в переводе Сергеева и Нудина полностью опускается без какого-либо замещения. Возможно, это взаимосвязано с гендерными особенностями действующих лиц и именно этим и было мотивировано опущение, но при этом фраза-признание в любви от Принца к Скворцу (то есть к Ласточке), которое встречается далее в повествовании, ими переведена была: “... for I love you” – «... ведь я люблю тебя». Так или иначе, образ счастья как любви в сказке закреплён прежде всего за Ласточкой и исключение такой ключевой для персонажа фразы не является мотивированным.

Из 27 слов и выражений, которыми представлена приядерная периферия 14, а именно: jewel, fine gold, bright sapphires, red ruby, beautiful, wonderful, glad, delicious slumber, finish the play, bread, sleep, warm, good action – переведены без значительных искажений концептосферы в обоих переводах. При этом 6 слов и выражений из этой периферии были искажены в переводе Чуковского, а 8 в переводе Сергеева и Нудина.

В ближней периферии находятся образные номинации концептосферы «счастье». Рассмотрим выражение, которое входит в ближнюю зону, словосочетание "cry of joy". Чуковский переводит слово "joy", используя полный эквивалент: «радостный клик», а слово "cry" было переведено как «клик», для избегания негативного оттенка русского слова «крик». В переводе же Сергеева и Нуждина наблюдается индивидуальная интерпретация «горький стон», которая создаёт противоположный образ и утрачивает одно из ключевых слов для концептосферы «счастье». Выражение "city of Gold" использует слово "gold", которое составляет важную часть образности сказки, более того это словосочетание может отсылать к мифам. В переводах и Чуковский «сияющем чертоге», и Сергеев и Нуждин «Небесном Городе» опускают слово "gold", теряя этот элемент в заключительном предложении сказки. Сергеев и Нуждин сохраняют слово «город». Чуковский, использует слово «чертог», не являющееся эквивалентом к слову «город». Похожие изменения можно наблюдать в этом же предложении в переводе словосочетания "garden of Paradise". Чуковский осуществляет эквивалентный перевод, который сохраняет лексику из концептосферы «счастье» Уайльда, в то время как Сергеев и Нуждин интерпретируют это словосочетание как «в саду Моем», убирая слово "Paradise". Возможно, это мотивировано тем, что раз речь идёт о саде бога, то из контекста читатель может сам понять, что речь идёт именно о райских садах, но связь с концептосферой при таком переводе теряется.

Во фрагменте, в котором Принц говорит о том, какой он видит жизнь теперь, будучи статуей, употребляются два слова из ближайшей периферии – "ugliness" и "misery". К сожалению, многозначность этих слов в контексте «Счастливого принца» была передана в переводах лишь частично. Оба перевода используют слова «скорбь» и «нищета». Слово "ugliness" означает что-то непривлекательное, некрасивое [58], и переводчики его опускают с целью раскрыть значение слова "misery", но не учитывают взаимосвязь с темой красоты, присутствующей в данной сказке.

Кэмбриджский словарь даёт определения "misery", как "great unhappiness" или как "someone who is often very unhappy and is always complaining about things" [59]. Это слово является антонимом к слову "happiness", в русском языке нет полного эквивалента этому английскому слову, оно имеет следующие переводы в русском: страдание, горе, мучение, нищета, бедность. Использованное переводчиками слово «скорбь», хоть и является синонимичным к слову «горе», согласно словарю Ушакова, среди первых значений у этого слова значение «крайней печали, горести» [60] и чаще всего это слово употребляется в контексте утраты. Выходит лексики, использованные в переводах, передают общий смысл высказывания, но не отражают взаимосвязь с остальными образными элементами сказки.

Похожее происходит со словом "suffering" в переводе Сергеева и Нуждина. Они используют слово более узкое по значению – «горе». Особое внимание следует уделить случаю, когда словосочетание "the poor Prince" переводится с использованием однокоренного слову «счастье» антонима – «несчастный Принц», в то время как в оригинале этого нет. Английское слово "poor" согласно "Cambridge Dictionary" имеет как минимум три значения:

1. having little money and/or few possessions;
2. not good; being of a very low quality, quantity, or standard;
3. deserving sympathy [61].

В контексте сказки Принцу подходит и первое, и третье значения. На русский слово "poor" обычно переводится, как «бедный», но в обоих случаях переводчики перевели "poor", как «несчастный». Такая замена лишает перевод первого значения слова "poor", но подчёркивает смену образа Принца: из счастливого он стал несчастным, но смена образа Принца – из богатого, он стал бедным – не находит отражения. Восемь слов и словосочетаний ближней периферии из двадцати трёх теряли связь с концептосферой «счастье» сказки. В процентном соотношении это меньше, чем процент потери среди элементов приядерной зоны.

Элементы дальней периферии несмотря на свою удалённость от центра в целом были переданы в переводах практически без изменений. Однако, нам следует обратить внимание на слово "quite" в словосочетаниях "quite happy". В "Cambridge Dictionary", есть две противоречивые между собой дефиниции слова "quite": 1. completely; 2. a little or a lot but not completely [\[62\]](#). Русского аналога с подобной двойственностью значения не существует, поэтому Чуковский вовсе опускает это слово. Сергеев и Нуждин переводят это словосочетание, основываясь на первом значении английского слова: «действительно счастлив», «самого счастливого человека». Изучив переводческие трансформации в переводах сказки «Счастливый принц», мы можем прийти к выводу, что концептосфера слова «счастье» этого произведения претерпела изменения, которые в большинстве случаев в переводе Чуковского теряют образность и многозначность оригинала и связаны с асимметрией английского и русского языков. В переводе Сергеева и Нуждина происходит искажение концептосферы, индивидуальная интерпретация добавляет смыслы и оттенки изначально не подразумеваемые автором.

Итак, практический анализ концептосферы «счастье» позволяет нам сделать следующие выводы:

1. В русском языке концептосфера «счастье» включает в себя: состояние удовлетворенности; чувство довольства и радости; удача; успех; благоприятные жизненные обстоятельства. В английском языке концептосфера «счастье» включает те же элементы, но значение удачи и успеха находятся на дальней периферии. Русская концептосфера «счастье» отличается наличием значений связанных с материальными благами, семейными и любовными отношениями, а в английской концептосфере присутствует множество абстрактных понятий и отстраненных образов.
2. Концептосфера «счастье» в сказке Оскара Уайльда «Счастливый принц» отличается от англоязычной и русскоязычной концептосфер, хотя и имеет некоторые общие элементы, но зачастую эти элементы располагаются в другой зоне концептосферы. Также в полученной нами структуре присутствуют новые элементы, которые и создают уникальность авторской концептосферы «счастье».
3. Лексемы, которые входят в состав структуры концептосферы «счастья», определенной нами, в переводе Сергеева и Нуждина были переданы не точно, что привело к искажению концептосферы «счастье» сказки Уайльда, ввиду частого обращения к индивидуальной интерпретации. Перевод Корнея Ивановича Чуковского лучше передаёт стилистические особенности и образность оригинала, а концептосфера «счастье», хоть и теряет некоторые свои элементы, в целом сохраняется.

Библиография

1. Бабенко Л. Г. Филологический анализ текста. Практикум. М.: Академический Проект, 2003. 400 с.

2. Вежбицкая У. А. Язык. Культура. М.: Русские словари, 1996. 411 с.
3. Вербицкая О. М., Гаврилюк Е. Л. Особенности авторского стиля Оскара Уайльда (на материале сказов О. Уайльда) // Научно-педагогический журнал Восточной Сибири Magister Dixit. 2013. № 1 (13). С. 121-131.
4. Воркачев С. Г. Концепт счастья: понятийный и образные компоненты // Известия РАН Серия лит-ры и языка. 2001. Т. 60, № 6. С. 47-58.
5. Воркачев С. Г. Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа. Краснодар : КубГТУ, 2002. 142 с.
6. Звягинцева А. В. Интонационный уровень реализации концептосферы текста: на материале английского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 19 с.
7. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. // Волгоград : Перемена, 2002. 476 с.
8. Ковтун Е. Н. Город как модель пространства Мира Посмертия в российской, инославянской и западной фантастике // *Славяноведение*, 2022, издательство ФГБУ "Издательство "Наука" (Москва), № 3. С. 121-136.
9. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.docsity.com/ru/komissarov-v-n-teoriya-perevoda/7490234/> (дата обращения: 17.09.2023)
10. Комиссаров В. Н. Общая теория перевода. Проблемы переводоведения в освещении зарубежных ученых. Учебное пособие. М.: ЧеРо, 1999. 134 с.
11. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Рос. академия наук. Ин-т языкознания. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с. – (Язык. Семиотика. Культура).
12. Кубрякова Е. С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики, 2004. № 1. С. 6-17.
13. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Известия РАН. Сер. лит. и яз, 1993. 468 с.
14. Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2001. 191 с.
15. Прохоров Ю. Е. К проблеме «концепта» и «концептосферы» // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей. М.: МАКС Пресс, 2005. Вып. 30. С. 74-94.
16. Сдобников В. В. Теория перевода: (учебник для студентов лингвистических вузов и факультетов иностранных языков). М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. 448 с.
17. Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М.: Academia, 2000. 139 с.
18. Уайльд О. Счастливый принц и другие сказки. М.: Издательство ИКАР, 2014. 204 с.
19. Уайльд О. Счастливый принц: Сказки. Пер. с англ. К. Чуковский. М.: Мартин, 2019. 192 с.
20. Уайльд О. Счастливый Принц. Пер. с англ. П.В. Сергеев, Г. Нуждин [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.ru/WILDE/prince.txt>. (дата обращения: 20.05.2023).
21. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Рос. академия наук. Ин-т языкознания. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 34-38.
22. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. // Волгоград : Перемена, 2002. С. 90.
23. Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и

- дискурсе. М.: Academia, 2000. С. 32.
24. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Известия РАН. Сер. лит. и яз, 1993. С. 4-10.
25. Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2001. С. 23.
26. Вежбицкая У. А. Язык. Культура. М.: Русские словари, 1996. С. 59.
27. Звягинцева А. В. Интонационный уровень реализации концептосферы текста: на материале английского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. С. 6.
28. Прохоров Ю. Е. К проблеме «концепта» и «концептосферы» // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей. М.: МАКС Пресс, 2005. Вып. 30. С. 79.
29. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Известия РАН. Сер. лит. и яз, 1993. С. 6.
30. Воркачев С. Г. Концепт счастья: понятийный и образные компоненты // Известия РАН Серия лит-ры и языка. 2001. Т. 60, № 6. С. 41.
31. Русский ассоциативный словарь. В 2 т. / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов ; [Электронный ресурс]. URL: <http://thesaurus.ru/dict/>. (дата обращения: 16.05.2023).
32. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. [Электронный ресурс]. URL: <https://ushakovdictionary.ru/>. (дата обращения: 16.05.2023).
33. Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/>. (дата обращения: 16.05.2023).
34. Longman Dictionary for Contemporary English [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ldoceonline.com/>. (дата обращения: 19.10. 2023).
35. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners [Электронный ресурс]. URL: <https://www.macmillandictionary.com/>. (дата обращения: 16.09.2023).
36. Merriam Webster Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://www.merriam-webster.com/>. (дата обращения: 16.09.2023).
37. Oxford Advanced Learner's Dictionary / McIntosh C., Turnbull J. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/>. (дата обращения: 16.09.2023).
38. Synonyms Thesaurus With Definitions and Antonyms [Электронный ресурс]. URL: <https://www.synonym.com/>. (дата обращения: 16.09.2023).
39. Thesaurus [Электронный ресурс]. URL: <https://www.thesaurus.com/>. (дата обращения: 18.09.2023).
40. Уайльд О. Счастливый принц и другие сказки. С.4.
41. Уайльд О. Счастливый принц и другие сказки. С.17.
42. Уайльд О. Счастливый принц и другие сказки. С.7.
43. Уайльд О. Счастливый принц и другие сказки. С.7.
44. Уайльд О. Счастливый принц и другие сказки. С.15.
45. Уайльд О. Счастливый принц и другие сказки. С.11.
46. Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/>. (дата обращения: 16.05.2023).
47. Уайльд О. Счастливый принц и другие сказки. С. 10.
48. Уайльд О. Счастливый принц и другие сказки. С. 16.
49. Бабенко Л. Г. Филологический анализ текста. Практикум. М.: Академический Проект, 2003. С. 63-67.

50. Уайльд О. Счастливый принц и другие сказки. С. 6.
51. Уайльд О. Счастливый принц: Сказки. Пер. с англ. К. Чуковский. М.: Мартин, 2019.
52. Уайльд О. Счастливый Принц. Пер. с англ. П.В. Сергеев, Г. Нуждин [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.ru/WILDE/prince.txt>. (дата обращения: 20.05.2023).
53. Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/>. (дата обращения: 16.05.2023).
54. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. [Электронный ресурс]. URL: <https://ushakovdictionary.ru/>. (дата обращения: 16.05.2023).
55. Уайльд О. Счастливый принц и другие сказки. С. 7.
56. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. [Электронный ресурс]. URL: <https://ushakovdictionary.ru/>. (дата обращения: 16.05.2023).
57. Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/>. (дата обращения: 16.05.2023).
58. Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/>. (дата обращения: 16.05.2023).
59. Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/>. (дата обращения: 16.05.2023).
60. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. [Электронный ресурс]. URL: <https://ushakovdictionary.ru/>. (дата обращения: 16.05.2023).
61. Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/>. (дата обращения: 16.05.2023).
62. Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/>. (дата обращения: 16.05.2023).

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Актуальность выбранной темы рецензируемой статьи не вызывает сомнений. На данный момент анализ концептов в различных дискурсивных практиках популярен, да и сами работы продуктивны в режиме оценки естественного языка. Не исключением является, на мой взгляд, и данный материал. Автор труда касается проблемы репрезентации концептосферы «СЧАСТЬЕ» в сказке Оскара Уайльда «Счастливый принц». В начале статьи отмечено, что «теоретической основой исследования являются работы таких исследователей как Л. Г. Бабенко, У. А. Вежбицкая, О. М. Вербицкая и Е. Л. Гаврилюк, С. Г. Воркачев, А. В. Звягинцева, В. И. Карасик, Е. Н. Ковтун, В. Н. Комиссаров, Е. С. Кубрякова, Д. С. Лихачев, З. Д. Попова и И. А. Стернин, Ю. А. Прохоров, В. В. Сдобников, Г. Г. Слышкин». Набор достаточно объемный, да и авторитетность трудов несомненна. Предварительно, перед самым анализом концептосферы сказки О. Уайльда дана т.н. теоретико-информационная справка: «понятия «концепт» и «концептосфера» принадлежат разделу когнитивная лингвистика, а когнитивная лингвистика в свою очередь является частью когнитивной науки, или когнитивистики. В состав этого научного направления входят несколько научных дисциплин, но все они изучают процессы, отвечающие за получение, обработку, хранение, использование, организацию знания, а также процессы формирования этих структур в мозгу человека. Когнитивистика тесно связана с такими дисциплинами, как лингвистика, неврология, психология, философия, антропология, математика и логика. В настоящее время

когнитивная наука придерживается последовательного изучения языковых проявлений деятельности человеческого сознания для решения проблем, возникающих в ходе концептуального анализа». Введенный блок правомерен, объективен, точен. Далее по тексту купюрами внесены отсылки к Д.С. Лихачеву, Г.Г. Слышкину, И.А. Стернину, А.В. Звягинцевой и др. Думаю, что момент объяснительного толка вполне правомерен, это позволяет даже неподготовленному читателю сориентироваться в проблемном спектре: «структура концептосферы состоит из ядра и периферии, она дискретна, нерасторжима и цельна в совокупности базовых элементов – семантических сфер и семиосфер. Концептосфера отдельными своими элементами может быть связана с другими концептосферами. Также все отдельные и «в меру» самостоятельные концептосферы составляют концептуальное пространство». Статью отличает строгая логика анализа, умение аргументировано подвести читателя к нужной / конструктивной мысли. Например, «концепт «счастье» один из важнейших элементов картины мира любого народа. Тема счастья очень часто находит отражение в художественных произведениях, так как проблема его определения и поиска так или иначе затрагивает почти каждого человека, поэтому неудивительно, что дать своё определение счастью стремятся многие исследователи с давних времён. Абстрактность и многозначность этого концепта привели к тому, что трактовка этого понятия необычайно многочисленна и отличается многогранностью, что также отражено в словарях, где можно найти множество вариантов определения слова «счастье». Разверстка вопроса сделана полновесно, автор использует пиктографический формат для большей наглядности расширительных примет концептосферы (см. рисунки). Уровневый принцип – русский вариант значений / английская парадигма коннотаций – наиболее продуктивен для объективной рецепции. Логика перехода выверена: «теперь обратимся к английским словарям и проанализируем концепт "happiness" в английском языке. Было проанализировано 7 англо-английских словарных источников: "Cambridge Dictionary", "Longman Dictionary for Contemporary English", "Macmillan English Dictionary for Advanced Learners", "Merriam Webster Dictionary", "Oxford Advanced Learner's Dictionary" [37], "Synonyms Thesaurus With Definitions and Antonyms", "Thesaurus"». Считаю, что стиль статьи соотносится с собственно научным типом, сбивов и нарушений не выявлено: «в ходе сопоставительного анализа мы также выяснили, что совпадение концептов «счастье» в русском и английском неполное. Например, в русском можно наблюдать слова, связанные со значениями «удача» и «успех», ближе к ядру. Это связано с тем, что в русском языке эти значения выделяются как второстепенные во многих дефинициях и активно употребляются в речи, в то время как в английском значение "lucky" уже считается устаревшим. В русской концептосфере более выражена лексика, связанная с домом, семьёй и любовью, в то время как в английской концептосфере много абстрактных понятий, создающих более возвышенный образ счастья: "heaven", "paradise", "moon", "air", "cloud" и так далее». Иллюстративный фон достаточен, контекстуальное полотно рассматривается спектрально: «сам Принц, став статуей, словно потерял личное понимание «счастья» как таковое и во фразе: "if pleasure be happiness" – выражает сомнение в том, что вообще когда-либо знал, задумывался и понимал что это такое. Атмосфера беззаботности его прошлого подчёркивается в предложении "Round the garden ran a very lofty wall, but I never cared to ask what lay beyond it, everything about me was so beautiful"», или «ласточка, её рассказы о дальних странах, её влюблённость в тростник, её легкомысленность, её способность летать и свободно перемешаться представляют полную противоположность Принцу-статуе. Слово "bed" входит в ближнюю периферию англоязычного концепта "happiness". В сказке присутствует много слов, отсылающих к состоянию сна: dream, dreaming, bedroom, sleep, asleep, sleepy, slumber, в том числе слово "bed"». Констатирую, что тема

исследования раскрыта, цель достигнута, наличного текстового объема достаточно для решения поставленных задач. Новизна работы в сопоставлении разных переводов сказки О. Уайльда, собственно этот грейд не остается за пределами работы на протяжении всего сочинения. Например, «Чуковский перевёл словосочетание "led the dance", просто как «танцевал». Переводчики Сергеев и Нуждин использовали словосочетание «открывал бал», что передаёт смысл глагола "led", но глагол "dance" опускается. В этом же предложении присутствует ещё один способ проявления счастья – глагол "played", который Сергеев и Нуждин переводят эквивалентом «играл», а Чуковский использует слово «забавлялся». Это слово имеет более широкий смысл «проводить время весело и приятно» и является синонимом к слову «играть». Эта переводческая трансформация не сильно влияет на передачу концептосферы «счастья» оригинального рассказа, так как по-прежнему остаётся проявлением счастья, испытываемого человеком». Выводы по тексту неформальны, содержательны: «Концептосфера «счастье» в сказке Оскара Уайльда «Счастливый принц» отличается от англоязычной и русскоязычной концептосфер, хотя и имеет некоторые общие элементы, но зачастую эти элементы располагаются в другой зоне концептосферы. Также в полученной нами структуре присутствуют новые элементы, которые и создают уникальность авторской концептосферы «счастье». Лексемы, которые входят в состав структуры концептосферы «счастья», определенной нами, в переводе Сергеева и Нуждина были переданы не точно, что привело к искажению концептосферы «счастье» сказки Уайльда, ввиду частого обращения к индивидуальной интерпретации. Перевод Корнея Ивановича Чуковского лучше передаёт стилистические особенности и образность оригинала, а концептосфера «счастье», хоть и теряет некоторые свои элементы, в целом сохраняется». Список источников включает работы разных типов, временная раскладка также сферична. Основные требования издания учтены, текст не нуждается в серьезной правке и коррективе. Рекомендую статью «Репрезентации концептосферы «счастье» в сказке О. Уайльда «Счастливый принц» к открытой публикации в научном журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Беляева Т.Н., Гусева Н.В. — Идеино-тематическое своеобразие романа М. Павлова «Пёрымаш» («Судьба») // Филология: научные исследования. – 2023. – № 12. – С. 20 - 27. DOI: 10.7256/2454-0749.2023.12.69197 EDN: WQNBQP URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69197

Идеино-тематическое своеобразие романа М. Павлова «Пёрымаш» («Судьба»)

Беляева Татьяна Николаевна

кандидат филологических наук

доцент, кафедра финно-угорской и сравнительной филологии, Марийский государственный университет

424039, Россия, республика Марий Эл, г. Йошкар-Ола, ул. Дружбы, 77, кв. 113

✉ beljaeva1978@rambler.ru

Гусева Надежда Васильевна

кандидат филологических наук

доцент кафедры финно-угорской и сравнительной филологии, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Марийский государственный университет»

425221, Россия, республика Марий Эл, пос. Знаменский, ул. Черепанова, 6а, кв. 84

✉ ovechkinanadezhda@rambler.ru

[Статья из рубрики "Автор и его позиция"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2023.12.69197

EDN:

WQNBQP

Дата направления статьи в редакцию:

26-11-2023

Дата публикации:

03-12-2023

Аннотация: В данной статье представлен анализ романа «Пёрымаш» («Судьба») одного из талантливых прозаиков марийской литературы начала XXI века Михаила Прокопьевича Павлова. В 1999 году за его издание он стал лауреатом

республиканского периодического журнала «Ончыко». А в 2011 году Совет Программы родственных народов Эстонии совместно с Ассоциацией финно-угорских литератур присудил Михаилу Прокопьевичу Павлову Литературную премию в категории художественные прозаические произведения за сборник «Четлык ўжака» («Силуэт решетки»), куда вошел и данный роман. Несмотря на высокую оценку творчество национального прозаика остается малоизученным. Писатель раскрывает драматические события указанного периода: репрессии 1937-х гг. и тяжкая доля членов семей репрессированных, жизнь «за решеткой», трагические события Великой Отечественной войны, нелегкие послевоенные годы и перестроечное время (1970-1990-е гг.). Использование культурно-исторического метода исследования позволило проанализировать историю марийского народа XX века через призму судеб его героев. Убедительно показана внешняя и внутренняя борьба персонажей за свободную и счастливую жизнь, хорошо раскрыты характеры и обстоятельства, рожденные и обусловленные определенной социально-исторической ситуацией, показан менталитет народа. Прозаику удалось раскрыть внутренние переживания политзаключенных, суть самой правоохранительной системы страны советов, объяснить причину тяжелой жизни «врагов народа» и их семей. В центре внимания писателя – идейно-нравственный поиск героем истины, добра, справедливости, личного счастья и благополучия. Поэтому повествование весьма психологично. Писатель приводит к мысли, что главными мерилami человеческой жизни и устоев общества остаются такие качества как чувство справедливости, доброта, трудолюбие, взаимовыручка и взаимопонимание, умение любить и жертвовать собой во имя этого чувства.

Ключевые слова:

марийская литература, роман, идея, тематика, проблематика, система персонажей, Михаил Павлов, репрессии, ссылка, Великая Отечественная война

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 22-28-00388.

Творческая мастерская марийского прозаика Михаила Прокопьевича Павлова «заработала» лишь в 1990-е годы прошлого столетия. Человек, не имеющий высшего филологического образования, долгое время не решался публиковаться. Лишь в начале 1990-х гг. на страницах республиканских газет «Кугарня» и «Марий Эл» стали появляться его рассказы. Вскоре была опубликована повесть «Пўрымашын косаже» («Наследие судьбы»), которая, можно сказать, принесла ему славу. В первых своих произведениях М. Павлов поднимал злободневные проблемы современности: безработица 1980-х – начала 1990-х гг. XX века, рост алкоголизма, и, как следствие, учащение случаев воровства – повесть «Арча»=«Ларец»; излагал о повседневной жизни простого сельского труженика, социальных изменениях в селе, трудности и проблемы в колхозе – «Ишыт кундем»=«Ишитская сторона» и др. Уже тогда прозаик начинает размышлять о морально-нравственных устоях общества, несовершенности правоохранительной системы, о лагерной и тюремной жизни: повесть «Пире Микале» («Микале-волк»), рассказы «Четлык ўжака» («Силуэт решетки») и «Вор ўмырым ия пўра» («Воровская судьба от дьявола»), роман «Пўрымаш» («Судьба») и т.д. Нельзя однозначно утверждать, что это была криминальная проза, в основе которой – раскрытие преступления. Но марийскому прозаику удалось воспроизвести душевный мир преступников различных категорий в различных ситуациях, обосновать мотивы их

поступков.

Идейно-тематическое своеобразие романа обусловлено периодом его написания. Как справедливо отмечает Г. Е. Тмарченко: «Новые жанры чаще всего рождаются на пересечении новых литературных направлений, вызванных вступлением общества в новый этап своей истории, и литературных традиций. Тогда происходит скрещивание традиционных форм (в том числе и жанровых) с новыми общественными и художественными задачами наступающей эпохи» [10, с. 260]. «Именно эта переходность определяет особенности конфликтов, характерологию, совокупность мотивов, повествовательных приемов» данных произведений прозаика [5, с. 14]. Следует отметить, что эта тема не совсем новая для национальной литературы второй половины XX века, когда марийская художественная словесность пыталась «уйти от привычного в поисках оригинальных приемов отображения современной действительности» [6, с. 268]. «Благодаря гласности» первым о «лагерной жизни» репрессированных заговорил Ошэл Васлий в повести-воспоминании «Айдеме илаш шочеш» = «Человек рождается жить» [7], затем – Максим Швед «Кыртни пичы коргышты» = «Молодость в клетке» [11, с. 240]. К «лагерной» теме также в свое время обращалась З. Каткова (повести «Тошто язык» = «Давний грех» [4], «От себя не уйдешь» [3]). Герой повести «От себя не уйдешь» – бывший вор и рецидивист, прошедший жизненный путь истинного коммуниста (гражданина Советского Союза). Литературное творчество, пробудившееся в нем, пробуждает раздумья о пережитых событиях, хотя он не ищет сочувствия у своих читателей, наоборот, сурово осуждает себя за то, что опозорил честное имя отца (одного из организаторов совхозов в марийском крае), жестоко убитого, как и его мать, и сестры. Беспризорная жизнь способствовала его деградации. «Автор убедительно рисует духовную эволюцию преступника, нравственное возрождение героя. В художественном исследовании социально-исторических причин его морального падения и постепенного духовного прозрения заключается новаторство З. Катковой» [2, с. 343].

В 2006 году к 70-летию со дня рождения писателя издан сборник его избранных произведений под названием «Четлык ўжака» («Силуэт решетки»). В 2011 году Советом Программы родственных народов Эстонии совместно с Ассоциацией финно-угорских литератур Михаилу Прокопьевичу Павлову за этот сборник присуждена Литературная премия в категории художественных прозаических произведений.

Впервые роман «Пўрымаш» («Судьба») был опубликован в 1999 году в республиканском журнале «Ончыко» и сразу же был отмечен редакцией, а сам М. П. Павлов стал лауреатом премии этого журнала. Вот как он пишет о начале создания романа *«Изиэм годсек ачамлан серышым возаш шоненам, орланен кушмем нерген кужу-кужу серышым, колышо ачамлан...»* [8, с. 46] (*«С детства хотел написать письмо покойному отцу, длинное письмо о своих страданиях, переживаниях...»*). (Здесь и далее перевод с марийского наш). Но получился роман о трагических событиях: волна репрессий 1937-х годов, Великая Отечественная война и тревожное послевоенное время второй половины XX века. Писатель правдиво раскрывает социальные проблемы прошлого века: сущность тоталитарного режима и правоохранительной системы Советского Союза; «неписанные» законы тюремной и лагерной жизни; нелегкую судьбу членов семей политзаключенных и репрессированных, социальные и политические преобразования в Советском Союзе в 1970 – 1990-е годы, хотя, к счастью, самому писателю не пришлось испытать ужасы лагерной, тюремной жизни. *«Коми республикиште Михаил Прокопьевич лагерьыште, тюрьмаште шинчен лекше, условно эрыкыште улшо ссыльный-влак дене пырля пашам ыштен. Пайрем годым, яра жапыште, йылме рудалтме пагытыште, нуно южгунам тудлан*

шке илыш корнышт нерген каласкаленыт» [1, с. 6] «В Республике Коми Михаил Прокопьевич работал вместе с бывшими заключенными лагерей, тюрем, ссыльными поселенцами. В праздники и в свободное время, когда велико было желание поговорить, они рассказывали ему о своей жизни». Так жизнь и судьба многих людей послужили основой для создания новых прозаических произведений писателя. Поэтому у большинства персонажей его повестей и романов есть реальные прототипы. К примеру, судьба фронтового капитана Козлова, командовавшего в годы Великой Отечественной войны ротой и батальоном, а после проработавшего бригадиром формовочного цеха Дежневского кирпичного завода легла в основу повествования о главном герое романа «Судьба» Ядрикова Алексея Петровича. Прототипом его супруги Насти является внучка хорошего знакомого прозаика Токпаева Токпая Эмановича. В романе в целом повествуется о судьбе трех поколений этого рода: «Тўжылан мылам пеш сайын палыме Токпаев Токпай Эмановичын тукым вожшым налынам. Тудо шкеже 1870 ийыште шочын, кугу ўдыржо Просковий – 1890 ийыште, эн изи эргыже Лаврентий 1905 ийыште шочын. Просковийын ўдыржо Настя – Алексей Ядриковын ватыже лиеш. Настян зонышто ушнымо кокымшо марийжын, Арнольдын, прототипше Юза лўман поляк, Ухта олесе "Стройматериал" объединенийыште тўж экономистлан ышта ыле, курымешлан тышан кодаш пунчал почеш илен. Кажне персонаж нерген тыге каласкалалыш» [8, с. 49] («За основу повествования взял судьбу хорошо мне знакомого рода Токпаева Токпая Эмановича. Родился он в 1980 году, старшая дочь – в 1980 году, самый младший сын Лаврентий родился в 1905 году. Дочь Просковий вышла замуж за Алексея Ядрикова. Прототипом второго супруга Насти, с которым она сошлась на зоне, стал поляк Юза, работавший главным экономистом объединения "Стройматериал" в городе Ухта, сосланный туда на пожизненное заключение. О каждом персонаже можно так рассказать»).

Конкретно-историческая тематика романа явилась прекрасной почвой для убедительного воссоздания характеров и обстоятельств, рожденных советской действительностью; для раскрытия сущности тоталитарного режима, «силы и мощи» правящей коммунистической власти, порой переходящей в тиранию и деспотизм; для воплощения темы «маленького человека», как винтика, попавшего в механизм этой советской машины. Повествуя о судьбе одного человека, писателю удалось воссоздать уклад жизни двух поколений советского народа.

Идейно-нравственный тип проблематики романа «Пўрымаш» («Судьба») ставит в центр внимания глубинную основу человеческой личности, а именно Алексея Петровича Ядрикова, Насти и их детей. В центре произведения – философский и нравственный поиск, попытки героев ответить на вопросы о смысле жизни, о добре и зле, правде и несправедливости. Писатель сумел глубоко раскрыть процессы нравственного поиска, идейного самоопределения Ядрикова и борьбу героев романа за свободу, несмотря на нахождение в неволе. Главное противостояние в романе – это противостояние героя и уклада жизни, личности и социума, бытовой среды.

Большой временной отрезок (более полувека), динамический сюжет произведения позволяют не только проследить судьбу героев романа, но и осознать суть социальных, политических процессов описываемых периодов. События разворачиваются в Марийской АССР, в деревнях Шабаржи, Иштытўр Коми края и в Архангельской области.

В романе насчитывается более пятидесяти пяти героев, способствующих раскрытию тематики, идейного мира произведения, проблематики. Для М. Павлова нет тайн в душе героя – он знает о нем все, может проследить детально внутренние процессы, объяснить

причинно-следственную связь между впечатлениями, мыслями, переживаниями. Раскрытие главных черт характера большинства персонажей (мужество, героизм, верность идейным принципам, любовь, сила воли) позволяют прозаику связать его с менталитетом всего советского народа. И, по мнению писателя, истина, справедливость, любовь, доброта, трудолюбие, взаимовыручка и взаимопонимание – вот главные мерилы человеческой жизни и устоев общества.

Роман пронизан пафосом трагизма: большие человеческие потери принесла стране не только Великая Отечественная война (в боях погибли главный герой – Алексей Ядриков, Энсай Ишуткин, майор Кожаев, первый и второй батальоны и т. д.), но и репрессии 1930 – 1937 гг. погубили наилучшую часть российских научных кадров, в том числе и марийскую интеллигенцию и оставили глубокую «рану» в душе последующих поколений.

Одна из существенных проблем романа – жизнь «за решеткой». Алексея забирают с вокзала и увозят в тюрьму. Арест Алексея Ядрикова и его жены (Анастасии Савельевны) разрушает не только семейное благополучие, но навсегда разделяет семью на три лагеря. Повествование от третьего лица позволяет прозаику психологически тонко раскрыть характеры главных героев, уголовников. Заключенные – люди разные по национальности (русский, украинец, белорус, казак, каракалпак, узбек и т. д.) и по социальному статусу (бывшие начальники, колхозники, обычные рабочие, студенты, военные, люди с высшим и средним образованием, безграмотные). Некоторые хотят Алексею помочь: советуют во всем честно признаться, другие – не понимают причину его поступка: *«Тыят титакетым умылышо лий, чыла каласе. Е□ верч мом шкендычым индырыктет, мыскылыктет? – учит. – Нуно эрыкыште ракатланат, тый орланет»* [9, с. 15] (*«Ты тоже покайся, все расскажи. Почему ты должен страдать, терпеть унижения за другого? – учит. – Они на свободе наслаждаются, а ты страдаешь»*). Но большинство осуждает: *«Ты что, падла, чужое место занял? Ну-ка, канай отседова»* [9, с. 29]. Ядриков сам долго не понимает, что послужило причиной его ареста, и до конца жизни надеется, что все разрешится, что он восстановит свое честное имя. Лишь перед смертью, осознав, что при жизни он все же не будет реабилитирован, просит Финна: *«Йоча-шамыч палышт, ачашт нимогай тушман лийын огыл, тыгай-тугайым ынышт шоно, яндар шўм-чон дене илен, коммунист лийын, коммунистак кодын. <...> Тый иле. Илен шукто. Тиде тыланет тек мыйын приказем семын лиеш. Кеч мыйын йоча-шамычемын пиалешышт иле, йодмем шукто. Ала эре тыгак огеш лий, иктаж-можо да вашталтеш. Каласе нунылан кушан капем тойымо лиеш. Ала кумылышт лектеш гын, толынат каят. Шкежат яндар шўм-чон дене иле»* [9, с.184-185] (*«Пусть дети мои знают, их отец никакой не враг народа, пусть не думают ничего плохого, был светлым человеком, коммунистом, коммунистом и остался. <...> А ты живи. Доживи. Пусть это будет тебе моим приказом. Живи ради счастья моих детей, выполни просьбу. Может не всегда так будет, что-то изменится. Передай им, где меня похоронят. Может будет желание – приедут. И сам живи с чистым сердцем»*). Алексей не умеет жить за счет другого, понимая, что не только наши «корни» укрепляют, увековечивают наши имена, но и прожитая жизнь. Это идеализированный и вместе с тем обобщенный герой своего времени. Человек чести и борец за справедливость, он категорически не переносит ложь. Для него семья, благополучие и счастье супруги, детей оказываются на первом месте. Поэтому, узнав об аресте жены, желая помочь ей, он признается даже в том, чего не совершал. И после всегда старается поддержать близких: регулярно отсылает деньги, ведет переписку с детьми.

На протяжении всего повествования писатель описывает жестокость тюремных начальников, надзирателей: били не только до синяков, до потери сознания, обворовывали (Насте после бани не вернули шерстяную кофту, сказав, что ее и не было

[9, с. 28]).

Судьбы детей осужденных – еще один важный вопрос, поднятый в романе. На воле у Алексея и Насти остались двое сыновей – Игорь и Волой. Младший сын, Волой, очень скучал по матери, постоянно звал ее, рвался к родителям. Дети плакали по ночам, их часто обижали, били (ходили в синяках) в школе. Одноклассники, учителя обзывали *«отродьем врага народа»* [9, с. 31]. Лишь поддержка близких (бабушки и дедушки, дяди Лавы и тети Оклины) помогла ребятам выжить, справиться с душевными переживаниями.

Образцово-показательная семья Лавы и Оклины служит примером для многих жителей деревни. Их жизненный опыт, теплые взаимоотношения и любовь становятся крепкой опорой и примером для их родного сына Семона, и для Игоря с Волоем. Повзрослевший Игорь – старший сын Насти и Алексея, женится на любимой девушке Марине. Получив семилетнее образование, начинает работать в колхозе счетоводом, увлекается пчеловодством. Несмотря на все невзгоды и тяготы, юноша не очерствел, вырос трудолюбивым, стал заботливым семьянином.

Жизнь «потрепала» его еще совсем маленьким, практически «оставила без детства»: разлучила с отцом и матерью, нанесла большие душевные раны, приходилось много работать и взваливать на себя не по-детски тяжелую жизненную ношу. Игорь уже с малых лет многое понимал о жизни, смысле жизни, о людях и даже рассуждал по-взрослому: *«Портышкем огеш кўл, кочам тумышаным конденыс, утларакшым йыдал денат коштам. А пальто изирак гынат, тенийлан йора, чытем, тоштем денак коштам»* [9, с. 55] (*«Валенки не нужны, дедушка принес златанные, чаще лапти ношу. А пальто хоть и мало, на этот сезон сгодится, потерплю, похожу в старом»*). И даже младшего брата учит уму-разуму: *«Мўшкыретым темаш веле палет, а пашам нимынярат ынет ыште. Ме тый денет ача-ава пелен огына иле. Е□ым так арам пукшымо кон шуэш? Йора эше мемнам ашнаш налыныт: пукшат-йўктат, чиктат. Йочапортыш логалына гын, илышна тыгай вольна огеш лий. Кеч изиш вует йыр шоналте, изи отыл ынде. Модын куржталме дене мўшкырет огеш тем»* [9, с. 97] (*«Думаешь лишь о том, как поесть, а работать вовсе не желаешь. Мы с тобой не с мамой, не с папой живем. Кому даром хочется чужого кормить? Хорошо, что еще нас приютили: кормят-поят, одевают. В детском доме так вольготно не поживешь. Подумай, ты уже не маленький. Играя – сыт не будешь»*). А заботу, любовь, нежность Игорь проявлял всегда: и к родным, и к окружающей природе. Любящий человек, по М. Павлову, способен осчастливить близких ему людей, сберечь и приумножить прекрасное в самом себе и в окружающем мире. Вообще он способен преобразить весь мир.

Время, проведенное без отца и матери, не могло не сказаться и на судьбе младшего сына Ядриковых – Волоя. В романе на примере его жизни писатель продолжает раскрывать тему «за колючей проволокой». Мальчик с детства не любил работать, ему трудно давалась учеба в школе. Часто, ссылаясь на работу дома, прятался в огороде – любил проводить время без дела. В более зрелом возрасте он угодил в тюрьму, отсидел свой срок. После смерти бабушки и дедушки продал их дом, женился, переехал жить в город. Стал хорошим семьянином, отцом троих детей.

Таким образом, повествуя о судьбе одного рода, автор выводит к постановке проблем общечеловеческого характера, раскрывает суть социальных и политических процессов прошлого XX века: репрессии 1930-х годов, тяжелые военные годы и эпоху 1980 – 1990-х годов. Писателю удалось раскрыть внутренние переживания политзаключенных, суть самой правоохранительной системы страны советов, объяснить причину тяжелой жизни «врагов народа» и их семей. Поэтому повествование прозаика весьма психологично. В

центре внимания писателя – идейно-нравственный поиск героем истины, добра, справедливости, личного счастья и благополучия. Для М. Павлова нет тайн в душе героя – он знает о нем все, может детально проследить внутренние процессы, объяснить причинно-следственную связь между впечатлениями, мыслями, переживаниями. Такое повествование дает возможность изобразить внутренний мир не одного Алексея, а всего народа.

Библиография

1. Васинкин, А. Автор нерген // М. Павлов. Четлык ўжака. Йошкар-Ола, 2006. С. 5–6.
2. История марийской литературы / Отв. редакторы К. К. Васин, А. А. Васинкин. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1989. 432 с.
3. Каткова, З. Ф. От себя не уйдешь: повести и рассказы. Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1982. 175 с.
4. Каткова, З. Ф. Тошто язык: повесть // Ончыко. 1969. № 6. С. 5–29.
5. Матвеев, И. А. Социально-криминальный роман Ч. Диккенса «Оливер Твист» в восприятии русского литературного процесса 1840-х гг. // <https://vdocuments.mx/-5750a9c61a28abcf0cd2d992.html?page=1> С. 14–18. (Дата обращения: 26.11.2023).
6. Очерки истории марийской литературы. Часть I. Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1963. 424 с.
7. Ошэл, Василий. Человек рождается жить: повесть-воспоминание. Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1990. 142 с.
8. Павлов, М. Колышо ачамлан серышым возынем ыле... роман шочо // Ончыко. 1999. № 5. С. 46–49.
9. Павлов, М. Четлык ўжака: чумырен лукмо ойпого. Йошкар-Ола: Изд-во ОАО «МПИК», 2006. 576 с.
10. Тамарченко, Г. Е. Чернышевский – романист. Л.: Худ. лит., 1976. 450 с.
11. Федосеева, Н. А. Марийская историческая проза второй половины XX века // Возрождение национальных литератур во второй половине XX века и Чингиз Айтматов: сборник материалов Международной научно-практической конференции / Сост. Ф. Х. Миннуллина, А. Ф. Ганиева, Л. Р. Надыршина. Казань: Издательство: Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова, 2018. С. 238–242.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Идейно-тематическое своеобразие романа М. Павлова «Пўрымаш» («Судьба»)), предлагаемая к публикации в журнале «Филология: научные исследования», несомненно, является актуальной, ввиду обращения автора к изучению особенностей писателя, развивающего национальную литературу одного из народов, населяющий Российскую Федерацию, а именно марийского прозаика Михаила Прокопьевича Павлова, который является одним из создателей марийской литературной традиции в 20 веке. Автор изучает особенности поэтики Павлова, обращаясь к аксиологическому анализу произведений, выявляет идейно-тематическое своеобразие романа.

Статья является новаторской, одной из первых в российской филологии, посвященной исследованию подобной проблематики. В статье представлена методология

исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Теоретические измышления проиллюстрированы языковыми примерами на марийском языке с переводом на русский, а также представлены убедительные данные, полученные в ходе исследования. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что заключение требует усиления, оно не отражает в полной мере задачи, поставленные автором и не содержит перспективы дальнейшего исследования в русле заявленной проблематики. Библиография статьи насчитывает всего 11 источников, среди которых представлены работы исключительно на русском языке и тексты произведений на марийском. Считаем, что обращение к зарубежным источникам по смежной тематике, несомненно, обогатило бы рецензируемую работу. К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы отечественных исследователей, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации. Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по теории литературы, а также курсов по междисциплинарным исследованиям, посвящённым связи языка и общества. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Идейно-тематическое своеобразие романа М. Павлова «Пёрымаш» («Судьба»)» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Садалова Т.М., Лиджиев М.А. — Мифы и сказки о животных ойратов Синьцзяна // Филология: научные исследования. – 2023. – № 12. – С. 28 - 37. DOI: 10.7256/2454-0749.2023.12.69207 EDN: WGXGKP URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69207

Мифы и сказки о животных ойратов Синьцзяна

Садалова Тамара Михайловна

ORCID: 0000-0002-7984-2379

доктор филологических наук

ведущий научный сотрудник, Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова

649000, Россия, республика Алтай, г. Горно-Алтайск, ул. Телеутская, 14

✉ sadalova-t@mail.ru

Лиджиев Мингиян Алексеевич

ORCID: 0000-0002-5113-7766

кандидат филологических наук

доцент, кафедра Калмыцкой литературы и журналистики, Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова

358000, Россия, республика Калмыкия, г. Элиста, ул. Н.м. Очирова, 19

✉ mingiyan75@mail.ru

[Статья из рубрики "Фольклор"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2023.12.69207

EDN:

WGXGKP

Дата направления статьи в редакцию:

29-11-2023

Дата публикации:

06-12-2023

Аннотация: Предметом исследования является сказочный фольклор ойратов Синьцзяна. Объектом исследования выступает специфика мифологических и сказочных текстов о

животных. Мифы и сказки о животных являются органичными и самостоятельными жанрами фольклора ойратов Синьцзяна. Они обладают своеобразными чертами поэтики и семантики. В различных сборниках и в периодических изданиях опубликовано более ста сказок о животных на «ясном письме» и старомонгольской графике. Следует отметить, что сказочный фольклор ойратов все еще остается малоизвестным для отечественных исследователей, несмотря на то, что попытки его изучения были начаты в середине прошлого столетия. Изучение фольклора ойратов особенно актуально для отечественного монголоведения, поскольку он исторически связан с фольклорной традицией российских калмыков и алтайцев. Автор подробно рассматривает такие аспекты темы как исследование сказочных текстов и выявление общих художественных средств, что позволяет установить и объяснить общие системные связи между этими этнолокальными фольклорными традициями. Методами исследования выступают сравнительно-сопоставительный анализ и метод интерпретации сказочного текста. Для изучения сказочного нарратива такой подход оказывается потенциально эвристическим: оба направления взаимно обуславливают друг друга, обнаруживая многомерные связи некогда единой фольклорной традиции. Мифы и сказки о животных представляют древний жанр сказочного фольклора ойратов Синьцзяна. Основными выводами проведенного исследования являются положение о том, что в их содержании сохранились мифологические элементы, связанные с архаическими представлениями этноса о живых существах окружающего их мира. Особое внимание уделяется образному языку, насыщенному выразительными поэтическими выражениями, обилием изобразительных средств, большим объемом лексики исконного языка ойратов. Все это свидетельствует о сохранности сказочно-мифологического фонда и исполнительской традиции ойратов Синьцзяна. Новизна исследования заключается в том, что в ходе анализа сказок и мифов о животных как особого жанра установлено, что в содержании архаической животной сказки ойратов Синьцзяна нет иносказательности, несмотря на то, что главные ее персонажи животные. Согласно архаичным воззрениям человек верил, что некогда животные были людьми. Поэтому во многом животный мир воспринимался как отражение мира людей, а нравы зверей приравнивались к таким же качествам человека.

Ключевые слова:

ойраты, архаизм, фольклор, сказки, животные, мифология, сюжет, персонажи, жанр, признаки

Введение

Сказочный фольклор ойратов Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая необычайно богат и содержателен. Он представлен разнообразными мифологическими сюжетами, бытовыми, животными и новеллистическими сказками, а также волшебными и богатырскими сказками, устным циклом обрамленных повествований о Волшебном мертвеце. Однако для исследовательского поля отечественной фольклористики эти материалы все еще остаются недоступными в силу ряда причин. Тем не менее, необходимо отметить, что попытки исследования сказочного фольклора ойратов Синьцзяна были начаты более века назад [\[9\]](#).

К началу 1980-х гг. представители ойратской интеллигенции (учителя, журналисты, работники культуры) активизирует деятельность по сбору и публикации сказок ойратов Синьцзяна. За последующие двадцать лет в научный оборот был введен целый корпус

сказочных текстов — более пятидесяти сборников сказок [\[13\]](#). Большой пласт фольклорного материала на традиционном «ясном письме» был опубликован в номерах периодического издания «Hān Tenger» (1981–1993 гг.), выходившего в г. Урумчи. На страницах 51 выпуска издания представлены не только разнообразные образцы устного народного творчества, но и письменной литературы ойратов [\[2, 5\]](#).

Мифы и сказки о животных являются органичными и самостоятельными жанрами фольклора ойратов Синьцзяна. Они обладают своеобразными чертами поэтики и семантики. В различных сборниках и в периодических изданиях опубликовано более ста сказок о животных на «ясном письме» и старомонгольской графике. Единственным изданием, которое полностью состоит из 31 сказки о животных, является сборник под названием «Белозобый воробей» («*Betege cayān boqširyo*») [\[14, 10\]](#).

В 2006 г. в Синьцзяне на «ясном письме» был издан трехтомный свод фольклора ойратов Синьцзяна. В первом томе «Сборник народных сказок монголов Синьцзяна КНР» («*Dumdadu ulusiyn Šinġiyang-giyin mongyol aradiyin aman üliger-yin emkidkel*») в разделы «Мифы о животных» («*Aduusun amitani tuxai domoq yarān*») и «Сказки о животных» («*Aduusun amitani üliger*») вошли тексты, опубликованные как в сборнике «Белозобый воробей» и в разных номерах периодического издания «Hān Tenger», так и ряд ранее не публиковавшихся текстов мифов и сказок о животных. В общей сложности в первом томе свода было опубликовано 70 сюжетов (22 текста мифов и 48 сказок о животных) [\[15\]](#).

Мифы о животных

Мифы о животных, суть которых сводится к объяснению происхождения тех или иных характерных внешних примет животных и птиц, воспроизводят устоявшиеся в народном представлении толкования этих признаков. Главными персонажами ряда мифов являются птицы, которые у ойратов считаются представителями верхнего мира [\[7, с. 14\]](#). Образы ворона, журавля, ласточки, кукушки, царя птиц Гаруды в сказочной традиции, а также образы орнитоморфных помощников героев волшебной сказки достаточно подробно освещены в работах исследователей [\[1; 3; 6, с. 139\]](#).

В мифах ойратов Синьцзяна, к примеру, ласточка избавляет людей от змея, отправившего комара узнать, чья кровь самая вкусная. Ласточка вырывает язык комара, змей лишает ее части перьев хвоста, поэтому у ласточки хвост стал раздвоенным. Капли крови комара, попавшие на нее, окрасили шею ласточки в красный цвет [\[14, с. 94–98\]](#). В одном из мифов о царе птиц Гаруде, объясняется, почему лиса стала охотиться на мышей. В другом — отчего у грифа ноги обожженного цвета и почему он питается падалью.

В мифе «Почему у перепелки хвост короткий» («*Bödüne-yin süül yayād oxotor boluqsan bui*»), лиса угрожает съесть перепелку, если она не рассмешит, не накормит и не напугает ее. Мудрая перепелка спасается, но лишается хвоста. Этот сюжет имеет прямую параллель с известной буддийской притчей «Лиса и куропатка», бытующей в комментаторской тибето-монгольской литературе буддизма [\[4, с. 61\]](#).

В мифе «Почему петух кричит утром, в обед и вечером» («*Эр така юунд өрүн, үдлэ, асхн, сө дүүлн дуһардг болсмб*») обманутый павлином петух кричит трижды в день требуя вернуть его красивое оперение [\[15, с. 127–129\]](#). Этот сюжет хорошо известен в калмыцкой сказочной традиции [\[11, с. 411\]](#).

Согласно содержанию мифа «Почему сова кричит по ночам» («Ууль шовун юунд сөөд дуһардг болсмб»), скупая девушка, рассердившись на то, что гости съели все свадебное угощение, ночью нагая убегает от жениха в лес. Там она плакала, пока не умерла. Душа ее превратилась в сову, которая ночью плачет, а днем спит [\[14, с. 72–75\]](#).

Другой разновидностью этиологических мифов являются сюжеты, раскрывающие появление в этом мире тех или иных зверей и птиц. Таких среди этиологических мифов ойратов Синьцзяна оказалось три — «Как появился тарбаган» («*Tarbayan yayād bui boluqsan*»), «Как появился еж» («*Zarā yayaǰi bui boluqsan bui*») и «Почему кит живет тысячу лет» («*Xalim zaγasun yahād mingya nasuldaq boluqsan bui*»). В содержании двух последних текстов присутствует явное влияние буддизма. Так, появление в этом мире ежа связывается с самим Буддой, а кита с Бодхисаттвой. Из двух календарных мифов «История двенадцатилетнего цикла» («*Арвн хойр жилин тууж*») и «Почему начинают сев, заслышав кваканье лягушек» («*Tarāčid yuundu mekelei duuyarbala tarā uruxu saq bolba gedeq bui*»), в содержании последнего появляется божество добуддийской веры — Белый старец.

Часть мифов оригинальна по своему содержанию и известна только в фольклоре ойратов Синьцзяна. К таким можно отнести следующие мифы: «Почему собака покрыта шерстью, а человек нет» («*Kümün nücūken noxoi üsütei boluqsan-ni*»), «Почему кони перестали летать» («*Morin yayād nisči čidaxu ügei boluqsan bui*»), «Почки коровы» («*Ükri-yin bōrō*»), «Притча о мудром еже» («*Cecen zarā-yin domoq*»), «Почему у кошки хрипит в груди» («*Mis-yin čēǰi yuundu xarǰingnadaq boluqsan bui*»), «Почему собака мочится на повилику» («*Noxoi yuundu ziyiliq dēre šēdeq boluqsan bui*»).

Сказки о животных

Сказки о животных — наиболее древний жанр фольклора ойратов Синьцзяна. Генетически они восходят к мифам первотворения, часть из которых впоследствии трансформировались в сказку. Круг персонажей сказок о животных достаточно широкий. Это хорошо знакомые ойратам Синьцзяна дикие животные (лиса, барс, волк и др.), птицы (ласточка, воробей, перепелка и др.), которые обитают в степных и горных ландшафтах Джунгарии.

Активными персонажами животной сказки являются домашние животные (верблюд, собака, кошка и др.) и мелкие представители фауны — заяц, тарбаган, еж, мышь, лягушка, черепаха, летучая мышь и др.

В содержании архаической животной сказки ойратов Синьцзяна нет иносказательности, несмотря на то, что главные ее персонажи животные. В древности человек верил, что некогда животные были людьми. Поэтому во многом животный мир воспринимался как отражение мира людей, а нравы зверей приравнивались к таким же качествам человека. Соответственно в животной сказке звери ведут себя подобно людям — дружат, помогают друг другу, завидуют, обманывают, мстят и др. Тем не менее, нельзя сказать, что человеческие черты полностью заменяют свойства животного. Животная сказка — это своего рода этнокультурная ретроспекция на мир людей через призму животного мира.

Все персонажи животной сказки ойратов Синьцзяна делятся на два вида — обманывающих и обманутых, поскольку в основе ее элементарного сюжета лежит трюк. Персонажи животной сказки добиваются своей цели с помощью обмана. Ложь — сложная коммуникативная ситуация, которая предполагает наличие как минимум двух участников. Суть такого коммуникативного действия заключена в желании уверить

собеседника в том, что перед ним друг, а не враг. Поэтому главной особенностью животной сказки является диалог, раскрывающий характер персонажей и суть происходящего. При этом умение зверей говорить — это внутреннее необходимое условие самой животной сказки и не имеет отношения к чудесным свойствам персонажей.

По сравнению с другими сказочными текстами животная сказка ойратов Синьцзяна обычно невелика по размеру и имеет простой сюжет. Иногда за счет повторяемости действий встречаются и объемные сюжеты. Например, сказка «Лиса и журавль» («*Ünegen toyoruun хоуор*») или «Охотник-капканщик и черно-бурая лиса» («*Хабхаџи ба халтар үнеген*»).

Инициальная формула сказок о животных ойратов Синьцзяна начинается со сложившегося в глубокой древности вербального кода, погружающего слушателя в особую атмосферу животного мира. Основной устойчивой инициальной формулой, указывающей на время мифического первотворения, является фраза — 'эрт урд цагт', 'эрт урдын цагт' ('в давние времена') или 'эрт урд цагт гинэ' ('в давние времена говорят').

Далее по частоте применения следуют инициальные формулы — 'эрт цагт', 'эрт нег цагт' ('в раннее время', 'в одно раннее время'); 'кезэнэ цагт' ('в давнее время'), 'кезэнэ гинэ' ('давным-давно'), 'кезэнэ санж гинэ' ('давным-давно говорят'), 'кезэнэ' (давно); 'нег өдр' ('в один день').

Некоторые сюжеты не имеют инициальной формулы и начинаются с описания ситуации предшествующей событию. Таким образом, инициальная формула в мифах и сказках о животных ойратов Синьцзяна относится к мифологическому времени первотворения, а заключительная формула, возвращающая слушателя в мир людей, всегда соотносится с настоящим временем. Как правило, это формулы — 'с тех пор...' ('*түүнэс авн*'), 'с того времени...' ('*тер цагас*'), 'поэтому...' ('*тиигэд*'), 'стало так...' ('*болж гинэ*', '*болсн гинэ*').

Обстановка, в которой происходит событие в животной сказке, достаточно будничная. Как правило, все начинается со встречи домашних или диких животных. Все персонажи сказки наделяются соответствующими для них эпитетами: зловредная лиса (*хулчн үнгн*), пронизательная куропатка (*цецн серглң бөдн*), жадный, свирепый волк (*хармнч, дажрач чон*), мудрый еж (*цецн зара*), находчивый заяц (*арһта туула*) и т.д.

Основные персонажи животной сказки

Одним из основных персонажей многих сказок о животных ойратов Синьцзяна является лиса. Примечательно, что ойраты лису называют исконным древним словом 'үнгн', в то время как в калмыцком языке лису стали называть — 'арат'.

В животной сказке ойратов Синьцзяна лиса — олицетворение коварного, чрезмерно хитрого, крайне лживого, мстительного, расчетливого и беспредельно жестокого существа. Пользуясь доверчивостью или наивностью своих приятелей, лиса нещадно обманывает их ради своей корысти. Для достижения своей цели использует разные способы: дает лживые советы, льстит, сулит богатую добычу, угрожает. В ряде сказочных сюжетов она обманом приводит к гибели животных, либо лишает их пищи, с помощью хитрой уловки заставляет их стать ездовым животным или нести тяжелую добычу.

В сказках разных народов лиса неизменно предстает хитрым и коварным персонажем. У

монгольских народов с лисой связаны разные поверья и представления. У калмыков встреча на дороге с лисой — плохая примета, ношение шапки из шкуры лисы было табуировано [\[1, с. 91\]](#). В тоже время, для отпугивания злых духов, кости ее черепа в качестве оберега крепили к вороту детской одежды [\[12, с. 69\]](#). Ойраты Западной Монголии считают лису животным с «черным следом», т. е. приносящим несчастье [\[8, с. 52\]](#).

В сказочном сюжете каждый физически слабый животный персонаж вынужден прибегать к обману, чтобы противостоять более сильному противнику. В отношении лисы обычно используются два приема, позволяющие вырваться из ее пасти. Это заставить лису посчитать до восьми или перебросить жертву через голову, подобно благородным лисам [\[14, с. 46–50; 15, с. 542–543\]](#).

Некоторые сказочные сюжеты построены на мотиве раздела найденной животными еды. В сказке «Лиса, лягушка и кузнечик» (*«Ünegen, mekelei, carcā yurba»*) спор разрешается бегом наперегонки. Кузнечик, спрятавшийся за ухом лисы, оказывается на финише первым. Прискакавшая последней лягушка, сообщает о приближающихся охотниках с собаками. Лиса в страхе бежит прочь. Весь урожай достается лягушке и кузнечнику [\[15, с. 539–540\]](#).

Нельзя сказать, что сказочные сюжеты, заканчивающиеся торжеством лисы, составляют большинство. Немало таких повествований, в которых лиса оказывается в роли неудачницы. Так в сказке «Козленок и бычок» (*«Išige teke bürüü buxu»*) бычок, застрявший в расщелине, пугает волка тем, что охотничьи собаки, которых он проглотил, рвутся наружу, чтобы его съесть. Испуганный волк убегает. Лиса уговаривает его вернуться и съесть бычка. На обратном пути им встретился человек с хворостом, который стал кричать, что лиса обещала привести семь волков, а привела лишь одного. Испуганный волк пускается наутек и душит лису веревкой, которой они были связаны [\[154, с. 561–563\]](#).

В сказке «Находчивый белый заяц» (*«Aryatu cayān tuulai»*) обманутая лиса притворится хромой, чтобы увести ламу-священника, а заяц овладевает его вещами. В сказке «Скупая черно-бурая лисица» (*«Xobdoq xaltar ünegen»*) скупая плутовка погибает от случайной стрелы [\[14, с. 62–64; 15, с. 554\]](#). Две лисицы погибают из-за собственной глупости в сказке «Две скупые лисы» (*«Xobdoq xoyor ünegen»*) [\[14, с. 12–13; 15, с. 550–551\]](#).

В сказке «Хвост верблюда» (*«Temēni süül»*) лиса устраивает так, что барс убивает медведя и волка, а затем сам срывается со скалы. Однако в финале скупая лиса сама становится добычей орла [\[14, с. 16–20; 15, с. 549–550\]](#).

Лисе, как одному из главных персонажей сказок о животных, неизменно присуще хитрость, но и в тоже время, глупость. В некоторых сюжетах она жестоко мстит своим обидчикам, отправляя их на верную смерть с помощью хитрости. Так лиса лишает жизни волка, отправив его на поиски целебной пилюли в сказке «Волк, искавший урил» (*«Ürēl хауиқсан čоно»*). Она указывает ему место, где якобы находятся эти пилюли и советует громко запеть для того, чтобы проявилось их целебное действие. На вой волка прибегают люди и убивают его [\[14, с. 32–35; 15, с. 537–538\]](#).

В сюжете «Как мышь проиграл лисе» (*«Xuluyuna ünegen-dü ideqdeqsen-ni»*) плутовка съедает всю мышиную семью. В другом сюжете под названием «Верблюд, лис, волк и

барс» («*Temē ünegen čono bars dörbū*») она убеждает волка и барса съесть верблюда, затем наводит волка на капкан и заставляет барса спрыгнуть с вершины горы. В сказке «Лиса, барс и волк» («*Ünegen, bar, čono yurban*») тигр и волк наедаются так, что легко становятся добычей охотника [15, с. 572].

Некоторые сюжеты о лисе являются заимствованиями из комментаторской тибето-монгольской литературы буддизма. Так лиса хитростью заставляет царя зверей нести на себе тяжелую добычу в сказке «Лев и лиса» («*Arslang ünegen хойор*») [14, с. 14-15; 15, с. 550]. Этот сюжет известен в рамках комментаторской тибето-монгольской литературы под одноименным названием [4, с. 144-145]. В сказке «Как лиса была ханом» («*Ünegen хān suuqsa-ni*») вымазавшаяся синей краской лиса выдает себя царицей всех животных, рожденной по воле самого небесного повелителя Хурмусть. Однако выдает себя лисьим твяканьем и лишается жизни [14, с. 59-61; 15, с. 542]. В рамках комментаторской литературы сюжет известен под названием «Голубая лиса» [4, с. 69-70].

Два сюжета о проигрыше лисы связаны с мотивом выяснения старшинства среди животных. В сказке «Лиса и ёж» («*Ünegen zarā хойор*»), будучи уверенной в своей победе в споре о старшинстве лиса приводит довод о том, что мать пела ей колыбельную еще в то время, когда земля была размером с очаг, небо не больше платочка, а попугай — неоперившимся птенцом. На что рассудительный еж замечает, что в таком случае она является ровесницей его младшего брата [15, с. 539]. Этот сюжет известен в рамках комментаторской литературы буддизма [4, с. 79].

Таким образом, во всех известных нам текстах сказок о животных лиса всегда выступает в роли трикстера, обманывая не только своих сородичей, но и людей.

Вторым по популярности персонажем животной сказки ойратов Синьцзяна является волк. Чаще всего в сказочных сюжетах он выступает в паре с лисой, которая постоянно его обманывает. Хотя волк всегда изображается сильным, но главное его качество в сказках ойратов Синьцзяна — безграничная глупость. Поэтому, не смотря на свою силу, он всегда остается в проигрыше. Его легко проводит не только лиса, но и многие другие звери — лошадь («Пестрый лончак и волк», «*Alaq dāyan boln čono*»), бычок («Лончак, бычок и волк», «*Dāyan бүрү čono yurba*»), находчивый заяц («Сказка о серой овечке», «*Boro хойини үлигер*») и др.

Тем не менее, следует отметить, что среди сказочных сюжетов о волке, есть прозапоэтический текст «Одинокый белый верблюжонок» («*Önčin сауān botyon*»), в котором волчица оказывает защиту и покровительство хрому верблюжонку и помогает ему найти свою мать.

Среди других персонажей сказки о диких животных встречаются медведь, барс и лев. Они представлены в сюжетах сказок как самые сильные звери, но при этом они глупы и самоуверенны в том, что располагая силой и властью, они не нуждаются в уме. Поэтому лиса или заяц легко их обманывают.

В содержании ойратских сказок о животных часто присутствуют сюжеты, в которых птицы, превосходят присущей им мудростью и смекалкой своих сильных врагов. Чаще всего они защищают себя, усыпляя их бдительность намеками об их благородстве и уме, которое у тех отсутствует. К примеру, в сказке «Красивый серый воробей» («*Sāral sayıxan boqşorıo*»), выстроенной на мотиве мнимой угрозы, лиса грозит свалить дерево, на котором воробья-мать высиживает птенцов, выпить всю воду в округе и

съесть всю траву. Наивная птица верит мнимой угрозе и лишается яиц. Мудрая перепелка подсказывает ей, как спасти оставшееся яйцо. Лиса ловит перепелку, но она освобождается из ее пасти с помощью хитрой уловки [14, с. 528-530].

В сюжете сказки «Лиса и журавль» (*«Ünegен тойоруун хоюг»*), плутовка, представ в образе доброй соседки, пытается пожить птенцами журавлиной пары. Разгадав ее недобрые намерения, птицы устраивают так, что лиса попадает в капкан [15, с. 535-536].

Некоторые сюжеты, в которых действуют птицы, известны в комментаторской тибето-монгольской литературе буддизма. Черепаха путешествует с дикими гусями, ухватившись за веточку, которую держит пара гусей в тексте «Гуси и черепаха» (*«yaluun bo yasutu mekelei»*). В сказке «Лиса-перерожденец и Хан Гаруда» (*«Xubilyā n ünegен болон Хān γarudi»*) плутовка с помощью хитрости делает Гаруду своей ездовой птицей [14, с. 38-39; 15, с. 542-543]. Этот сюжет известен в рамках комментаторской литературы буддизма под названием «Вишну и Гаруда» [4, с. 124-125]. «Сказка о мудром попугае» (*«Cecen toti-yin üligер»*) является контаминацией двух притч из комментаторской литературы буддизма — «Голубь Читрагива и его друзья» [4, с. 93] и сюжета о птицах, попавших в сети [4, с. 164].

В сказочной традиции ойратов, в том числе и сказках о животных, встречаются образцы текстов, которые обладают своеобразной композицией, построенной на цепочке коммулятивных эпизодов-действий, дополняющих друг друга. Финальный эпизод приводит к разрешению сложившейся ситуации. К такому типу коммулятивных сказок относится сюжет под названием «Белозобый воробей» (*«Betеге саγān боқširγо»*), который хорошо известен и в калмыцком фольклоре.

Одной из особенностей сказок о животных ойратов Синьцзяна является богатый, образный, насыщенный яркими выражениями язык диалогов персонажей. Как истинные кочевники, хорошо знающие повадки диких и домашних животных, ойраты в текстах сказок о животных часто употребляют звукоподражательные слова. К примеру, лиса, согласно языку ойратов, при беге издает звук — 'гув-гув'. Перепелка поет — 'буг-булдаг, буг-булдаг' или в другом варианте — 'Бул, бул! Бул! Бул, бул! Бул!'. Сова плачет в темном лесу — 'Гуу, гуу, гуу!', а лягушка квакает — 'Нирр, цурр'. Комар жужжит — 'Дуу, дуу'. Голодный волк воет — 'Уу, аа! Аа, уу!'.

Среди представленных образцов животных сказок есть тексты, содержание которых построено на ссоре персонажей. Сказки подобного вида относятся к текстам, в которых главным является не само событие, а богатый образный язык произведения. В тексте «Лягушка и журавль» (*«Mekelei тойоруун хоюг»*) причиной ссоры становится лягушка, оказавшаяся на пути шествующего к водоему журавля. Надменный журавль велит ей убраться с дороги. Лягушка не соглашается и вступает в перебранку. Ослепленный гневом журавль, пытаясь заклевать лягушку, прыгнувшую в воду, погибает проткнув шею острым стеблем камыша.

В другом тексте «Петух, ставший посмешищем для лягушки» (*«Mekelei-yin zōq болуqсан така»*) лягушка не может перебраться через глубокий сухой арык. Увидев петуха она просит указать ей место возможной переправы. Надменный петух сталкивает ее в арык и сам падает туда же и подворачивает ногу. Оказавшись на дне арыка он продолжает обвинять и клевать лягушку. Внезапно арык заполняется водой. Лягушка спасается, а надменный петух тонет.

Таким образом, мифы и сказки о животных представляют древний жанр сказочного фольклора ойратов Синьцзяна. В их содержании сохранились мифологические элементы,

связанные с архаическими представлениями этноса о живых существах окружающего их мира. Образный язык, насыщенный выразительными поэтическими выражениями, обилие изобразительных средств, большой объем лексики исконного языка ойратов, во многом утерянной в языке калмыков, свидетельствуют о сохранности сказочно-мифологического фонда и исполнительской традиции ойратов Синьцзяна.

Библиография

1. Басангова Т. Г. Животные в калмыцком фольклоре. На рус. и калм. яз. Элиста: КалмГУ, 2019. 192 с.
2. Бембеев Е. В. Научно-популярный журнал «Хан Тенгер» как источник по изучению несказочной прозы ойратов Синьцзян-Уйгурского автономного района Китайской Народной Республики // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2020. № 1. С. 123–140.
3. Горяева Б. Б. Орнитоморфные помощники героя в калмыцкой волшебной сказке // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2017. № 9 (122). С. 134–141.
4. Ёндон Д. Сказочные сюжеты в памятниках тибетской и монгольской литературы. Второе издание. Улаанбаатар: ИЯЛ АН Монголии, 2013. 201 с.
5. Меняев Б. В. Журнал «Хан Тенгер» как источник изучения фольклора ойратов Синьцзяна // Проблемы истории, филологии, культуры. 2017. № 4. С. 335–344.
6. Надбитова И. С. Сюжеты, образы и стилевые традиции калмыцких волшебных сказок. Элиста: ЗАОР «НПП „Джангар“», 2011. 260 с.
7. Пюрбеев Г. Ц. Эпос «Джангар»: культура и язык. 2-е изд., перераб. Элиста: ЗАОР «НПП „Джангар“», 2015. 280 с.
8. Содномпилова М. М., Нанзатов Б. З. Зооморфный код в контексте этногенетических связей: лиса в традиционных представлениях монгольских народов // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2016. Т. 15. С. 48–63.
9. Тодаева Б. Х. Материалы по фольклору синьцзянских монголов // Тюрко-монгольское языкознание и фольклористика. М.: ГРВЛ, 1960. С. 228–265.
10. Убушиева Д. В., Дамринжав. Сказки о животных в фольклоре ойратов Китая (на материале сборника сказок о животных «Белозобый воробей» ('Betege сауān boqširyo')) // Монголоведение. 2020. № 1. С. 10–21.
11. Хальмг туульс. Калмыцкие сказки: Сборник на калм. яз. / сост. В. Д. Бадмаева. Элиста: ГУ «Издательский дом „Герел“», 2009. 440 с.
12. Шараева Т. И. Обряды жизненного цикла калмыков (XIX в. – нач. XX в.). Элиста: НПП «Джангар», 2011. 223 с.
13. Damrindjab Ba. Collection and Publication of Oirat Folk Tales of Xinjiang: a Brief Historical Review // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2017. № 6. С. 131–137.
14. Betege сауān boqširyo. Šinjiyang-giyin monyol arad-yin aman zokōl. (Белозобый воробей. Устное народное творчество монголов Синьцзяна). Urumči: Šinjiyang-giyin arad-yin keblel-yin horō (Урумчи: Народное изд-во Синьцзяна), 1981. 100 х.
15. Dumdadu ulusiyin Šinjiyang-giyin mongyol aradiyin aman ūliger-yin emkidkel (Сборник народных сказок монголов Синьцзяна Китая). Ürümči: Šinjiyang-giyin aradiyin keblel-yin horō (Урумчи: Народное изд-во Синьцзяна), 2006. 866 х.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Мифы и сказки о животных ойратов Синьцзяна» в научный журнал «Филология: научные исследования», несомненно, является актуальной, ввиду возрастающего интереса к китайскому языку и культуре в нашей стране, а также усиливающихся экономических и культурных связей между странами. Автор ставит целью проведение анализа сказочного фольклора ойратов Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая, а именно изучение мифов и сказок о животных, которые представляют древний жанр сказочного фольклора ойратов Синьцзяна.

Отметим наличие сравнительно небольшого количества исследований по данной тематике в отечественной филологии. Статья является новаторской, одной из первых в российской лингвистике, посвященной исследованию подобной проблематики. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. К сожалению автор не указывает объем корпуса исследования, а также методологию его формирования. Теоретические измышления проиллюстрированы языковыми примерами, а также представлены убедительные данные, полученные в ходе исследования. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что заключение требует усиления, оно не отражает в полной мере задачи, поставленные автором и не содержит перспективы дальнейшего исследования в русле заявленной проблематики. Библиография статьи насчитывает 15 источников, среди которых представлены работы как на русском, так и иностранных языках. К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы отечественных исследователей, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации.

Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по теории литературы, фольклористике, а также курсов по междисциплинарным исследованиям, посвящённым связи языка и общества. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Мифы и сказки о животных ойратов Синьцзяна» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Муталов Р.О. — Система форм будущего времени в даргинских языках // Филология: научные исследования. — 2023. — № 12. — С. 38 - 46. DOI: 10.7256/2454-0749.2023.12.69328 EDN: EYYTBR URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69328

Система форм будущего времени в даргинских языках

Муталов Расул Османович

доктор филологических наук

профессор, главный научный сотрудник, Институт языкознания РАН

125009, Россия, г. Москва, пер. Большой Кисловский, 1/1

✉ mutalovr@mail.ru

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2023.12.69328

EDN:

EYYTBR

Дата направления статьи в редакцию:

14-12-2023

Дата публикации:

24-12-2023

Аннотация: В статье рассматриваются формы будущего времени в даргинских языках, относящихся к нахско-дагестанской языковой группе. Актуальность темы заключается в том, что в последние десятилетия языки малых народов Дагестана стремительно исчезают, молодое поколение переходит в основном на общение на русском языке. Между тем, общеизвестно, что восточнокавказские языки обладают богатой морфологической системой, включающей в себя многочисленные парадигмы словоизменительных категорий. В частности, в даргинских языках представлена разветвленная система видо-временных и модальных форм. Основная цель статьи заключается в исследовании семантических особенностей четырех глагольных форм, которые выражают значения будущего времени – футурума, прогрессива, POSSIBILITY и облигатива. В задачи исследования входит выявление способов их образования, а также установления различий в функционировании форм будущего времени в севернодаргинских и южнодаргинских языках. Для решения данных задач используются

методы полевой лингвистики, а также метод дескриптивного описания. При описании форм будущего времени даются основное значение, способ образования, примеры, приводятся также обозначения данной формы в работах предшественников. В результате исследования описаны все функционирующие в даргинских языках формы будущего времени, рассмотрены особенности их образования, выявлены семантические различия, а также условия их функционирования. Научная новизна работы заключается в том, что в научный обиход введен значительный по объему новый материал даргинских языков и диалектов. Выявлены также некоторые пути развития футурума в даргинских языках. Выдвинута гипотеза, согласно которой данная форма существовала еще в прадаргинском состоянии, но затем исчезла в севернодаргинских языках. Функцию будущего времени в них стала выполнять форма хабитуалиса. Футурум сохранился лишь в нескольких архаичных южнодаргинских идиомах. Результаты исследования могут быть использованы как при создании нормативных грамматик даргинских языков, так и при подготовке сравнительно-исторической грамматики. Результаты работы могут способствовать также исследованию проблемы выражения временных отношений в других дагестанских языках.

Ключевые слова:

кавказские языки, даргинские языки, морфология, грамматические категории, глагол, категория времени, категория вида, личное спряжение, футурум, проспектив

В последние десятилетия вследствие глобализации языки малых народов Дагестана стремительно исчезают, молодое поколение переходит в основном на общение на общем языке. Между тем, общеизвестно, что восточнокавказские языки обладают богатой морфологической системой, включающей в себя многочисленные парадигмы словоизменительных категорий. В частности, в даргинских языках представлена разветвленная система видо-временных и модальных форм.

Материалом для исследования послужили как собранные в разные годы в даргинских селениях полевые материалы, так и тексты художественных произведений даргинских писателей. Задачи исследования состоят в том, чтобы выявить все формы будущего времени, функционирующих в различных даргинских языках, дать их морфологическую характеристику, а также определить функциональные особенности данных форм.

Для решения данных задач используются методы полевой лингвистики, а также метод дескриптивного описания. При описании форм будущего времени используется схема, включающая в себя: основное семантическое значение формы, способ образования, примеры, даются также обозначения данной формы в работах предшественников. Показано образование аналитических и отрицательных форм, а также имеющиеся отличия в даргинских языках и диалектах.

Теоретической базой исследования стали работы отечественных и зарубежных даргиноведов Услара П. К., Жиркова Л. И., Абдуллаева С. Н., Абдуллаева З. Г., Кибрика А. Е., Магометова А. А., Мельчука И. А., Плунгяна В. А., Мусаева М.-С. М., Хайдакова С. М., Темирбулатовой С. М., Кадибагомедова А. А., Сумбатовой Н. Р., Форкер Д., Беляева О. И.

Даргинские языки (общее число говорящих, согласно по переписи 2021 года, 625 тыс. человек) распространены в Центральной части горного Дагестана. Они относятся к

восточнокавказской группе языков. Долгое время многочисленные даргинские идиомы рассматривались в качестве одного даргинского языка, хотя имеют значительные отличия как в звуковой системе, так и в грамматическом инвентаре и лексическом составе. В последние десятилетия даргинским идиомам вполне обоснованно придается статус самостоятельных языков [1, с. 144]. В настоящее время, согласно Списку языков народов России, подготовленному в Институте языкознания РАН, вслед за работой [2], в качестве самостоятельных рассматриваются шесть языков даргинской группы: севернодаргинский, цудахарско-сирхинский, кубачинский, кайтагский, чирагский, мегебский [Список языков России. <http://jazykirf.iling-ran.ru/>].

Наличие многочисленных словообразовательных и словоизменительных форм делает морфологию даргинских языков чрезвычайно богатой и разветвленной. В частности, категория времени насчитывает множество форм, выражающих временные отношения, которые различаются в зависимости от различных факторов. В данной статье будут рассмотрены глагольные формы, которые передают значение будущего времени.

Время в лингвистической науке рассматривается как грамматическая категория глагола, являющаяся специфическим языковым отображением объективного времени и служащая для темпоральной (временной) локализации события или состояния, о котором говорится в предложении. Она заключается в указании посредством противопоставленных друг другу временных форм на одновременность, предшествование или следование события моменту речи или другой точке отсчета. [Лингвистический энциклопедический словарь. — М.: Советская энциклопедия. Гл. ред. В. Н. Ярцева. 1990.]. «Временная ориентация ситуации сводится к указанию относительной хронологии двух ситуаций на оси времени: описываемой ситуации Р и ситуации речевого акта» [3, с. 256].

Категория времени в той или иной степени исследована во всех общих грамматических описаниях по даргинским языкам [4-15]. Имеются также специальные работы, посвященные данной теме [16, 17].

В качестве определяющих при выделении временных форм, вслед за работой [16], рассматриваются 2 критерия: а) обозначение словоформой определенного временного значения, соотносимого с моментом речи, и б) способ образования, присущий только данной форме (первичная глагольная основа или вербоид + специальный маркер) [16, с. 5].

Глагольный вид имеет в даргинских языках ярко выраженный морфологический характер и лежит в основе образования временных форм. Формы будущего времени образуются, как правило, от основы несовершенного вида, но некоторые формы образуются также от основы совершенного вида.

В подавляющем большинстве даргиноведческих работ прошлого века в качестве будущего времени рассматривается лишь одна форма, образованная от основы несовершенного вида посредством личных показателей, которые дифференцированы по признаку переходности/непереходности: *-ис, -ид, -у* (переходные формы), *-ус, -уд, -ар/-ур* (непереходные формы); *бургес* «находить»: перех.: 1л. *бург-ис, бург-ехIе* 2л. *бург-ид, бург-ид-а-я* 3 л. *бург-у*; неперех.: 1 л. *бург-ус, дург-ехIе*; 2 л. *бург-уд, дургуд-а-я*, 3л. *бург-у*.

Во всех северных даргинских языках и диалектах и в некоторых южных данные формы имеют по два значения. С одной стороны, они выражают настоящее общее время

(постоянно протекающее, обычное действие; действие обыкновенно длится безотносительно к моменту речи и не имеет результата; в современных даргиноведческих работах названа термином *хабитуалис* [12, 13, 14, 17, 18]. С другой стороны, они обладают значением будущего времени. Значения при этом различаются лишь контекстуально: предложение *Зубаирли кагъурти лук1а* в акушинском диалекте, основе даргинского литературного языка, имеет два значения: «Зубаир (всегда) пишет письма» и «Зубаир (скоро) напишет письма».

По этой причине большинство даргиноведов считают данную форму формой будущего времени: («будущее» [4, с. 77]; «простое будущее» [з.абд.1, с. 111]; «будущее категорическое» [8, с. 190]; «будущее индикативное» [16, с. 40]; будущее 1 [6, с. 39]. Лишь в работе А. А. Магометова она обозначена как «настоящее общее» [7, с. 190].

Имеющиеся языковые факты позволяют выделить в даргинских языках четыре формы будущего времени: футурум, прогрессив, POSSIBILITY и облигатив [10, с. 110]. Следует при этом отметить, что в функционировании форм будущего времени в севернодаргинских и южнодаргинских языках имеются значительные различия.

Футурум обозначает «действие, которое будет иметь место в будущем: *бурцанда* (1л.) «поймаю»» [10, с. 110]. Образуется данная форма от основы несовершенного вида, которая оформлена маркером *-ан*; к данной форме присоединяются личные показатели *-да*, *-ди*. *-ни*: *бурсанда* «скажу», *бурсанди* «скажешь», *бурсанни* «скажет». Данная глагольная словоформа распространена лишь в южных даргинских языках и диалектах – кубачинском, ицаринском, кайтагском, кункинском.

Следует отметить, что данная форма в 3-м лице имеет специальный показатель *-ни*, отмеченный в ряде диалектов и говоров. Форма, образованная от глагола несовершенного вида присоединением маркера *-ан*, служит также основой образования причастия общего времени, оформленного также показателем *-ан*: *уцц-ан* «работающий». Тем не менее, эти две формы отличаются ударением. В формах футурума ударение падает на гласный основы, а в причастии общем – на гласный суффикса *-ан*: *Биркьан-да* «сделаю» – *биркьАнда* «делающий (я) есть». Помимо этого, форма 3-го лица причастия общего образуется присоединением вспомогательного глагола *цаб*.

Как отмечается в работе [8], в кубачинском языке футурум образуется несколько иначе: «для 1-го лица обоих чисел употребляется также краткая форма будущего времени, образуемая суффиксом *-ла* в переходных глаголах и суффиксом *-лла* в непереходных глаголах при одном и том же тематическом гласном *и* и без вспомогательного глагола» [8, с. 197]: *бакьила* «я сделаю» (перех.); *ажилла* «я уйду» (неперех.). Данная форма изменяется по лицам: 1л. *бакьилалда* «сделаю», 2л. *бакьилалде*, 3л. *бакьилалсав*.

Отрицательные формы футурума образуются присоединением глагола *акку*, который имеет личное спряжение: *бартаннейкквид* «не оставляю» (ицар.), *бартаннейкквитти* «не оставишь», *бартаннеекку* «не оставит».

В севернодаргинских языках и диалектах имеется несколько нестандартных глаголов, которые образуют формы футурума, отличающиеся от форм настоящего общего времени. Это глаголы *лябкьян* «придет», *аркьян* «уйдет», *лебку* «приведет», *лебху* «принесет», *арку* «отведет», *арху* «отнесет». В хабитуалисе они имеют вид: *вашар* «ходит (1 гр. класс)», *арвашар* «уходит», *бику* «приводит», *биху* «приносит», *арбику* «отводит», *арбиху* «относит».

Вышесказанное позволяет некоторые выводы относительно путей исторических изменений в функционировании и развитии временных форм даргинских языков, в частности, футурума. По всей видимости, данная форма существовала еще в прадаргинском состоянии. Затем ареал его распространения начал постепенно сужаться. Футурум исчез в севернодаргинских языках, а также в большинстве цудахарско-сирхинских диалектов. Функцию будущего времени в них стала выполнять форма хабитуалиса, которая вытеснила форму футурума. В настоящее время данная форма сохранилась лишь в нескольких архаичных южнодаргинских идиомах – кубачинском, кайтагском, ицаринском, кункинском. Следует также отметить, что форма футурума в остаточном виде сохранилась в нескольких «нестандартных» глаголах севернодаргинских языков.

Проспектив – одна из форм будущего времени, которая указывает «на определенную связь ситуации в будущем с положением дел в настоящем» [19, с. 64]. В работе [20] отмечается, что «говорящий, делая утверждение о ситуации *p* в будущем, опирается на знание о ситуации *q*, которая имеет место в момент речи и которая должна повлечь за собой *p*, если естественный ход событий не будет нарушен» [20, с. 274]: *б=уц-ес-ли-ра* «я в состоянии поймать».

В зависимости от вида глагольной основы, в даргинских языках функционируют две формы проспектива: проспектив совершенного вида и проспектив несовершенного вида. Образование проспектива совершенного вида происходит присоединением личных показателей и копулы к деепричастию достаточности совершенного вида, которое, в свою очередь, образуется от инфинитива совершенного вида: *белк1ес+ли + ра – белк1еслира* «я в состоянии написать».

Проспектив несовершенного вида образуется от деепричастия достаточности несовершенного вида посредством тех же показателей: 1л. *лук1-ес-ли-ра* «я в состоянии писать», 2л. *лук1еслири*, 3л. *лук1если сай*.

В даргиноведческих работах, посвященных категории времени, проспектив не получил своего освещения. З. Г. Абдуллаев рассматривает данную форму в качестве «одной из форм настоящего несовершенного времени, образованной от формы целевого наклонения» [8, с. 109].

Следует отметить, что в даргинских языках форма проспектива функционируют исключительно в номинативных (при непереходном глаголе) или биноминативных (при переходном глаголе) конструкциях предложения: *ну дуц1ик1еслира* «я в состоянии бегать»; *х1у иш х1янчи бареслири* «ты в состоянии сделать эту работу».

По своей семантике проспектив близок к другой форме будущего времени – футуруму. «Грамматикализация показателей проспектива часто приводит к развитию у них более общего значения будущего времени» [2, с. 287].

Форма проспектива в прошедшем времени (со значением «были налицо все предпосылки для того, чтобы действие имело место после момента речи в прошлом») образуется посредством присоединения показателя паст-форм *-ри*: *биц1еслири* «был таким, что в состоянии был наполнить».

Образование отрицательных форм проспектива происходит посредством присоединения отрицательного вспомогательного глагола *ах1ен*: *буцесли ах1ен* «не в состоянии поймать».

Поскольку перспектив образуется на основе инфинитива, в диалектах со спрягаемым инфинитивом (ицаринском, чирагском) он может иметь более 900 форм [\[10, с. 107\]](#).

Поссибилитив выражает действие, которое может легко совершиться в будущем: *б-уц-ес-си-ра* «способный поймать» (1л.). В даргиноведческой литературе данная форма отмечена лишь в работе [\[10\]](#). Форма поссибилитива образуется присоединением к причастию долженствования показателей лица: 1л. *б=арг-ес-си-ра* («способный найти»), 2л. *б=арг-ес-си-ри*, 3л. *б=арг-ес-си сай*. Следует отметить, что сама форма причастия долженствования образована от основы инфинитива присоединением атрибутивизатора *-си*: *буцес «поймать» + си – буцесси*.

Различаются поссибилитив совершенного вида, образованный от основы глагола совершенного вида и поссибилитив несовершенного вида: (*белч1ессира* «способный читать» – *буч1ессира*).

Для образования отрицательной формы к причастию долженствования присоединяется отрицательный вспомогательный *ахIен*: *белч1есси ахIен* «невозможное написать». Форма прошедшего времени поссибилитива обозначает действие, которое имело легкую возможность совершиться в прошлом и образуется посредством показателя пред-форм *-ри*.

Облигатив (термин впервые использован в работе [\[10\]](#)), обозначает предполагаемое действие, которое должно случиться в будущем: *ну жяг1ял Сяг1идхъайчи аркьусира* «Завтра мне нужно будет пойти к Саидовым». Образуется облигатив присоединением к причастию настоящего времени личных показателей: 1л. *ну чар-улхъ-у-си-ра* «я вернусь», мне нужно будет вернуться», 2л. *х1у чар-улхъ-у-си-ри*, 3л. *ит чар-улхъ-у-си са=й*.

В работах по даргинским языкам данная временная форма глагола не получила освещения, хотя некоторые лингвисты обратили на нее внимание. Так, З. Г. Абдуллаев относит данную форму к одной из разновидностей настоящего времени и называет ее «настоящее несовершенное причастного образования» [\[8, с. 108\]](#). М. -С. М. Мусаев считает ее формой будущего времени: «значение будущего изъявительного иногда может быть выражено и аналитической формой, состоящей из причастия несовершенного вида и личной формы вспомогательного глагола: *валтусира* «я оставляемый есть, т.е. меня оставляют. В современном даргинском языке она употребляется сравнительно редко, обычно для выражения того, с какой целью совершается действие» [\[16, с. 41\]](#).

Облигатив в даргинских языках имеет и форму прошедшего времени, которая образуется посредством прибавления к причастию настоящего времени показателя *-ри*. Обозначает ожидаемое действие, которое должно было произойти после момента речи в прошлом: *хъу нуни (хIуни, итини) балцусири* «поле мной (тобой, им) должно было быть вспаханным».

Отрицательная форма облигатива образуется аналитическим путем, прибавлением к форме причастия вспомогательного отрицательного глагола *ахIен*: *бируси ахIенра* «не сделаю», «не обязан сделать». В некоторых южнодаргинских языках и диалектах форма причастия настоящего времени, оформленная суффиксом *-си* отсутствует, и формы облигатива в них образуются от причастия общего, оформленного показателем *-ан*: *ду биркьанда*: «мне нужно будет сделать». Ударение при этом падает на гласный суффикса *-ан*.

Таким образом, в результате проведенного исследования описаны все функционирующие в даргинских языках формы будущего времени, рассмотрены особенности их образования, выявлены семантические различия, а также условия их функционирования. В даргинских языках функционируют четыре глагольные формы, которые выражают значение будущего времени: футурум, прогрессив, POSSIBILITY и ОБЛИГАТИВ. Выявлено, что в функционировании данных форм в севернодаргинских и южнодаргинских языках имеются значительные различия.

Установлены также некоторые пути исторических изменений в функционировании и развитии временных форм даргинских языков. Предположительно, футурум функционировал еще в прадаргинском языке. В связи с развитием языка ареал распространения данной формы стал постепенно сужаться. В современном состоянии футурум исчез в севернодаргинских языках, а также в большинстве цудахарско-сирхинских диалектов; функцию же будущего времени в них стала выполнять форма хабитуалиса, которая вытеснила форму футурума. В настоящее время данная форма сохранилась лишь в нескольких архаичных южнодаргинских идиомах. Форма футурума в остаточном виде сохранилась в нескольких «нестандартных» глаголах севернодаргинских языков.

Результаты исследования могут быть использованы как при создании нормативных грамматик даргинских языков, так и при подготовке сравнительно-исторической грамматики. Результаты работы могут способствовать также исследованию проблемы выражения временных отношений в других дагестанских языках. Они будут полезны и при изучении глагола даргинского литературного языка в образовательных учреждениях.

Библиография

1. Коряков Ю.Б. Даргинские языки и их классификация. // Дурхъаси хазна. Сборник статей к 60-летию Р.О. Муталова. М.: Буки-Веди. 2021. С. 139-154.
2. Муталов Р.О. Классификация даргинских языков и диалектов // Социолингвистика. М.: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт языкознания РАН, № 3 (7), 2021. С. 8-25.
3. Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ. 2011.
4. Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. Т. 5. Хюркилинский язык. – Тифлис : Управление Кавказского учебного округа. 1892.
5. Абдуллаев С.Н. Грамматика даргинского языка (фонетика и морфология). – Махачкала: Дагучпедгиз. 1954.
6. Жирков Л. И. Грамматика даргинского языка. М : Центр. изд-во народов С.С.С.Р. 1926.
7. Магометов А.А. Кубачинский язык. Исследование и тексты. Тбилиси.: Мецниереба. 1963.
8. Абдуллаев З.Г. Субъектно-объектные и предикативные категории в даргинском языке (к проблеме предложения). – Махачкала: Дагучпедгиз, 1969.
9. Темирбулатова С.М. Хайдакский диалект даргинского языка. Махачкала: Издательство типографии ДНЦ РАН, 2004.
10. Муталов Р.О. Глагол даргинского языка. – Махачкала: Издательско-полиграфический центр ДГУ, 2002.

11. Кадибагомедов А.А. Сравнительная морфология даргинского языка. – Махачкала: Издательство Политехнического института, 1999.
12. Van den Berg H.E. Dargi folktales. Leiden, 2001. 324 p.
13. Сумбатова Н.Р., Ландер Ю.А. Даргинский говор селения Танты: грамматический очерк, вопросы синтаксиса. – М.: Языки славянской культуры, 2014.
14. Daniel M., Dobrushina N., Ganenkov D. (Eds.) (2019). The Mehweb language: Essays on phonology, morphology and syntax (Languages of the Caucasus 1). Berlin: Language Science Press.
15. Forker D. A grammar of Sanzhi Dargwa (Languages of the Caucasus 2). Berlin: Language Science Press. 2020.
16. Мусаев М.-С.М. Словоизменительные категории даргинского языка (время и наклонение). – Махачкала: Дагучпедгиз, 1983.
17. Беляев О.И. Аспектуально-временная система аштынского даргинского // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. VIII. Ч. 2. Исследования по теории грамматики. Выпуск 6: Типология аспектуальных систем и категорий / Отв. ред. В. А. Плунгян. — СПб.: Наука, 2012. С. 181-227.
18. Sumbatova N. R., Mutalov R. O. A grammar of Icarl Dargwa. München: LINCOM EUROPA. 2003.
19. Comrie B. Aspect. Cambridge, 1976.
20. Кибрик А. Е и др. (ред.). Багвалинский язык. Грамматика. Тексты. Словари. Издательство: М.: ИМЛИ РАН Наследие. М., 2001.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Система форм будущего времени в даргинских языках», предлагаемая к публикации в журнале «Филология: научные исследования», несомненно, является актуальной, ввиду рассмотрения грамматических особенностей одного из языков народов Российской Федерации, а именно автор обращается к исследованию глагольных форм, которые передают значение будущего времени.

Материалом для исследования послужили как собранные в разные годы в даргинских селениях полевые материалы, так и тексты художественных произведений даргинских писателей. Задачи исследования состоят в том, чтобы выявить все формы будущего времени, функционирующих в различных даргинских языках, дать их морфологическую характеристику, а также определить функциональные особенности данных форм. Отметим, что данные языки насчитывают чуть более 600 тысяч носителей, что делает более актуальной задачу их изучения и сохранения.

Работа имеет междисциплинарную направленность. Статья является новаторской, одной из первых в российском языкознании, посвященной исследованию подобной тематики в 21 веке. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Используются следующие методы исследования: методы полевой лингвистики, метод дескриптивного описания, а также общенаучные методы.

Отметим скрупулёзный труд автора по проведению выборки иллюстративного материала. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного

исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором.

К недостаткам можно отнести отсутствие четко поставленных задач в вводной части, неясность методологии и хода исследования. Отметим, что вводная часть не содержит исторической справки по изучению данного вопроса как в общем, так и в частном.

Библиография статьи насчитывает 12 источников, среди которых теоретические работы как на русском, так и иностранном языках.

К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации.

Технически при оформлении библиографического списка нарушены общепринятые требования ГОСТа, а именно несоблюдение алфавитного принципа оформления источников.

В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены.

Высказанные замечания не являются существенными и не влияют на общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов теоретической грамматики и языкознанию. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Система форм будущего времени в даргинских языках» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Власова Ю.Е., Вавичкина Т.А. — Черты жанра «рихля» на примере романа Юсуфа Зейдана «Азазель» //

Филология: научные исследования. – 2023. – № 12. – С. 47 - 58. DOI: 10.7256/2454-0749.2023.12.69417 EDN:

FUEPRB URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69417

Черты жанра «рихля» на примере романа Юсуфа Зейдана «Азазель»

Власова Юлия Евгеньевна

ORCID: 0000-0003-4311-3403

кандидат филологических наук

доцент, кафедра иностранных языков, факультет гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

117198, Россия, Москва область, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10/2, оф. 502

✉ vlasova-yue@rudn.ru

Вавичкина Татьяна Анатольевна

ORCID: 0000-0003-3474-5820

кандидат филологических наук

доцент, кафедра иностранных языков, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

117198, Россия, Москва область, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10/2, оф. 502

✉ vavichkina-ta@rudn.ru

[Статья из рубрики "Всемирная литература"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2023.12.69417

EDN:

FUEPRB

Дата направления статьи в редакцию:

19-12-2023

Дата публикации:

26-12-2023

Аннотация: Предметом исследования является жанр «рихля», то есть паломничество

восточного человека по странам мира. Авторы интересуют особые элементы этого стиля и их воплощение в романе египетского писателя Юсуфа Зейдана «Азазель». Главный герой, путешествуя по Нилу, Синаю и Малой Азии, учится и познает окружающий мир. Глазами молодого человека подробно описываются Александрия, Иерусалим, Дамаск и другие великие города эпохи раннего средневековья и их достопримечательности. Находясь в гуще исторических событий, египетский юноша приобретает навыки врача. Он становится свидетелем жестокого убийства фанатиками-христианами женщины-философа Гипатии. Спасаясь от тяжелых воспоминаний, лекарь бежит из Африки в поисках истинного христианства на родину Иисуса, где становится монахом Гипой. Наставники помогают ему справиться с сомнениями и искушениями, советуя записать все пережитые события. Так рождается путеводитель Гипы по странам Африки и Ахии, одновременно исповедь думающего человека, искушаемого страстями. Используемые методы исторического и системного анализа позволяют сравнить жизнь почитателей эллинских богов и первых христиан. Делается вывод, что благодаря традиционному для арабской литературы жанру «рихля», то есть духовным странствиям героя Зейдан создает достоверную многостороннюю картину жизни людей пятого века нашей эры и пытается раскрыть суть личности монаха Гипы на фоне исторических реалий и персонажей. А формат дневников, наполненных переживаниями, помогает углубиться во внутренний мир пилигрима и полнее раскрыть его психологию. В романе "Азазель" писатель призывает представителей разных конфессий к веротерпимости и ненасилию. В современной арабской литературе этот популярный жанр помимо познавательной и развлекательной функций приобрел исторические и психологические черты. Представляется важным новое открытие для читателей творчества Юсуфа Зейдана, а вместе с ним истории, философии и культуры Египта.

Ключевые слова:

Современная арабская литература, литература Египта, Юсуф Зейдан, историко-философский роман, поиски самоидентификации, раннее христианство, странствия монаха, путеводитель, проблема веротерпимости, паломничество

Человека издавна привлекали дальние страны. В поисках новых впечатлений он устремлялся за моря и океаны и открывал новые земли. Описанные картины увиденного складывались в записки, дневники, путевые очерки и мемуары. Критик В. М. Гуминский так определил этот жанр: «Путешествие – жанр описания сведений о малоизвестных землях и народах» [\[1, с. 315\]](#). Задача автора – познать мир и поделиться знаниями и впечатлениями от поездок с окружающими. На землях Месопотамии возникла поэма о царе Гильгамеше, который отправился на край света в далекий Левант, чтобы победить чудовище Хумбабу. Жители страны фараонов сочинили «Сказку о потерпевшем кораблекрушение», в которой герой плывет по Красному морю в землю Пунт за благовониями. Эпосы, легенды, романы о странствиях людей по свету питали умы людей и развивали их фантазию.

В 2008 году в свет вышел очередной роман египетского писателя, исследователя рукописей Юсуфа Зейдана (род. 1958) «Азазель» [\[2\]](#). Книга имела большой успех и была переведена на разные языки, в том числе и русский [\[3\]](#). В 2009 году Зейдану была присуждена арабская Букеровская премия. Литературовед М. Н. Суворов назвал «Азазель» гимном индивидуальной свободе в постмодернистском обращении к теме раннего христианства [\[4, с. 24\]](#). Вслед за ним арабист и переводчик В. Н. Зарытовская

нашла в произведении черты исторического романа о противостоянии первых христиан и язычников [\[5, с. 75\]](#).

Но не только историческое прошлое рисует знаток коптского, арамейского, латинского и древнегреческого языков. Специалист по древней истории Зейдан на страницах романа реконструировал жизнь десятка крупных городов Египта и Малой Азии. Для этого писатель взял на вооружение приемы традиционного на Ближнем Востоке жанра «рихля», что в переводе с арабского означает «путешествие», продолжив традиции ученых Арабского халифата, которые ездили не только по мусульманскому миру, но и выезжали за его пределы. Исследователь Д. М. Зайцев пишет, что эти люди выработали «отдельный жанр записок о путешествии к святым местам «рихля». Наиболее известные из таких писателей – это арабские путешественники из мусульманской Испании и Северной Африки XII–XIV веков Ибн Джубайра и Ибн Баттута» [\[6, с. 17\]](#). Выдающимся памятником этого жанра стали знаменитые «Путешествия Ибн Батутты», который совершил четыре паломничества и оставил воспоминания о посещении Африки, Аравии, Месопотамии и Золотой Орды, а потом продиктовал свои пространные рассказы Ибн Джузайе, секретарю маринидского султана Абу Инана. Джузайя отредактировал сочинения под названием «Подарок созерцающим о диковинках городов и чудесах путешествий» [\[7\]](#).

А исследователь М. А. Дубовицкая дала в качестве образца жанра арабского путешествия книгу египетского просветителя XIX века Рифаата ат-Тахтауи «Крупницы золота в достопримечательностях Парижа», в которой «знаменитое путешествие, предпринятое для ознакомления с цивилизацией Запада, вылилось в рассуждения о Египте, а не о Париже» [\[8, с. 17\]](#).

Арабист Т. А. Шумовский находил элементы «рихля» в арабском фольклоре. В частности, в семи историях о путешествиях героя «Книги тысяча и одной ночи» Синдбада Морехода перед читателем «проходит вся акватория Индийского океана, какой она представлялась купцам первого тысячелетия нашей эры, направлявшимся в поселения Южной Азии и Восточной Африки» [\[9, с. 20\]](#).

Среди отличительных черт жанра «рихля» можно выделить: описательный характер повествования, наличие топонимов, документальность (ссылки на реальные события), картографичность, привлечение в свидетели реально существовавших персонажей (правителей, отцов церкви, ученых).

В XX веке прославленный египетский писатель, лауреат Нобелевской премии по литературе 1988 года Нагиб Махфуз издал философский роман под названием «Путешествие Ибн Фаттумы» (1983), аллюзию на странствия знаменитого средневекового пилигрима [\[10\]](#). Там он написал хронику путешествия Кандиля Мухаммеда аль-Инаби, известного как Ибн Фаттума [\[11\]](#). Имитируя стиль сочинений легендарного средневекового путешественника Ибн Батутты, Махфуз создал воображаемый мир и показал странствия души человека в поисках истины и счастья. Вслед за ним Зейдан в 2008 году придумал и воплотил образ странствующего монаха Гипы, который ищет свой путь в жизни.

Соотечественник нобелевского лауреата Юсуф Зейдан в романе «Азазель» также прибегает к мотиву путешествия. Он ведет своего молодого героя строго по компасу: с юга Египта на север по реке Нил на лодке, затем с запада на восток из Африки в Азию через Синай на ослике. Пешие странствия по Палестине и Сирии привели пытливого

юношу в Византию. При этом зоркий глаз молодого человека выхватывает, речь подробно описывает, а рука тщательно записывает особенности строения домов в городах и селениях. Читателю интересно узнать, что носят и едят жители того или иного регионов. Так получается путеводитель по странам. Там можно найти городки Нубии и Верхнего Египта, откуда родом путник, например, Ахмим, Наг Хаммади, остров Элефантина, город Эсна. Также в манускрипте представлены города Нижнего Египта и дельты Нила: Гелиополис (Каир), Александрия и Дамietta. В списке палестинских географических названий пещеры Мертвого моря, Кана, Назарет, Сидон, Иерусалим. Топонимы Большой Сирии – Дамаск, Алеппо и Горний монастырь у деревни Сармада. Византийские города – Антиохия, Эфес, Константинополь.

Для создания эффекта достоверности автор использует рамочную композицию, постепенно погружая читателя в толщи веков. Внешняя рамка ограничивается датой публикации рукописи под названием «Азазель»: четвертое апреля две тысячи четвертого года. Далее следует прослойка – дата обнаружения пергаментов: тысяча девятьсот девяносто седьмой год. И наконец внутренняя рамка – начало пятого века нашей эры. Три пласта времени отделяют читателя от героев произведения. Повествование ведётся от лица рассказчика-переводчика, который завещал опубликовать рукопись после его смерти. Книга была найдена на развалинах близ Алеппо по дороге в Антиохию. Раскопки вел некий отец Валим Казари. С помощью этих подробностей создается ощущение подлинности документа, написанного на листах пергамента на арамейском, то есть древнесирийском языке, на котором говорил Иисус Христос и была написана Библия.

Уточняется, что свитки хранились в запертом деревянном пенале. На полях были найдены пометы и комментарии на арабском, написанные «наском», сделанные, предположительно, монахом-несторианцем из Эдессы. Рассказчик сообщает, что потратил на перевод пергамента с сирийского на арабский семь лет.

История монаха Гипы занимала тридцать пергаментных листов, написанных почерком «эстрангело». Нужно отметить, что рассказчик разбил страницы рукописи на части и озаглавил их. Он старательно переименовал топонимы: Панополис – Ахмим на юге Египта, Германика – Мараш в Сирии, пустыня Скинтис – Вади Натрун на северо-западе Египта, Никея – современный Изник в Турции.

Продолжая разговор о документальности произведения, отметим, что на его страницах действуют реальные исторические персонажи, жившие в пятом веке нашей эры, от императора Византии Феодосия до префекта Александрии Ореста. Будучи переводчиком, главный герой общается с главами христианских церквей и конфессий. Ему близка позиция отлученного от церкви антиохийского епископа Нестория. Он осуждает методы епископа александрийского Кирилла, жестоко расправившегося с ученой Гипатией и другими нехристианами. И наконец молодой человек почитает ум и величие епископа Феодора Мопсуэстийского.

Главный герой – лекарь, монах, мыслитель, назвавший себя Гипа, ему тридцать пять лет. Юсуф Зейдан заставляет Гипу записать события, которые происходили вокруг и распаляли страхи в его груди. История начинается двадцать седьмого сентября сто сорок седьмого года эры Мучеников (по коптскому календарю), то есть в четырехста тридцать первом году нашей эры. В этот год был отлучен от церкви епископ Несторий и сотряслись столпы веры.

Читатель узнает, что родина Гипы – юг Египта, город Асуан на реке Нил. До одиннадцати

лет он учился в Наг Хаммади, и Ахмиме, потом переехал на север и Александрию.

А настоящее инока – каменная келья в два метра, как могила. Суть найденной рукописи – жизнеописание монаха, который уехал из родного города, чтобы достичь совершенства в искусстве врачевания и богословии, а потом бежал с родины в поисках истиной веры, долго странствовал, но так и не нашел приюта и ответов на мучающие его вопросы. Его опыт мог бы быть полезным другим людям.

Записки странствующего монаха позволяют создать картины жизни разных мест пятого века нашей эры. На листах пергамента воссоздан быт людей разных сословий, поэтому эти сведения являются интересным историческим и этнографическим материалом. Например, читатель узнает, что «телосложение александрийцев значительно плотнее, что у жителей юга страны, и кожа выглядит белее» [\[3, с. 147\]](#).

Маршрут первого речного путешествия за знаниями пролегал с юга на север Египта и являлся для людей того времени стандартным способом добраться до Александрии. Знаток истории Древнего Египта Юсуф Зейдан тщательно прорисовывает детали июльского странствия из Ахмима в Асьют по Нилу: солнцепек, речные лодчонки и парусные барки, сахарные финики. «Асьют – очень большой город, большинство жителей которого составляли христиане, хотя встречались и идолопоклонники. В целом население было радушным, а построенные друг рядом с другом жилища – просторными. Тогда я думал, что это самый большой город в мире. Я еще не побывал в Александрии, Иерусалиме и Антиохии...» [\[3, с. 65\]](#).

Несколько недель провел молодой человек в разных монастырях и церквях, а затем поплыл в Александрию вместе с караваном мелких торговцев из Гелиополиса. С теплотой он пишет о бескрайних просторах: «В дельте Нила нет ни единой возвышенности, за которую мог бы зацепиться взор, лишь бесконечная равнина, покрытая густой пеленой растительности. На полях работали трудолюбивые мужчины и женщины» [\[3, с. 69\]](#).

С рекомендательным письмом от священника из Ахмима к священнику церкви Святого Марка Юаннису за восемь дней добрался до города золота Александрии скромный южанин. За городскими стенами в лачугах и палатках приютилась голытьба. Плотный людской поток, состоящий из бедняков, шел к воротам. Улицы города были вымощены брусчаткой, вдоль домов проложены тротуары. «На родине я слышал, что александрийцы не такие, как мы: предпочитают бодрствовать ночью и не любят рано вставать... Город поражал своим изяществом. Но эта кричащая повсюду красота не порождала ощущения той великой божественной Александрии, как ее называли... Я бы назвал ее градом человеческим!» [\[3, с. 69\]](#). Зейдан посвящает этому городу семь из тридцати глав своего романа.

Читатель узнает, что Канопская улица простирается от Лунных ворот до Солнечных, она делит город на две части: северную, в которой живут зажиточные горожане, и южную, где селится беднота. Все застроено прекрасными домами. Попад в дом сицилийского торговца, юноша нашел не только вкусную еду и приятные вечера в соседстве с пылкой Октавией, но и огромную библиотеку ее хозяина, полную сочинений по истории и литературе: копий Эзопа, поэм философа Гераклита и посланий Оригена.

«Столица соли и жестокости» – так называется третий пергамент, третья глава романа. Во-первых, соль намекает на то, что Александрия морской город-порт, а во-вторых, город, граждане которого плачут солеными слезами. Сцены радости и восхищения

(архитектура, лекция женщины-педагога Гипатии) чередуются со сценами страха и отвращения (жестокое убийство Гипатии и Октавии фанатиками). Преодолев искушение быть знаменитее Галена, Гиппократ и Эскулапия, победив страсти и соблазны молодой женщины, Гипа выбрал веру.

Примечательно, что Юсуф Зейдан дает юноше возможность выбора, предложив ему два пути: уйти от светской жизни и стать монахом-отшельником или остаться в городе и быть врачом, но вести аскетический образ жизни, много читать и постоянно размышлять о смерти, как сицилийский торговец, хозяин Октавии.

Трясаясь от страха, мучаясь угрызениями совести и испытывая чувство стыда от увиденной казни невинных людей, юноша бежал из Александрии прочь. Великий город превратился в обиталище вурдалаков. Скиталец направил свои стопы не по ходу движения Земли на запад в блаженный ливийский Пентаполис, а на восток в пустыню: «В своих блужданиях я был похож на евреев в годы их бесконечных скитаний по Синайской пустыне» [\[3, с. 184\]](#).

Там, где дельта Нила встречается с морем, странник сбросил рясу, совершил обряд самокрещения. Наделенный таинственной благодатью, родившийся второй раз молодой человек нарек себя именем Гипа в память о математике и философе Гипатии. Пилигрим решил идти туда, где зародилась вера.

По дороге три месяца юноша работал плотником на верфи и врачевал людей в городе Дамietta. Своего начальника он сравнивал с апостолом Петром, который также рыбачил в море. В преддверии Синая, где одна пустыня сменяется другой, являя миру свое убогое убранство: безлюдие, бесплодие и скудность, Гипа набрел на скромный монастырь, одиноко возвышающийся посреди песчаной равнины. Там он понял, что «монашество – это преходящее, как все в жизни» [\[3, с. 191\]](#). Игумен посоветовал путнику искать исток веры в пещерах близ Мертвого моря у ессеев, так как иудаизм – это и есть корень. Он подсказал, как найти пещеру отшельника Харитона.

На спине осла, вооруженный караваем хлеба и мехом с водой, а также знаниями географии Синая, почерпнутыми из книги Клавдия Птолемея, в течение двух месяцев Гипа путешествовал по пустыне, созерцая миражи. По дороге ему встретились бедуины-кочевники, потом караван паломников. Третье воспоминание было связано с нападением стаи волков, которые съели его осла.

К обитателю одной из пещер в окрестностях Мертвого моря монаху Харитону каждую неделю местные крестьяне приносили жбан с водой и узелок с хлебной лепешкой. Старец побеседовал с Гипой об истоках веры и посоветовал отправиться в Иерусалим на поклонение. Так юноша совершил паломничество по местам деяний Иисуса Христа.

В городе Гроба Господня другие монахи помогли исхудавшему скитальцу восстановить силы. Там он понял, что «как ни слаб каждый человек и все мы, вместе взятые, наша сила – только в любви» [\[3, с. 199\]](#). Беседуя с насельниками, Гипа узнал о разных городах. Епископ Несторий рассказал об Антиохии, какие науки преподают в ее школах, о богатой епископской библиотеке, о простых людях из окрестных деревень. Инок, в свою очередь поведал ему о своем родном о Ахмиме – большом городе на берегу Нила, о его величественном капище, где у входа возвышаются гигантские фигуры фараонов. Гипа получил от Нестория рекомендательное письмо игумену, расположенного к северу от Алеппо, Горнего монастыря, одного из самых тихих и прекрасных мест на земле.

В пути на север Гипа познакомился с караванщиками. Это были арабские купцы.

Пользуясь случаем, Юсуф Зейдан вставил несколько слов об арабском языке: «хоть и близок к сирийскому, не имеет письменной формы. Говорящие на нем не придерживаются одной веры: иудеи, христиане, язычники. Говорят, что арабы – потомки Исмаила и упоминаются в Торе» [\[3, с. 214\]](#). Вместе с арабским караваном Гипа побывал в большом окружённом садами Дамаске, стоящем под высокой горой. Далее гористую местность сменила обширная равнина.

Спустя две недели путники оказались в замечательном Алеппо, где живет много арабов, сирийцев и греков. Некоторые из них переселились из Пальмиры. По воспоминаниям путешественника в Алеппо «нет городских стен, а дома разбросаны вокруг низких холмов, в центре которых возвышается один огромный холм. На его вершине сохранились руины древней цитадели с полуразрушенными воротами и высокими стенами» [\[3, с. 215\]](#).

Переночевав в странноприимном доме и пересев с верблюда на мула, погрузив книги на второго, Гипа доехал до своего убежища – Горнего монастыря. Дорога до монастыря на севере Сирии заняла полдня. Она пролегла через зеленые поля и песчаные холмы. Через местное кладбище. Новое убежище Гипы возвышалось на руинах византийского строения. Когда-то здесь была крепость или усадьба вельможи. А рядом располагалось древнее капище, сохранились каменные стены, мраморный жертвенник.

Автор нарочито подробно описывает окрестности монастыря и его внутренние части. Двенадцать глав посвящено узилищу. Выясняется, что в этой холмистой местности много древнеримских колонн. Вход на территорию монастыря был с южной стороны, через пролом в старой частично сохранившейся стене. С трех сторон на холм подняться нельзя – там отвесные склоны. Монастырь казался высокогорным гнездом [\[3, с. 224\]](#). Справа стояли казармы солдат для охраны от воров и грабителей с большой дороги. Как в кино перед читателем предстают террасные сады (наподобие вавилонских), в центре которых хижина. Целая глава посвящена описанию Горнего монастыря: ухоженный двор, западные постройки – библиотека, восточные постройки – церковь, склад, кельи, кухня и трапезная. Напротив птичник, хлев. С другой стороны пустырь. Северная часть – церквушка и флигель настоятеля. В дальнем углу двора с восточной стороны – «замок» – дом без окон и дверей. Такая детализация намекает на то, что герой надолго планирует остаться в этом приюте души и тела. Гипа сравнивает богато одетого и пышущего здоровьем настоятеля и других обитателей Горнего монастыря с изможденными постами ликами египетских схимников.

Юсуф Зейдан мимоходом напоминает читателю, что именно египтяне подарили миру монашество. Египетские монахи соблюдают более жёсткий устав и суровый обряд (способность спать сидя, немногословие, нелюдимость).

Приведя в порядок мысли и чувства и успокоившись душой, Гипа устроил в монастыре библиотеку, организовал врачебный кабинет и разгадал загадку потайных этажей башни-замка. Он разбил аптекарский огород и восстановил старый колодец для полива посевов. Когда епископ Несторий навестил Гипу в Горнем монастыре, тот узнал, что окраины империи атакуют варвары и северные племена, курды на востоке никак не успокоятся. В Галии восстают готы. А крупнейшие христианские города охвачены брожением, смутами и дурными предчувствиями. Сам Несторий принял сан епископа Константинопольского. Гипа же жил спокойно и счастливо.

Следующее путешествие – поездка в Антиохию на поместный собор. Герой мечтал увидеть эту колыбель христианского богословия, а вместе с ней столицу Византийской

империи великий Константинополь, а также родину своего духового наставника епископа Феодора – Мопсуэстию. На этом соборе Гипа стал свидетелем раскола церкви, епископы которой не смогли договориться, относительно Девы Марии Христородицы или Богородицы. Начались преследования арианцев (Церковь чистых), а сам Ария был подвергнут анафеме.

По пути странник размышлял о том, что римляне, которые построили хорошие дороги в Малой Азии, не сделали этого в Египте потому, что он их интересовал только как «пшеничная житница и поставщик виноградного вина» [\[3, с. 265\]](#).

Из заметок Гипы об Антиохии можно узнать, что Антиохия больше Иерусалима, но меньше Константинополя. Жители незлобивы. «Они кажутся более радостными и дружелюбными, чем александрийцы, но менее печальными и сердитыми, чем египтяне» [\[3, с. 267\]](#).

Спокойствие души было потревожено расколом христианской церкви. Монофизиты египтяне утверждали, что Бог – единая ипостась, одна личность, одна природа, человек и Бог, сын и Господь. Святая Дева есть Богородица. Несториане считали, что Бог избрал Христа своим свидетелем, и во имя невидимого Бога люди поклоняются воплощенному Христу, понимая, что они суть разные существа. Суть тонка и запутана. Перед Гипой встал выбор, по какому пути следовать. Первый путь старца Харитона – погружение в самого себя, благодать уединения. Второй путь антиохийцев – поиски чуда, вера в божественное чудо. Третий путь александрийского епископа Кирилла – огнем и мечом искоренять язычество и насаждать христианство. Свет веры стал тускнеть. Монах понял, что вера – тяжелое бремя. Он пророчески заключает, что в будущем у каждого будет своя. Пребывая в сирийском монастыре, коптский монах после долгих размышлений приходит к выводу, что боги находятся не в храмах и в гигантских сооружениях, а в сердцах верящих в них людей. «Моя вера покоится на сомнениях» [\[3, с. 223\]](#).

Именно в этот тяжелый момент Гипа решил записать свои мысли. К тридцати пяти годам у мужчины сформировалось свое мировоззрение. Инок знал, что в Египте было положено начало отшельничеству и мученической смерти за веру. У фараонов был позаимствован символ креста. Из египетской мифологии была взята триада: Осирис, Исида и Гор, которая у греческого философа Плотина стала триединством – Единого, Божественного ума и Мировой душа. Затем превратилась в троицу у христиан – Отец, Сын и Святой Дух. По мнению монаха, древние цивилизации вознесли Бога, а евреи своей Торой низвели его до человека. Христианство возвысило его с помощью древнеегипетских легенд. Где бы ни был герой, его тянуло на родину, в далекий Египет, где отыскивались корни всего: и веры, и надежды и любви. Не случайно Египет стал для Иисуса Христа второй родиной. Но Гипа боялся оказаться в Александрии, потому что многовековая история этого города пронизана насилием. Чтобы преодолеть врожденный страх, монах положил рукопись в сундук и закопал его, похоронив вместе с ним все былые представления. И ушел странствовать, став свободным.

Таким образом, можно выделить следующие черты жанра «рихля»:

- имеет форму записок, воспоминаний или путевых дневников
- содержит пространные описания увиденных пейзажей,
- изобилует географическими названиями,
- встречаются сравнения увиденных природных и рукотворных красот,

- сопоставляются типы людей, их одежды и речи.

Арабский литературовед Ахмед Абу Саад написал в 1961 году монографию, которую посвятил исследованию этого популярного на Ближнем Востоке жанра. Он выделил общие черты «рихля» и рассмотрел их на примере знаменитых произведений арабской литературы от доисламского периода до наших дней. Ученый насчитал более тридцати известных авторов, которые писали в этом жанре [\[12\]](#).

У этого жанра есть познавательная и развлекательная функции. Цель автора - передать знания и поделиться опытом, а также познать самого себя и проверить себя на прочность. Давая характеристику египетской литературе, и жанру «рихля» в частности, литературовед А. А. Долинина отмечала: «Потребность записывать наблюдения о новом возникала, естественно, прежде всего, у передовых людей эпохи, поэтому важность этих произведений для современников определялась не только обилием новой информации, но и новизной идей» [\[13, с. 692\]](#). Юсуф Зейдан ломает аксиому о том, что никому нельзя постичь сокровенное временем. Он погружает читателя в глубокое прошлое, чтобы найти в нем ответы на актуальные вопросы: кто такой человек, зачем живет, что делать.

По мнению литературоведов В. Н. Зарытовской и А. М. Аль-Рахби писатель обращается к теме раннего христианства не случайно. Это «смутное время для Арабского мира», когда над нехристианами применялось физическое насилие для обращения их в христианство [\[14, с. 66\]](#).

Зейдан путешествует не только по странам и континентам, он сравнивает мировые религии. Исследователи Г. Г. Тикаев и М. Н. эл-Гибали писали: «Помимо призыва автора к тому, чтобы каждый человек занимал свою четкую позицию в этом мире, Зейдан осторожно проводит аналогию христианской религии и ислама, тем самым призывая к толерантности. Зейдан недвусмысленно отмечает, что «истинная религия одна, она имеет одну основу» [\[15, с. 170\]](#).

Крупный исследователь арабской литературы И. М. Фильштинский, характеризуя жанр «рихля», отмечает его популярность для связана с тем, что «историко-географические, биографические и чисто литературные сведения преподносятся читателю в занимательной форме, с использованием всего арсенала классической риторики» [\[16, с. 480\]](#).

Согласимся с утверждением арабиста и переводчика В. Н. Кирпиченко: «Рихля героя в масштабах собственной биографии, истории страны, человеческой цивилизации становится в большей мере странствием духовным» [\[17, с. 265\]](#).

Подводя итоги, отметим, что истоки жанра «рихля» ведут в далекое прошлое. В Средние века арабские ученые внесли в него познавательный элемент. В наше время помимо просветительских и развлекательных функций литература, написанная в этом стиле, выполняет философские и психологические задачи. Современные арабские романисты часто кладут в основу сюжета мотив путешествия, причем перемещение героя в пространстве, по своим и чужим городам и весям, сочетается, как правило, с его перемещением во времени. В наше время писатели добавили к этим целям поиски самого себя, своего места в мире.

В результате анализа было доказано, что у Юсуфа Зейдана в романе «Азазель» можно обнаружить черты жанра «рихля». Это произведение увлекает читателя средневековой

историей зарождения монашества и одновременно развлекает его рассказами о чужеземных диковинках. На наших глазах египетский юноша превращается в зрелого мужа, который философствует, пытаясь решить вопрос, что есть вера. Также Гипа занимается самоанализом, спасая себя от фобий, ложных кумиров и грехов. Египетский писатель расширил рамки жанра «рихля», превратив его из путешествия-паломничества во времени и пространстве в странствия в глубинах человеческой души.

Авторы надеются, что их исследование будет полезно не только литературоведам, которые занимаются арабской литературой, но и всем любителям и ценителям восточной культуры.

Библиография

1. Гуминский В. М. Путешествия // Литературный энциклопедический словарь. М.: Сов. Энциклопедия, 1987. 752 с.
2. يوسف زيدان، عزازيل. بيروت: دار الشروق. ٢٠٠٨، ص ٢٨٠. (Юсуф Зейдан, Азазель. Бейрут: Издательство Восход, 2008. 380 с.).
3. Зейдан Юсуф. Азазель / пер. с араб. П. Гулькона, М. Наср ад-Дин аль-Гибали. М.: Астрель, 2013. 446 с.
4. Суворов М. Н. Современная литература Ближнего Востока. СПбГУ, 2014. 154 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://hdl.handle.net/11701/6540> (дата обращения 23.12.2023).
5. Зарытовская В. Н. Шорт-лист Арабского Букера-2020: между экспериментом и классическим историческим романом // Азия и Африка сегодня, №6, 2020. С. 74–77.
6. Зайцев Д. М. Особенности традиционного мусульманского паломничества // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. 2016. № 4. С. 13–19.
7. Тимофеев И. В. Ибн Баттута. М.: Молодая Гвардия, 1983. 272 с.
8. Дубровицкая М. А. Концепт «путешествия» в произведениях арабо-американских писателей // Международный научно-исследовательский журнал. Екатеринбург. №2 (56), 2017. С. 17–21.
9. Шумовский Т. А. По следам Синдбада Морехода. М.: Мысль, 1986. 141 с.
10. Власова Ю. Е. Композиция и проблематика романа Нагиба Махфуза «Путешествие Ибн Фаттумы» // Междисциплинарные исследования Арабского Востока. Ежегодник Научно-образовательного центра исследований Арабского Востока РУДН. М.: РУДН, 2012. С. 209–219.
11. Махфуз Н. Путешествие Ибн Фаттумы. М.: Центр гуманитарного сотрудничества, 2009. 160 с.
12. أبو سعد أحمد . أدب الرحلات وتطوره في الأدب العربي. دراسة ومختارات. بيروت: دار منشورات الشرق الجديد، ١٩٦١. ص ٢٨٨. (Абу Саад Ахмед. Жанр «рихля» и его развитие в арабской литературе: Исследования и подборки. Бейрут: Издательский дом Новый Восток, 1961. с. 288).
13. Долинина А. А. Египетская литература первой половины XIX века // История всемирной литературы в 9 т. Т.6 М.: Наука, 1989. 882 с.
14. Зарытовская В. Н., Аль-Рахби А. М. Эволюция арабской исторической литературы и ее современные тенденции: каноны и инварианты // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика, 2023. Т. 28. С. 256–270.
15. Тикаев Г. Г., эль-Гибали М. Н. Одноименные произведения российского и египетского писателя под названием «Азазель» // Вестник РУДН.

Литературоведение. Журналистика, 2012, № 4. С. 75–84.

16. Фильштинский И. М. История арабской литературы X–XVIII века. Ч. 2. М.: Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2010. 328 с.

17. Кирпиченко В. Н. Египетский роман накануне «революции 25 января» 2011 г. // Восток. РАН, 2, 2013. С. 66–79.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Черты жанра «рихля» на примере романа Юсуфа Зейдана «Азазель», предлагаемая к публикации в журнале «Филология: научные исследования», несомненно, является актуальной, ввиду обращения автора к изучению стилистических особенностей указанного жанра.

Практическим материалом исследования явился роман египетского писателя, исследователя рукописей Юсуфа Зейдана (2008 г.) «Азазель». Отметим наличие сравнительно небольшого количества исследований по данной тематике в отечественной филологии. Статья является новаторской, одной из первых в российской лингвистике, посвященной исследованию подобной проблематики. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Основной методологией явились: метод сплошной выборки, методы дефиниционного и лексико-семантического анализа, интерпретативный анализ отобранного материала и др.

Теоретические измышления проиллюстрированы языковыми примерами, а также представлены убедительные данные, полученные в ходе исследования. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что заключение требует усиления, оно не отражает в полной мере задачи, поставленные автором и не содержит перспективы дальнейшего исследования в русле заявленной проблематики. Библиография статьи насчитывает 17 источников, среди которых представлены работы как на русском языке, так и иностранном.

К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы отечественных исследователей, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации. Технически при оформлении библиографического списка нарушены общепринятые требования ГОСТа, а именно несоблюдение алфавитного принципа оформления источников. Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по теории текста, а также курсов по междисциплинарным исследованиям, посвящённым связи языка и общества.

Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Черты жанра «рихля» на примере романа Юсуфа Зейдана «Азазель» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Юань С. — Анализ оценочной зоны концепта «Гражданская война» в романе А. Фадеева «Разгром» //

Филология: научные исследования. – 2023. – № 12. – С. 59 - 68. DOI: 10.7256/2454-0749.2023.12.69447 EDN:

FPMFHQ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69447

Анализ оценочной зоны концепта «Гражданская война» в романе А. Фадеева «Разгром»

Юань Синьцзе

ORCID: 0009-0005-6658-7646

аспирант, кафедра русского языка и литературы, Дальневосточный федеральный университет

690000, Россия, приморский край, г. Владивосток, ул. Аякс, 10

✉ iuan.si@dvfu.ru

[Статья из рубрики "Семантика"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2023.12.69447

EDN:

FPMFHQ

Дата направления статьи в редакцию:

20-12-2023

Дата публикации:

27-12-2023

Аннотация: Актуальность исследования заключается в том, что в лингвистике изучение концептов является актуальным направлением, позволяющим рассматривать слова в их культурном, когнитивном и коммуникативном контекстах. Цель исследования – охарактеризовать оценочную зону концепта «Гражданская война» в романе А. Фадеева «Разгром». Описание концепта «Гражданская война» позволяет выявить особенность индивидуального опыта познания данного социального концепта. Разнообразие интерпретационных полей вызвано своеобразием концептуализации мира в индивидуальном сознании. В структуре концепта интерпретационное поле концепта «Гражданская война» как периферия, определена его незаменимая роль в концептуальном анализе. Основное содержание исследования составляет анализ оценочной зоны интерпретативного поля, в которой всегда по-новому интерпретируются

присущие концепту «Гражданская война» характеристики и свойства. В этом исследовании автор использовал метод концептуального анализа, метод контекстуального анализа и логико-семантический анализ. Научная новизна работы состоит в том, что изучение романа «Разгром» А. А. Фадеева практически не получило достаточного внимания, несмотря на то, что он является одним из самых представительных произведений двадцатых годов прошлого века. Научных работ, посвященных понятию «Гражданская война» очень мало. Аналитический алгоритм исследования концепта может быть применен к концептуальному анализу схожих произведений искусства. Будучи непосредственным свидетелем войны, А. А. Фадеев оценивает ее на основе впечатлений очевидцев, и исследование демонстрирует его обобщенный взгляд и понимание борьбы между красными и белыми, что проявляется в ряде моментов через основные составляющие оценки войны разными классами героев романа, которые в целом и составляют суть Гражданской войны. Результаты исследования позволяют сделать вывод, что в интерпретационном поле оценки в основном негативные, что отражает жестокость войны и тот факт, что классовая борьба была неотъемлемой причиной возникновения Гражданской войны.

Ключевые слова:

когнитивная лингвистика, концепт, структура концепта, периферия концепта, интерпретационное поле, оценочная зона, художественный текст, гиперперсонаж, Гражданская война, Фадеев

«Концепт» – один из самых распространенных терминов в современной научной парадигме, однако единого подхода к его определению и свойствам не существует. По мнению И. Ю. Никишиной, это понятие «оказалось важным и нужным для изучения языка и легло в основу когнитивной лингвистики» [\[7, с. 5\]](#). Это обусловлено той незаменимой ролью, которую играет концепт в человеческом познании, как говорит В. А. Ефремов, концепт объединяет «множество разнообразных единиц ментального словаря неким родовым понятием» [\[3, с. 98\]](#).

Концепт относится к восприятию человеческим мозгом объективного мира, представляет собой мысленные представления, созданные с помощью языка. В отличие от знания, «концепт предельно субъектен» [\[10, с. 11\]](#). Субъективный характер концепта привёл к тому, что исследователи когнитивной лингвистики уделяют особое внимание на «образования и формирования концептов в сознании» [\[2, с. 18-35\]](#). Как говорит М. В. Пименова, концепт представляет собой «ментальное образование, своеобразный фокус знаний о мире» [\[8, с. 45-47\]](#). Аналогического мнения придерживается Е. С. Кубряковой и В. В. Колесовым. Е. С. Кубрякова понимает концепт как «единицу ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знания и опыт человека» [\[5, с. 328\]](#). По специфическому внутреннему составу, концепт представляет собой «синтезирующее лингвоментальное образование, методологически пришедшее на смену представлению (образу)» [\[4, с. 122\]](#).

В современной когнитивной науке разнообразие исследований является простым отражением различных типов человеческого сознания, которые подтверждают комплексную многоуровневую систему концептов как ментальных конструкций, построенных с помощью языка. В качестве следствий когнитивного поведения человека

на уровне его психологической природы выступает концепт, который, в свою очередь, определяется характером отражаемых в сознании явлений объективной реальности, что обуславливает сложность и многогранность концепта. Под концептом понимается единица, основанная на мышлении-сознании, синтез человеческих знаний, отражающий восприятие мира. Соответственно, концепты являются результатом познания и, с другой стороны, инструментом познания.

При изучении концепта необходимо говорить о важности слов для объяснения концепта, поскольку, слово выполняет эту активизирующую роль в когнитивном процессе как основа существования концепта, объединяя дивергентное мышление семантикой для выявления когнитивных признаков концепта. Можно говорить, что концепт это семантическая категория языка, отраженная словом в сознании человека, слово как пояснительный код концепта, способ выражения его существования в языке, при исследовании компонентов концепта предполагается анализ лексических единиц.

Концепт как особое когнитивное явление, трудно увидеть и понять непосредственно его строение. Однако внутреннюю структуру концепта можно определить опосредованно, через некоторые конкретные его проявления. Для выявления структуры концепта «Гражданская война» А. А. Фадеева в романе «Разгром» употребляем модель концепта, предложенная представителями Воронежской научной школы. Структура концепта состоит из трех основных частей: «образ, энциклопедическое содержание и интерпретационное поле» [\[11, с. 166\]](#).

Интерпретационные домены в концепте – это реинтерпретация информации, интерпретирующей «образ и энциклопедическое содержание концепта, представляющих собой их практическое осмысление сознанием человека» [\[11, с. 161\]](#). С одной стороны, внутренне присущий, дополняющий, экспланаторный характер когнитивных свойств этого поля дает нам основание рассматривать ее как занимающую периферийное положение по отношению к концептуальной структуре. С другой стороны, периферия – одна из самых неустойчивых позиций в структуре концепта, деконструкция и реинтерпретация свойств отдельных концептов, и эти установки сознания возникают в сознании разных людей. То, как свойства концептов понимаются в разное время и в разных контекстах, как разные индивиды подходят к тому или иному концепту, часто отражается в интерпретационном поле концептов.

В то же время когнитивные характеристики, полученные из интерпретационного поля, быстро меняются с течением времени и в разных контекстах. В этом изменчивом характере и заключается ценность изучения интерпретационного поля, многие из признаков которого становятся настолько яркими и конкретными в сознании людей, что без него изучение концептуального содержания оставалось бы неполным и неточным.

Объективируя периферию концептуального содержания, она способна в сжатой форме выразить различные семантические свойства концептов, которые часто не поддаются непосредственному наблюдению. Когнитивные признаки в этом поле, так или иначе объясняющих основное информационное содержание концепта, на основе которого выводится некоторое окончательное знание или оценивается данный концептуальный предмет.

Несмотря на то, что интерпретационное поле, «это наименее структурированная часть концепта» [\[9, с. 79\]](#), на данном этапе исследования в нем все еще можно определить несколько более детальных областей: «оценочную зону, утилитарную зону, регулятивную зону, символическую зону» [\[11, с. 161-163\]](#). Оценочная зона является частью

интерпретационного поля, поскольку она «всегда факт некоторой интерпретации тех или иных признаков или свойств объекта концептуализации» [\[11, с.162\]](#).

В художественном тексте концепты могут составлять основу семантического пространства того или иного языка, по которому можно судить об интеллектуальной структуре конкретного преломления. По мнению Д. С. Лихачева, концепты «как отклики на предшествующий языковой опыт человека в целом — поэтический, прозаический, научный, социальный, исторический» [\[6, с. 243\]](#). В зависимости от непосредственного контекста, в котором концепты создаются, а также от культурного опыта и индивидуальности культуры, они декодируются по-разному. В каждом романе присутствуют концепты, которые как бы держат ключ к развязке романа, и их интерпретация в когнитивном плане потенциально имеет определенное значение и ценность.

Наше исследование было проведено на материале романа А. А. Фадеева «Разгром». Для того чтобы полно и отчетливо вербализовано репрезентировать концепт в лингвистической интерпретации, целесообразно проанализировать интерпретационное поле концепта «Гражданская война». При анализе удалось выяснить, что интерпретационное поле концепта «Гражданская война» реализовано посредством описания его лексических репрезентантов.

При рассмотрении интерпретационного поля концепта «Гражданская война», мы должны очень четко понимать, что роман «Разгром» – роман гиперперсонажный. Гиперперсонаж представляет собой разные слои общества, которые сложились на Дальнем Востоке к моменту Гражданской войны.

Лексика оценочной зоны отражает собственный взгляд писателя на Гражданскую войну. Мы определяем эти оценки по классификации Н. Д. Арутюновой [\[1, с. 64-77\]](#).

Мы посмотрим на оценку войны с точки зрения Левинсона: *«Отрывочные сведения, которые удавалось иногда собрать, рисовали жестокую картину развала»* [\[12, с. 82\]](#). «Жестокий» относится к эмоциональной оценке. Жестокий и реалистичный жизненный опыт лежит в основе восприятия писателем войны, жестокость которой А. Фадеев выражает через своих героев. Обстановка войны ухудшалась, создавая ситуацию крайне суровой и безжалостной раздробленности. Это также привело к тому, что командир Левинсон повел свой партизанский отряд по пути отступления. Жестокие и реалистичные жизненные переживания сильно повлияли на стиль его произведений.

Это было суждение Левинсона о тех временах: *«— до тех пор пока миллионы людей живут еще в грязи и бедности»* [\[12, с. 131\]](#). Под словом «грязь» можно понимать как 'моральную нечистоплотность; безнравственность, нечестность', в соответствии с этим, оно относится к этической оценке, «бедность» – отсутствие материальных благ, финансовые затруднения. Людям не хватает необходимых средств для жизни, оценка «бедность» граничит с утилитарной. По мнению Левинсона, русский народ жил в неприятных материальных условиях.

Это действительно было условием того времени, когда началась Гражданская война, с одной стороны, а с другой – внутренней причиной ее возникновения. Те, кто видел такое состояние страны и народа, стремились преобразовать ее в соответствии со своими идеалами и замыслами, командир был одним из них.

В романе показан взгляд Красной армии на Белую армию: *«Если бы они попали к*

Колчаку, то они так же жестоко и бессмысленно исполняли бы то дело, какое угодно было Колчаку» [12, с. 130]. «Жестоко» – эмоциональная оценка, «бессмысленно» – интеллектуальная. В глазах командира все белые чрезвычайно суровы и безжалостно тупы. Это свидетельствует о том, что белые совершили какое-то отвратительное преступление во время войны, кроме того, это подтверждает неприязненные отношения между противоборствующими сторонами в войне.

Приезд Мечика заставил Морозку задуматься о будущем войны: *«Мечик действительно пришел «на готовенькое», хотя на самом деле трудный крестный путь лежал впереди»* [12, с. 19]. «Трудный крестный путь» – эмоциональная оценка. «Крестный путь» по сути представляет собой путь страдания. Для Морозки и тех, кто был на войне, война была дорогой переживаний. Гражданская война всегда воспринимается как психическая пытка, впереди еще много трудностей, и никто не знает, когда закончится эта война, с каким результатом, и вообще, доживет ли он до ее конца.

Пессимизм, вызванный продолжающейся партизанской борьбой, приводит к неблагоприятной оценке собственной приверженности воинскому делу: *«и даже все его «беспечное» озорство — это не радость, нет, а беспросветный каторжный труд, которого никто не оценил и не оценит»* [12, с. 109]. «Беспросветный каторжный» – эмоциональная оценка. Морозка считает, что во время Гражданской войны жизнь очень мрачная, без всякой надежды на улучшение, это тяжелый труд. «Каторжный труд» представляет собой принудительную работу и указывает на его неспособность вырваться из-под гнета, обрушившегося на него в этом военном положении.

Морозка снова включается в жизнь коллектива, освобождается от негативных эмоций, которые вызывала у него жена, и по-новому понимает свой собственный красноармейский опыт: *«И, думая так, он невольно приобщался к той осмысленной здоровой жизни, какой, казалось, всегда живет Гончаренко»* [12, с. 123]. Этот период военной жизни был для него осмысленным и полезным. «Здоровой» – утилитарная оценка. «Осмысленный» – это скорее интеллектуальная оценка, но в целом прохождение через боль жизни, эмоциональные изменения и общение с товарищами сыграли большую роль в его психологическом восстановлении и росте.

Как видно из контраста между двумя отрывками, в которых Морозка комментирует жизнь красноармейца, тяготы войны не позволили им отказаться от того, к чему они всегда стремились, а наоборот, укрепили веру в продолжение революционной борьбы, и в дальнейшем Морозка стал настоящим красноармейцем.

Перед вступлением в партизанскую армию Мечик дал высокую оценку партизанам Красной Армии: *«Люди в сопках (знакомые только по газетам) вставали перед глазами как живые — в одежде из порохового дыма и героических подвигов»* [12, с. 15]. «Героический» как телеологическая оценка, повествующая о подвигах героев. В сознании Мечика партизаны были опытными и закаленными в боях людьми, успешными бойцами. Стать таким человеком было его жизненной целью.

С точки зрения Мечика мы можем увидеть истинную оценку простых людей, столкнувшихся с жестокостью войны: *«То, что он испытывал, было не страх, а мучительное ожидание: когда же все кончится»* [12, с. 92]. «Мучительное» представляет собой эмоциональную оценку. Страх, который несет с собой смерть, испытывает каждый человек на войне. Но еще страшнее, чем сама смерть, – страх ожидания, что она может наступить в любой момент. Эта эмоциональная пытка часто бывает просто невыносимой.

Беспомощность и страх смерти пугали его.

Мечик дал свою оценку Гражданской войне как интеллектuala: *«Он был наедине со своими мыслями в большом враждебном мире, где все шевелилось, медленно жило чужой, сторожкой и хищной жизнью»* [12, с. 126]. Выражение «чужой, сторожкой» является эмоциональной оценкой, и слово «хищный» относится к этической оценке. Мечик считает, что люди в этой среде настроены к нему неприязненно, что во многом обусловлено иным воспитанием и состоянием жизни, чем у интеллигенции и рабочих и крестьян.

Жизнь на войне была для него непривычной, как и существование в условиях жесткой охраны и хищничества. Этот военный образ жизни сильно отличается от его прежней жизни в городе, но это истинное лицо военной борьбы и, по сути, необходимый путь для революционного дела того времени. Его проблема в том, что он слишком идеалистически относится к революционной жизни и не готов к тяжелой работе и поворотам событий.

Побег Мечика привел к почти полному уничтожению партизан, и он сбежал, дав еще одну крайне негативную оценку войне: *«Я не в состоянии больше вынести это, я не могу больше жить такой низкой, нечеловеческой, ужасной жизнью»* [12, с. 187]. «Низкий»: сенсорная оценка: сенсорно-вкусовая, или гедонистическая оценка. Низкая жизнь – физиологические потребности. Он не мог выносить сложных боевых условий. Например, Мечик не отказался есть мясо, украденное у корейских фермеров, хотя и был недоволен таким поведением. Его физические потребности всегда побеждает его умственные потребности. «Нечеловеческий»: частная, сублимированная, этическая оценка. «Нечеловеческий» как оценка была вызвана тем, что он не понял ясно, что суть революционной войны заключалась в насилии – убийстве. «Ужасный»: частная, сенсорная, психологическая, эмоциональная оценка. Слово «ужасный» больше похоже на краткое изложение его собственного опыта на войне. В бою он и тыл всегда наполнены такого рода негативными эмоциями.

Так что, этот персонаж больше похож на авторскую критику интеллектуалов. Многие из них не могут избавиться от недостатков своего собственного класса. Они слепо стремятся к революции, а просто стремятся к прогрессу, не могут избавиться от своей брезгливости и переносить трудности. Долгая и комфортная жизнь до войны сделала их неспособными адаптироваться к самой жестокости.

Гражданская война была идеологической борьбой, Красная Армия была выходцем из низших слоев и представляла их интересы. Взвод Дубов гордился своей профессией, который был шахтером: *«в глубине души Дубов полагал, что звание шахтера самое высокое и почетное, какое только может носить человек на земле»* [12, с. 68]. «Высокий» обозначает возвышенный, необычный, торжественный, «почетное» – пользующийся почётом, особым уважением, эта оценка представляет собой этическую. Для этих красных партизан, выходцев из шахтерской среды, его классовая принадлежность была очень почетной и подразумевала респектабельность с точки зрения социалистической морали.

Бакланов дал свою оценку условиям жизни на Дальнем Востоке в начале войны: *«пока братишка не подрос, а тут вот вся эта каша»* [12, с. 86]. В речи Бакланова слово «каша» воспринимается как переносное значение – беспорядок. Ситуация на Дальнем Востоке в начале войны была хаотичной, неорганизованной и запутанной, покой жизни был нарушен, планы жизни полностью расстроены.

Фронтовые разведчики сообщают последние сведения об сражении Красной Армии: «— *Все прахом пошло... — Отступили мы: бой страшный был, не удержались*» [12, с. 50]. В подразделение Левинсона прибыл партизан осокинского отряда и доложил обстановку: партизаны Красной Армии, находившиеся поблизости, были сильно потрепаны, и удар оказался сокрушительным – годы развития и накопления были сведены в пыль в одном бою, отсюда понимаем «прах» как телеологическую оценку. «Страшный» – эмоциональная оценка. Рядом с ним только что прошел кровопролитный бой партизанских отрядов. Негативные чувства, которые вызывает у людей война, выражены с эмоциональной точки зрения. Автор стремится с первой половины романа создать жестокую атмосферу войны и пессимистическую обстановку в целом.

Партизаны укрылись от врага в горах, и общее положение партизан еще больше ухудшилось: «*В течение нескольких дней отряд метался по улахинским притокам, изнывая в боях и мучительных переходах... Люди черствели, делались суше, молчаливей, злей*» [12, с. 95]. «Мучительный» относится к эмоциональной оценке. «Черстветь» имеет переносное значение, понимается как становится неотзывчивым, нечувствительным. «Сухой» обозначает сурово-безучастный, сдержанный, лишённый эмоций. «Молчаливый» – неразговорчивый. «Злой» – сердитый, недобрый. Все эти слова относятся к этической оценке. Непрерывный ежедневный марш-бросок партии был физической пыткой, а бои в пути и нехватка припасов приводили к тому, что психическое состояние партизан становилось все более экстремальным и холодным. Плохое состояние души и тела на войне взаимодействовало друг с другом по замкнутому кругу, образуя порочный круг бесконечных мучений для команды.

Сюжет романа разворачивается в сельской местности Дальнего Востока, диалог между крестьянами на сельском сходе, включающий их оценки войны: «— *задумчиво сказал Рябец. — Управилась, чи не? Трава нонче богатая — хотя б к воскресенью летошний клин сняли. Станет нам в копеечку война эта*» [12, с. 31]. Утилитарная оценка «копеечка» означает очень дорого. Негативное влияние войны на производство и жизнь крестьян огромно. Напрямую снижает их доходы и материальный уровень.

Антивоенные настроения крестьян все еще можно увидеть в этом диалоге: «— *И откуда напасть такая? — Нету мужику покою*» [12, с. 32]. Эмоция выражается разговорном словом «напасть», которое обозначает беда, несчастье, неприятный случай, показывает гнев крестьян. Эмоциональная оценка «нету мужику покою» более отражает их печаль и больше похожа на жалобу и беспомощность.

Итак, на основании вышеизложенного мы можем создать таблицу 1.

Таблица 1

Точки зрения оценки	Оценки обстановки войны на Дальнем Востоке в годы войны	Оценки состояния жизни в годы войны	Оценки, специфичные для конкретных боевых действий	Оценки участников боевых действий	Оценки идеологий

Левинсон	жестокая картина развала	миллионы людей живут еще в грязи и бедности		(белым) жестоко и бессмысленно	
Морозка	трудный крестный путь	беспросветный каторжный труд, осмысленная здоровая жизнь			
Мечик		чужая, сторожкая и хищная жизнь, низкая, нечеловеческая, ужасная жизнь	мучительное ожидание	люди (красные) в одежде из героических подвигов	
Дубов					звание шахтера самое высокое и почетное
Бакланов	тут вот вся эта каша				
Разведчик			все прахом пошло, бой страшный		
Партизанский отряд в целом		мучительный переход		люди черствели, делались суше, молчаливей, злей	
Крестьяне		станет нам в копеечку война эта, нету мужику покою			

Итак, концепт рассматривают как единицу, основанную на сознании мышления, которое является синтезом человеческих знаний и отражает восприятие мира. Используя модель И. А. Стернина и З. Д. Поповой в картине позволяет изобразить оценочную зону в интерпретационном поле концепта «Гражданская война».

Проведенный анализ позволил прийти к заключению, что оценочная зона интерпретационное поля концепта «Гражданская война» выражает более субъективные мнения о различных аспектах войны, которые находятся за пределами влияния реальных факторов интереса, таких как социальный класс и политическая позиция персонажей. В перспективе романа доминируют красноармейцы, интересы которых напрямую связаны с интересами крестьянства. Но крестьяне были пассивны в войне, пострадали, но не принимали непосредственного участия в боевых действиях, поэтому мы видим, как они жалуются на существующее положение вещей в оценочной зоне. Как говорил Платона: «не бывает ни хорошей войны, ни плохого мира». Наблюдаемые оценки Гражданской

войны почти негативные.

Суть Гражданской войны заключалась в классовой борьбе, и для партизан, происходивших из среды шахтеров, их классовая принадлежность была благородной с точки зрения пролетарской морали. Для некоторых интеллигентов они были прохожими в революции. Хотя они и испытывали чувство восхищения революционной работой и революционными борцами, сами они не могли приспособиться к революционной работе, и гражданская война была для них своего рода мукой и пыткой.

У Морозки, который соответствует близкому к интеллекту Мечуку, в оценочной сфере есть редкий положительный комментарий. Это отражает стойкий революционный дух шахтерских красноармейцев. Опытные партизаны обладали глубокими знаниями о Гражданской войне и понимали всю ее жестокость. В целом Гражданская война была жестокой и кровопролитной, она оказала негативное влияние на всех, кто участвовал в войне.

Библиография

1. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. – М.: Наука, 1988. – 341 с.
2. Болдырев Н. Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики. Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 18-35.
3. Ефремов В. А. Теория концепта и концептуальное пространство. – Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2009. – № 104. – С. 96-106.
4. Колесов В. В. Концептология : Конспект лекций, читанных в сентябре-декабре 2010 года. – СПб.: СПбГУ. РИО. Филологический факультет, 2012. – 168 с.
5. Кубрякова Е. С. О ментальном лексиконе: лексикон как компонент языковой способности человека. Актуальные проблемы современной лингвистики. – М.: Флинта: Наука, 2006. – С. 327-343.
6. Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. сост. и науч. ред. А. С. Запесоцкий. – СПб.: СПбГУП, 2015. – 540 с.
7. Никишина И. Ю. Понятие «концепт» в когнитивной лингвистике. Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей. Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М.: МАКС Пресс, 2002. – Вып. 21. – 184 с.
8. Пименова М. В. Душа и дух: особенности концептуализации. – Кемерово: Графика, 2004. – 386 с.
9. Попова З. Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка. Монография. Воронеж: изд-во «Истоки», 2007. – 250 с.
10. Прохоров Ю. Е. В поисках концепта. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 176 с.
11. Стернин И. А., Розенфельд М.Я. Слово и образ. Монография. – Воронеж: «Истоки», 2008. – 243 с.
12. Фадеев А. А. Разгром : роман. – М.: Издательство АСТ, 2023. – 192 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Анализ оценочной зоны концепта

«Гражданская война» в романе А. Фадеева «Разгром», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду возрастающего интереса к произведениям советской эпохи, которые в настоящий период подвергаются переосмыслению. В настоящей работе автор обращается к творчеству Александра Фадеева на примере его автобиографического романа «Разгром», вышедшего в свет в 1926 году. В исследовании автор обращается к реализации концепта «гражданская война». Автор анализирует интерпретационное поле концепта «Гражданская война» на материале текста романа.

Отметим наличие сравнительно небольшого количества исследований по данной тематике в отечественной филологии. Статья является новаторской, одной из первых в российском литературоведении, посвященной исследованию подобной проблематики. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Основными методами явились контент- анализ, логико-семантический анализ, герменевтический и сравнительно-сопоставительный методы. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что вводная часть не содержит исторической справки по изучению данного вопроса как в общем, так и в частном. Отсутствуют ссылки на работы предшественников. Данный факт не позволяет выделить в полном объеме научное приращение знание и новизну исследования.

Итоги исследования не являются конкретными и измеримыми, так как не применяются методы корпусного анализа и статистические данные. Кроме того, автор не структурирует полученные результаты, например, в диаграммах, картах и т.п.

Библиография статьи насчитывает 12 источников исключительно на русском языке. Считаем, что обращение к исследованиям зарубежных ученых, несомненно, обогатило бы работу. Большее количество ссылок на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации усилило бы теоретическую составляющую исследования. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Высказанные замечания не являются существенными и не влияют на общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость определяется возможностью использовать представленные наработки в дальнейших тематических исследованиях в области отечественной филологии. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Анализ оценочной зоны концепта «Гражданская война» в романе А. Фадеева «Разгром» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Винокурова А.А., Егорова С.И. — Система сравнений в творчестве эвенских поэтов // Филология: научные исследования. – 2023. – № 12. – С. 69 - 79. DOI: 10.7256/2454-0749.2023.12.69433 EDN: GBUJOD URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69433

Система сравнений в творчестве эвенских поэтов

Винокурова Антонина Афанасьевна

кандидат филологических наук

доцент кафедры "Северная филология" Института языков и культуры народов СВ РФ Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова

677000, Россия, республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Кулаковского, 42, оф. 225

✉ antonina-vinokurova@bk.ru

Егорова Саргылана Ивановна

кандидат филологических наук

доцент, кафедра якутской литературы, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова

67700, Россия, республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Кулаковского, 42, оф. 229

✉ sargi@mail.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2023.12.69433

EDN:

GBUJOD

Дата направления статьи в редакцию:

20-12-2023

Дата публикации:

27-12-2023

Аннотация: Статья посвящена вопросу системы сравнений, употребляемых в языке эвенской поэзии. В работе приводится перечень средств выражения сравнений, выделяемых с позиций «предмета», «предиката» и «аргумента». В целях разработки универсальной комплексной модели изучения приёма поэтического сравнения как

составляющей стиля поэта нами были проведены наблюдения над языком стихотворных произведений эвенских поэтов Николая Тарабукина, Платона Ламутского, Андрея Кривошапкина, Евдокии Боковой и Варвары Аркук. Полученный материал позволяет, прежде всего, уточнить перечень средств выражения поэтического сравнения. Анализируя материал, по данной теме, мы пришли к выводу, что сравнения помогают поэту передать чувство и настроение лирического героя, создавать поэтический текст главным образом, подобный подход выполняет такую важную функцию, как эстетическую. При классификации примеров мы опираемся на оригинальный эвенский язык и основными методами исследования являются семантико-стилистический, контекстуальный, классификационный, а также используем полевую методику. В качестве методологии использованы труды А.Н. Веселовского, А. А. Потебни, Б. В. Томашевского. Новизна данной статьи определена тем, что эвенская поэзия одна из молодых литератур национальной литературы РФ. Средство усиления изобразительности выразительности речи, сравнение, используемое эвенскими поэтами, раскрывают искусство самобытной культуры эвенов и прекрасное чутье родного эвенского языка. Сравнение является универсальной когнитивной структурой, где человек познаёт окружающий мир. В эвенской поэзии авторы, раскрывая картину мира Севера и Арктики, используя сравнение, показали особенное художественное восприятие. Север и Арктика остается тем пространством, которое было освоено северными народами и создана ими циркумполярная культура, где мир людей и природы гармоничны. В поэзии поэтов-эвенов нами выявлены некоторые, достойные внимания, сравнения, которые создают свой особенный художественный поэтический язык.

Ключевые слова:

эвен, сравнение, тропы, лирика, аргумент, предмет, эвенская литература, природные явления, Север, Арктика

Терминология, используемая для описания сравнительных конструкций, отличается многообразием. Понятие «субъект сравнения» исследователи оперируют для наименования того, что сравнивают (А. П. Веселовский, П. С. Иванова, М. Н. Крылова, О. П. Разумова), «предмет сравнения» (А. А. Потебня, Б. В. Томашевский, А. И. Федоров). То, с чем сравнивают, называют «объектом сравнения» (М. Джонсон, П. С. Иванова, Дж. Лакофф, В. В. Образцова), «образом сравнения» (Б. В. Томашевский), «прототипом сравнения» (Д. Х. К. Маджди). Продолжая научное наследие А. А. Потебни, понятие «основание для сравнения» используют в своих научных трактатах Г. А. Золотова, Н. С. Першина. Что касается зарубежных ученых к объекту сравнения применяют термин «параметр сравнения» (О. Бухгольц, П. Куццолин, Ч. Леманн, М. Хаспельмат). Такое разнообразие подходов указывает на то, что устойчивый интерес филологов к исследованию сравнения как образного художественного средства, является одним из характерных, узнаваемых приемов писателя, своего рода репрезентантов его индивидуального стиля.

Если обратимся к словарю литературоведческих терминов, то мы увидим, что сравнение (лат. *compratio*) – троп, словесно выраженное составление двух явлений на основе относительного сходства между ними. Обязательными морфологическими составляющими сравнений являются:

1) «предмет», т.е. объект образной рефлексии автора,

2) «предикат» (объект, с которым соотносится «предмет») и

3) «аргумент», мотивирующий «сходство несходного» между ними [\[3\]](#).

Или образная природа сравнений включает сопоставление двух или нескольких предметов, явлений, действий, качеств, которые имеют тождественные признаки. При этом, в отличие от метафор, сравниваемые объекты сохраняют свою самостоятельность [\[5\]](#).

В данной статье рассматривается сравнение в эвенской поэзии. Эвенская литература принадлежит к новописьменным литературам, которые в ускоренном развитии проходят основные стадии и стили мировой литературы, «эпохи художественного сознания – от фольклорно-поэтического к собственно художественному, поэтому имеет полистадиальный характер». [Винокурова. Худ. Наследие.]

Как отмечает В.Е. Хализев, рассматривая специфику художественной речи «...художественная речь требует от воспринимающего пристального внимания не только к предмету сообщения, но и к ее собственным формам, к ее целостной ткани, к ее оттенкам и нюансам» [\[6\]](#).

В творчестве эвенских поэтов такой вид тропов, как сравнение, представлен очень широко. Рассматривая сравнения как изобразительные средства художественного эвенского слова, прежде всего, мы опирались на оригинале эвенского языка, уделяли внимание не только как объект образной рефлексии автора, но и на оттенки и нюансы мотивирующего «сходства несходного» между ними. Так, проанализированы лирика Николая Тарабукина, Платона Ламутского, Василия Лебедева, Андрея Кривошапкина, женская лирика Евдокии Боковой и Варвары Аркук.

В творчестве Н. Тарабукина отразилась целая жизнь писателя, его мироощущение и мировосприятие раскрылись через призму мировоззрения эвенской культуры. История и действительность, пропущенные через его мысли, чутко и тонко понимающего мир эвена, являются классикой эвенской литературы. Для выявления особенностей изобразительных средств в поэтическом творчестве Н.С. Тарабукина источником языкового материала по служили тексты сборника «Хиги икэлни» (1936), и стихотворения, изданные в сборнике «Нэлтэн хэдьэн» (2009) [\[1\]](#).

Первые стихи Платона Ламутского были одобрены Н. Тарабукиным. П. Ламутский как педагог, долгое время преподававший эвенский язык в национальных школах, обращал особое внимание на развитие детского художественного восприятия. П.А. Ламутский считается одним из самых талантливых художников эвенского слова. Он автор ряда поэтических сборников «Эвен куңан икэгэн» (Детские эвенские песни), 1960, «Хонңачан» (Олененок), 1964, «Гянул осикатал» (Друзья – звездочки), 1976, «Эвэн икэн» (Песня эвена), 1980, составитель сборника стихотворений эвенских поэтов «Нэлкэрэп мучит», 1960. Ранние произведения П. Ламутского посвящены детям. Поэтому с появлением его поэтического творчества считалось, что в эвенской литературе появилась детская тема. Впервые в эвенской литературе появляется стих – в жанре колыбельной песни, например «Бэю би бэбэддэм» (Колыбельная), обращение к теме космонавтики (стихотворения П. Ламутского «Космостук нонап төрэн» (Первые слова с космоса), «Бэй космосла» (Человек в космосе)). Отмечаются другие особенности его лирики – наличие звукоподражательных слов, передающие голоса природы [\[2\]](#).

В поэзии Андрея Кривошапкина Север – главная тема писателя, о которой он может

говорить до бесконечности. Вступлением к большому разговору о жизни эвенгов Якутии является известное стихотворение А. Кривошапкина «Мой народ». С глубокой болью создает поэт картины страшного прошлого своего народа, который пережил холод, голод, болезни, но: Не сбился с пути, Не погиб, не исчез... Автор поражается мужеству, стойкости своего народа: Как ты жил, мой народ? Как ты выжил – здесь, В белой мгле, в голубом аду? Всем смертям вопреки, Всем врагам назло – Как в столетиях выстоять мог [6, с. 33]? Ответы на эти вопросы поэт находит в мудрых, добрых традициях и обычаях эвенгов, по которым жили предки. Согласно поэту, люди выжили в суровых условиях потому, что «в душе цвело добро». Поэт благодарен предкам, сохранившим свой родной язык, он безмерно гордится его красотой, певучестью, нежностью. Андрей Кривошапкин о родном языке говорит с большим трепетом, и мы верим красоте его родного языка: «У кочевых ламутов неиссякаемый мир напевной эвенской речи. И младенцы, и дети-карапузы, и молодежь, и старшие чувствовали себя людьми благодаря родному языку – этому непреходящему святому духовному богатству. Они жили в замкнутом мире и были счастливы. И главное, что объединяло их, – родной всеильный ламутский язык». Как же можно отказаться от такого богатства?! Но новое время беспощадно и неумолимо. «Наш родной эвенский язык ускоренными темпами теряет свои позиции, носителей языка становится все меньше и меньше. Без языка – нет народа. Как нам решить эту самую жгучую, судьбоносную проблему?» [4].

Среди литераторов-эвенгов, живущих в Якутии, достаточно известно творчество Евдокии Николаевны Боковой. Особенность ее лирики ярко раскрыл ее первый сборник «Энин икэн» (Песня матери) (1990). Ее стихотворениям свойственны мелодичность, напевность, характерные для творческой натуры Евдокии Боковой. Одна из активных представительниц своего народа – Белолюбская Варвара Григорьевна-Варвара Аркук – педагог, поэтесса, общественный деятель. Она известна в современной эвенской литературе как детская поэтесса. Первый сборник В. Аркук «Нөчэ нөчэну» (Солнечный мой цветок) был издан 1991 году. Произведения, адресованные детям, светлые, жизнерадостные. Лейтмотивом ее поэтического творчества является мотив солнца [1].

В данной работе мы остановимся на следующие формы сравнения:

1. Полные, состоящие из трех элементов:

а) субъекта сравнения, т.е. предмета, который сравнивается с чем-нибудь, например:

- в творчестве Н. Тарабукина - *Би, умта, урэчин, / Хак бисив-э* – я словно яйцо был замкнутым,
- в творчестве В. Лебедева - *иңэньси төрэну, мунрукас хулраду дэсчиддэн* – мой северный край, укутанный в заячье одеяло, *балданңаву төрэму биракчаңчин эенни* – звук родного языка, как журчание ручейка, *хусигчин дэггөчэс төгэчир өгилэ* – облака, как лебеди, высоко летят, *нямалрала кукатаңчин хонңачан тогаттан* – олененок рукавицей лежит, на солнце греется.
- в творчестве П. Ламутского - *хупкучэку тэгэлэ / Флагчанди ңаттимдас* – вдалеке моя школа, / словно флаг видна
- в творчестве А. Кривошапкина - *Аңадя энкэңчин / Хину эннирэм* – будто осиротевший олененок, / зову тебя
- в творчестве В. Аркук –

Өмнэтил, өмнэтил дэгэнрэ

Гилталри дэтлэтэн нянинни

Нодамри майтаңчин эдэмрэн

Чайки, чайки летают,

Белеющие на голубом небе их крылья

Как будто красивый платочек на ветру

б) объекта сравнения, т.е. предмета, служащего для сравнения, например:

· в творчестве Н. Тарабукина, поэт при описании первого полета, планер сравнивает с грозой

Төгэчин-э дяпкалин

Агдыкаңчин күрэргэңчин дэггөттэн

Сквозь облако

Пролетает как гроза (о планере)

· в творчестве П. Ламутского

Небати палатка дон

Нёлтэн нэримэн умайран.

Хупкучивчэ бэй тачин

Бэкэччөн хами нэрилрэн.

В белой палатке

Солнечный свет проник

Также тот, кто учится

Светлеет от знаний

· в творчестве В. Лебедева *нулгэдды бэйгэчин хумбупки дэсчин-э урэкчэр хэетэн* – бесконечных хребтов караван растянулся в нелегкой дороге.

в) основания для сравнения (общий признак сравниваемых предметов). В творчестве эвенских поэтов эта категория сравнений создается при помощи союзных слов *урэччин* (как, словно), *урэмэкэн*, *некригчин*, *таргачин*. (также);

· в творчестве Н.Тарабукина

Ясалкаман чукачан ясаллон

Некригчин нодымрам.

Харамтан –

Хуланя мэңэн урэчин,

Мэргэкэнни –

Бави инэци урэткэнни.

Её глаза как глазки птички

Красивые

Её ресницы -

Словно золотые

Её мысли –

Светлые как ясный день.

· в творчестве П.Ламутского в стихотворении «Ильич знамян хэрдэлин»

Нэлкэ нэрин,

Нечэ ханьин,

Таргичин да ханидяндап

Окат хайналан,

Урэкчэн бэлгэлэн

Мэн бугаңгар –

Балдадаңнар.

Весна светла

Цветок прекрасен

И вот также мы любимся

Возле речки

У горы

Своим краем родным

· В творчестве В. Лебедева Например: булату давсари некригчин - как будто взмахивает платок, боларал эбдэнрэ урэччин - как осенний лист, герси нечэ урэмэкэн - словно цветущий цветок, таргачин гусэкрэм (также), Ицэнь төр бэиндин хи мэни гэрбутми калрит кадар урэмэкэн маң били –если ты называешь себя северянином , то будь, как крутая скала стойким; Упэву икэтлэн долбарап хигила, кадар-ул дяпкалан ултавки урэччин, тэгэнук – тэгэнук дэлникэн эмэсчир - песни моей бабушки далеко-далеко раздается словно эхо среди скал; Индигир намтаки эенни / Таргачин гусэкрэм хинтэки – индигир плывёт к морю, также и я к тебе приду.

2. Слитные формы сравнений, в которых отсутствуют сравнительные союзные слова. В произведениях Лебедева они выражаются суффиксами – -ңач, чин, -гчин. Например:

· в творчестве Н.Тарабукина - Чачаскаң**чин** небаңакан /Гиркаллотта. Чэлэн төр-э, - как песец беленький / шествует вся земля северная, асаткар нюритэн / хайталда**гчин** эдэмрэ – волосы девушек, как сухая трава на ветру

*Сестрал эммоттэ хяликилдаг**чин***

Небатич оич тэттидюр

Небалканни ивэттэ.

Медсестры словно куропатки

Одетые в белую одежду

Белеющие входят

· в творчестве П. Ламутского,

Хинмач исули, хутчэму,

Хину стадола хөрүмчу

*Тала орңа**чин** исудас*

Быстрее подрастай мой сынок

Хочу увезти тебя в стадо,

Чтобы ты рос как оленёнок

· в творчестве В. Лебедева - аяврий төрэмэн нэрин гарпун**нач**, бадирач хилэсэч би дукчим – о своем родном языке я напишу светлым как солнечные лучи; балданңаву төрэму биракчаң**чин** эенни – мой родной язык как журчание ручейка; тарав удю,/ бинив удян,/ нөкикэң**чин**/ нунэңчин, / мавуткаң**чин** / Хумбуңчин – эта дорога – дорога жизни, прямая как стрела, тянется чередой, как аркан; Оран-дамар окаттак / Этэргэң**чин** куняддан – олень-то в реку, как муравей побежал; Мин мявму хуңэлэн / Нэлкэрэп мөдэг**чин** оңкэлбэн – кровь сердца моего / весенним половодьем льется.

· в творчестве А. Кривошапкина

Эени игэс улдадяндан,

Нун окатла истала

*Энкэчэң**чин** хурканадли*

Твое течение звенящее

Вдоль больших рек

Словно оленёнок

*Би дэгсэм чукичаң**чин***

Балданңа буги өйдэлин

Я летаю как птичка

Над своим родным краем

Чулбаңчирил хякитал

*Асаткаң**чин** ханичал*

Зеленеющие деревья

Как девушки стоят

· в лирике Аркук, главной темой стихотворения «Эсэм бэйчир мунрукам» стала любовь к природе, к бережному отношению к ней, причем любви разумной. Автор словно рассказывает об охоте на зайцев. Поэт сравнивает зайчишку с ребенком: *куңақаңчин хоңалран* - словно ребенок заплакал. Или,

Невтэ, оир чаиңур

Дялньюми коладьми

Урэкчэңчин хо хинэм

Одымдас бивэттэм

Когда я пью чай с Оир травой из родника

Со своими сородичами

Словно горная сила

Прибавляется во мне

3. Соотносительные формы сравнений. В картинах, рисующих природу, поэт часто использует сопоставления: а) однородные – сравнения природных явлений с другими природными явлениями; б) разнообразные проекции состояний природного мира в человеческий, и наоборот. Например:

· в творчестве Н. Тарабукина

Хатарсидук долбанидук,

Нёбати чивкачан одыди,

Нерэм-э

Из темной ночи

Подобно белой птичке

Вылетаю

· в творчестве В. Лебедева - *Урэкчэндук биракчан, хонңачаңчин хусканникан, хэссэкичэкэн хукэлкэттэ* – ручеек с большой горы олененком – прыг, прыг да скок; *төгсэл, ху, хусигчин дэггэчэс тэгэн өгили* – облака, вы, словно лебеди, летите на просторе; *уюн бягу чөптэрэ иңэньси төрэнү мунрукас хулраду дэсчиддэн* – на протяжении девяти месяцев мой северный край покрыт заячьим одеянием; *тар кадар химңэндун чачаскан букчэңчин* – снег на скале, словно песок; *нөлтэндук цэлэлми чачасами хулрай төр упэ даяттан* – бабушка – земля, остерегаясь от солнца, укрылась песцовым одеялом. С традиционным укладом эвенов-кочевников связаны сравнения опечаленных стариков с оленем, которые пасутся в вечернее время:

Этикэр тэгэттэ амкачан хээдун, Как старые седые уямканы

Набучин орэңчин элгэлин бадатта Стоят на скалах, глядя на закат

Хисэрэп оңкадды орңачин Так, старики, покуривая трубки,

Хинян-нюн одыдюр тэгэттэ Сидят под вечер около домов.

Для поэта преданье народа – тоже белый олень. Поэт сравнивает устное народное творчество своего народа с белым оленем, который является для эвенков священным.

Өтэл долдатлай укчэнэку

Тиэкэрлэн мудан дьооңчирам:

Нуунмин тоорэнни дукамңаду

Һэвэк оран урэмэкэн!

Легенду, что слышал я в давние годы,

Мне не забыть и в последний день:

Ведь для поэта преданье народа-

Тоже белый олень!

Сопоставление природных явлений с миром человека: *Болар хатар хисэчин, ялраня тэтии тэттиди, хякитал хэгтэтэн илчачагчин илчаптан* - осенним вечером, одетые в черное одеяние, листья деревьев, словно сплелись между собой.

· в поэзии Евдокии Боковой произведения изобилуют сравнениями. Автор нежно сравнивает снежный покров с белоснежным, мягким, теплым одеялом, а природа засыпает, предвкушая во сне будущее весеннее пробуждение: *хо нодач* – очень красивая, *тэмбутич*- мягкая, *нямисич* -теплая, *гилтаня*- белоснежная, *хулрач*. Снеговая музыка слышится в стихотворениях «Бугу ханиснан», «Тугэр бадикар», «Нумчэ бисэп иңэньду» («Привыкли к морозу»).

Обратимся к стихотворению «Тугэр бадикар»:

Урэкчэн чидадукун

Тугэрэп нөлтэңдэйт

Хутаңыйа элрыкми

Мэрыңыйэ эңэнни.

Картину зимнего утра автор изображает с помощью сравнений: *хутаңыйа элрыкми мэрэңыйэ эңэнни* - с красными, круглыми щеками выглянуло солнышко [Женская лирика].

Сравнения являются одним из значимых тропов поэтического творчества эвенских поэтов. Для его поэзии свойственны полные, слитные и соотносительные формы. Одним из наиболее применяемых изобразительных средств, становятся природа и её явления как объект сравнения с человеком и окружающим миром. Поэты в произведениях нанизывает в строки особые «авторские» сравнения, составляющие одну из особенностей индивидуального стиля.

Итак, с помощью такого рода изобразительных средств языка, поэтами не только создаются сравнения различного типа, но и в рамках любого типа передаются те или

иные нюансы значения слова.

Библиография

1. Винокурова, А.А. История развития эвенской литературы // Языки коренных малочисленных народов как фактор устойчивого развития Арктики. Якутск, 2019. С. 152-156.
2. Винокурова, А.А. Художественное наследие Платона Ламутского // Языки и литература народов Северо-Востока: современное состояние и перспективы развития. Якутск: Сахаада, 2022. С. 6-11.
3. Иванюк, Б.П. Поэтическая речь : словарь терминов. 2-е издание. М.: Флинта: Наука, 2008.
4. Огорокова, В.Б. Семенова, В.Г. Национальное своеобразие тематики произведений А. Кривошапкина / Филологические наук. Вопросы теории и практики. 2021. Том 14. Выпуск 2. С. 322-327.
5. Романова, Г.И. Практика анализа литературного произведения (Русская классика). М.: Флинта: Наука. 2005.
6. Хализев, В.Е. Теория литературы. М.: Издательский центр "Академия", 2009.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Система сравнений в творчестве эвенских поэтов», предлагаемая к публикации в журнале «Филология: научные исследования», несомненно, является актуальной, ввиду важности изучения языков народов Российской Федерации, творчества национальных писателей малых народов нашей страны. С учетом отдаленности данного региона от федерального центра, а также этнокультурного ландшафта данного региона, включающий этно- и лингвокультуры долган, эвенков, эвенов, нганасан, энцев, ненцев, характеризуется влиянием длительных этнокультурных контактов на развитие языков и культуры коренного населения, данная тематика является актуальной для филологии.

Кроме того, автор обращается к изучению одной из богатых направлений стилистики, а именно сравнения как образного художественного средства, зачастую характеризующего авторский стиль.

В данной статье рассматривается сравнение в эвенской поэзии на материале художественных текстов Николая Тарабукина, Платона Ламутского, Василия Лебедева, Андрея Кривошапкина, женская лирика Евдокии Боковой и Варвары Аркук.

Автором применялся междисциплинарный подход, используются как методы собственно языкознания, так и общенаучные методы анализа. Отметим наличие сравнительно небольшого количества исследований по данной тематике в отечественном языкознании. Статья является новаторской, одной из первых в российской лингвистике, посвященной исследованию подобной тематики. Автор иллюстрирует теоретический материал языковыми примерами.

Структурно отметим, что данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, упоминание основных исследователей данной тематики, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений,

исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. К недостаткам можно отнести отсутствие четко поставленных задач в вводной части, неясность методологии и хода исследования.

Библиография статьи насчитывает 6 источников, среди которых представлены труды исключительно на русском языке. Отсутствие зарубежных публикаций искусственно ограничивает представленную работу. К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации.

В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по теории литературы и практикума по языкам народов России. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Система сравнений в творчестве эвенских поэтов» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Латыпова Ю.А., Воробьева О.В., Абсаямова Л.Ф. — Интерпретация концепта сквозь призму квантовой теории // Филология: научные исследования. – 2023. – № 12. – С. 80 - 87. DOI: 10.7256/2454-0749.2023.12.69446
EDN: AQFAPW URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69446

Интерпретация концепта сквозь призму квантовой теории

Латыпова Юлия Альфритовна

ORCID: 0000-0002-5327-2726

старший преподаватель, кафедра Иностранных языков гуманитарных факультетов, Уфимский университет науки и технологии

450076, Россия, республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32, ауд. 338

✉ dzhulija.latipova@yandex.ru

Воробьева Ольга Владимировна

кандидат филологических наук

старший преподаватель, кафедра Иностранных языков гуманитарных факультетов, Уфимский университет науки и технологии

450076, Россия, республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32, оф. 338

✉ Olga_Vorob2@mail.ru

Абсаямова Лилия Фаритовна

ORCID: 0000-0003-1191-9920

доцент, кафедра педагогики и психологии, Сибайский институт (филиал) Уфимский университет науки и технологии

453833, Россия, республика Башкортостан, г. Сибай, ул. Белова, 21

✉ absalyam80@mail.ru

[Статья из рубрики "Интерпретация"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2023.12.69446

EDN:

AQFAPW

Дата направления статьи в редакцию:

22-12-2023

Дата публикации:

29-12-2023

Аннотация: Изменения в сфере квантовой теории происходящие в современной науке коснулись и лингвистики. Квантовая механика одно из главных достижений прошлого столетия. Объектом исследования квантовой теории является минимальная, неделимая частица – квант. Выяснилась функциональная схожесть квантов и языковых единиц, что позволяет перенести модели исследования из квантовой механики в сферу когнитивной лингвистики. Квантово-когнитивный подход расширяет взгляд на природу концепта, позволяет выявить его квантовые свойства и рассматривать его динамику как квантововолновой процесс. В статье предметом исследования является концепт, его динамика как изменение состояний концепта и его взаимодействие в различных сочетаниях. В работе уделяется внимание таким феноменам как квантовая запутанность, квантовая нелокальность, измерение, контекстуальность. Моделирование в квантово-когнитивном аспекте предполагает рассмотрение изменения состояния концепта под влиянием контекста. Состояние концепта через призму квантовой механики, рассматривается как волновая функция изменяющаяся под влиянием контекста. Для применения общих методологических подходов к описанию обоих феноменов, сфокусируемся на таких явлениях как «квантовая неопределенность» и «квантовая запутанность». В статье ведется исследование концепта сквозь призму квантовой теории. Объектом изучения статьи является концепт как квантовое нематериальное когнитивное образование, существующее в человеческом сознании. Изучение концепта базируется на синтезе принципов двух научных направлений: квантовая механика и когнитивная лингвистика. Материалом для исследования послужили отобранные методом сплошной выборки научные публикации и статья по теме «Квантовая физика», «Квантовая механика», «Квантовая физика», «Когнитивной лингвистики». Теоретической базой исследования послужили работы, посвященные квантовой механике и квантовой лингвистике: Э. Шредингер, В. Гейзенберг, М. Борн, Луи де Бройль, П. Дирак, В. Паули, Э. Резерфорд, Цветкова А.А., Евстафьева М.А., Латыпов Р.А., Комиссарова Г. Н., Майорова О. А. Берестнев Г.И., Дронова А.Л., Сироткина Л.С. и др. Практическая значимость проведенной работы заключается в применении материалов исследования при изучении спецкурсов по квантовой лингвистике.

Ключевые слова:

к в а н т, к о н ц е п т, квантовая механика, когнитивная лингвистика, квантовая неопределенность, квантовая суперпозиция, квантовая запутанность, квантовая нелокальность, измерение, актуализация

1. Введение

Современная наука стоит на пороге квантовой революции. Квантовая теория впервые появляется внутри физики в начале XX века и связана с такими учеными как Э. Шредингер, М. Борн, В. Гейзенберг, Луи де Бройль, В. Паули, П. Дирак и др. Квантовая физика появляется в тот момент, когда классическая физика не может отвечать на возникающие вопросы. Классическая физика оказывается в тупике при попытке объяснить микроскопические явления: *волновая функция, когерентность, квантовая запутанность и др.*

Квантовая теория меняет классическое представление о мире и привносит

многочисленные изменения в восприятии окружающей действительности. Квантовая механика открывает новый взгляд на окружающий мир и реальность. Теоретические положения квантовой физики переносятся на другие научные дисциплины, появляются «квантовая химия», «квантовая психология», «квантовая биология», «квантовая когнитивистика» и др. Тенденция сближения научных дисциплин связана с идеей о том, что объект исследования не существует сам по себе, а связан с другими областями знания. Со временем возникает вопрос о возможности применить квантовой теории к исследованию языка [\[1\]](#).

В последние десятилетия лингвистика претерпевает кардинальные парадигмальные изменения. Язык перестает быть непосредственным объектом исследования, он становится инструментом познавательных способностей человека, сблизившись с нейронаукой и психологией. В результате возникают междисциплинарные направления когнитивная лингвистика и психолингвистика. Однако наука не стоит на месте квантовая парадигма активно проникает в лингвистику. В лингвистике можно встретить немало трудов, посвященных квантовой теории: Цветкова А.А., Евстафьева М.А., Латыпов Р.А., Комиссарова Г. Н., Майорова О. А. и др.

3. Обсуждение

Квантовая механика - парадоксальное научное направление, которая открывает совсем иную, противоречащую законам логики реальность. Данная научная дисциплина изучает поведение частиц микроуровня, где перестают действовать правила классической физики и заменяются квантовыми законами. Квантовая физика разрабатывает математический аппарат для изучения состояния и поведения квантовых микрочастиц, но не может объяснить причину их поведения [\[2, 3\]](#).

Квантовая теория используется для моделирования когнитивных феноменов: концепт, сознание, мышление и т.д. В результате сотрудничества гуманитарных и естественных наук появляется новая междисциплинарная область исследования - *квантовая когнитивистика*. Объект исследования квантовой когнитивистики – *концепт*. В когнитивной лингвистике посвящено немало трудов исследованию концепта, который определяется как минимальная, неделимая единица сознания («квант знания» (Е.С.Кубрякова), «дискретное ментальное образование» (З.Д. Попова, И.А. Стернин), «квант сознания» (В.И.Карасик)), взаимодействующая со знаниями и опытом человека, а также с внешним миром. Единицей исследования квантовой механики является элементарная неделимая частица – *квант* [\[3\]](#).

Кванты и концепты имеют функциональное сходство: 1) дуальная корпускулярно-волновая природа; 2) динамичность в пространственно-временном континууме; 3) регистрация посредством прямого физического взаимодействия с наблюдателем. Концепт как когнитивная (нематериальная) структура сложна для наблюдения, может рассматриваться как волновая функция. Для применения общих методологических подходов к описанию обоих феноменов, сфокусируемся на таких явлениях как «квантовая запутанность и нелокальность», «измерение и контекстуальность» [\[4\]](#).

Квантовая нелокальность и запутанность

Согласно классической физике, энергетическое взаимодействие объекта возможно только с локальным окружением в одной области пространства. Согласно теории относительности Эйнштейна: мгновенное взаимодействие между частицами, которые находятся в разных физических системах невозможно, поскольку не существует скорости

больше скорости света. В ходе ряда экспериментов было выявлено, что коррелирующие частицы могут оставаться в противофазе даже при смене фазовых характеристик одного из них. Пару фотонов, находящихся в запутанном состоянии, способны реагировать друг на друга. При изменении спина одного из них на положительный, спиральность второй мгновенно поменяется на отрицательный. Взаимозависимость между квантовыми частицами остается, даже если они разнесены за пространственное взаимодействие [2, 5]. Квантовые микрочастицы находятся в *состоянии нелокальности*.

В ходе измерения одной из частиц происходит мгновенная реакция второй, связанной с ней частицы. В данной ситуации вторая частица получает не физический (энергетический), а информационный сигнал об изменении состояния от своего квантово-запутанного партнера, и тут же реагирует своим физическим изменением состояния независимо от расстояния. Взаимодействие между разными физическими системами происходит не на энергетическом, а на информационно-феноменальном уровне бытия. В тот момент, когда квантовый объект находится в состоянии «покоя» (до измерения), он не локализуется в пространстве и не обладает энергией. С одной стороны объект находится везде, с другой стороны – нигде. Квантовый объект не обладает ни одним из свойств (находится в состоянии неопределенности), и при этом сосредотачивает в себе все возможные состояния одновременно [6, 7].

Квантовая запутанность или коммуникация возникает между коррелирующими частицами, которые объединены одним квантовым состоянием. Если квантовые частицы когда-либо взаимодействовали друг с другом, они сохранили информацию друг о друге и способны «чувствовать» изменения. Некоторые частицы «рождаются» в паре (например, при распадении фотона на две части), другие же сталкиваясь друг с другом устанавливают взаимодействие, а третьи просто близко проходят мимо, отражаясь друг в друге (запечатлевают изображение внутренней структуры другого объекта достаточно подробно), образуют квантовую запутанность.

Квантовая частица до взаимодействия с окружающим миром демонстрирует замкнутость в себе (целостность и неразделимость) и проявляет парадоксальную *суперпозицию возможных состояний*, т.е. нахождение везде и во всех возможных состояниях одновременно. Подобное *чистое* (когерентное) состояние квантовой частицы описывается через волновую функцию (векторное состояние) или суперпозицию волновых функций (интерференцию волн). Волновую функцию можно сравнить с расходящимися кругами на поверхности воды, если туда бросить камень, то волна распространяется одновременно повсюду, а взаимопереходящие друг в друга волны образно иллюстрируют квантовую *запутанность* [8, 9].

Концептуальные значения пересекаются, накладываются друг на друга благодаря общности семантики. Например, основное значение лексемы «змея» — это «животное, пресмыкающееся». Все концептуальные значения рассматриваемой лексемы коррелируют между собой, отражая разные грани одного понятия: «характеристика» (ядовитая змея), «часть тела» (жало змеи), «отношение к ней других субъектов» (бояться змеи) и др. Все эти логически связанные концептуальные значения одновременно сосуществуют и сходятся в одном неопределенном (размытом) смысле: «пресмыкающееся с длинным покрытым чешуёй и извивающимся при движении телом, без ног, часто с ядовитыми зубами»

В контексте концепт «змея» каждый раз актуализируется в разном «окружении», реализуя только один из своих признаков: 1) «А какие змеи здесь водятся?» (место

обитания змеи); 2) «*Хищная птица охотилась на змею*» (змея - жертва); 3) «*Согласно примете змея приносит благую весть для всех обитателей дома*» (змея – это благо); 4) «*При встрече с человеком змея, как правило, пытается скрыться, но при угрозе занимает активную оборону: шипит, совершает угрожающие броски*» (защитная реакция змеи) и др.

Все эти квантовые состояния концепта неотделимы друг от друга (также как невозможно изъять свойства самого объекта (змеи) из реального мира). Концепт, таким образом, существует как совокупность «готовых» когнитивных моделей, схем, сценариев, которые в разных комбинациях и сочетаниях объективируются в текстах и дискурсах. Концепт уже содержит в себе все возможные потенциальные значения: «змея извивается», «змея выползает», «змея жалит», «змея нападает» и т.д., что делает пути его развития в дискурсе прогнозируемым. В структуре концепта «змея», также встречаются общеизвестные образные выражения, такие как: «вести себя как змея» (быть коварным), «пригреть змею на груди» (проявить неблагодарность) и т.д.

Концепт, таким образом, до реализации в контексте находится в неопределенном квантовом состоянии, существуя в сознании в виде квантового «эмбриона», «ростка», «первообраза», «первосмысла» и попадая в определенные условия способно «прорасти и словом, и делом». В контексте концепт «включается» в определенное событие и определенные отношения с субъектами и объектами, разворачивается в определенном месте и времени [\[10\]](#).

Измерение и контекстуальность

В тот момент, когда квантовая система вступает во взаимодействие с другой квантовой системой (декогерирует), то обе системы трансформируются в *смешанное состояние* (путем сложение двух квантовых суперпозиций). Редукция волновой функции при взаимодействии двух когерентных замкнутых систем приводит к их переходу из неопределенного (квантового) аспекта бытия в определенный (классический). С появлением наблюдателя, который регистрирует показания измерительного прибора, система меняет квантовый модус бытия на классический. Сознание субъекта элиминирует (разрушает) суперпозицию (сумму) вероятностных состояний и выделяет конкретное значение. Смешанное состояние (композиция чистых состояний) описывается уже не вектором состояния, а матрицей плотности. [\[11\]](#)

Концепт изменяет свое состояние (модифицируется из потенциального состояния в реальное) под воздействием окружающей среды. Под *актуализацией* концепта понимается его «осуществление; переход из состояния возможности в состояние действительности». Языковое оформление есть вербализация концепта в различных текстах и дискурсах. При соприкосновении с контекстом, концепт трансформируется из квантового (чистого) состояния в актуализированное состояние. При взаимодействии нескольких ментальных сущностей в контексте получаем *смешанный концепт*, т.е. новый, сотворенный. Полученный концепт является сочетанием двух ментальных сущностей.

Рассмотрим слияние концептов на таком примере: «*в зеркалах поплясали огненные змеи*». В данном контексте актуализируется описанный нами выше концепт «змея», который демонстрирует в данном случае *нелокальные свойства*. В контексте смешиваются концепты, принадлежащие разным несоприкасающимся концептуальным пространствам: зеркало («предмет, с гладкой поверхностью, предназначенный для отражения находящихся перед ним объектов») и змея («пресмыкающееся с длинным извивающимся телом, без ног»). В результате запутывания разнородных концептов

получаем новый смысл «отражение в зеркале». «Контекстуальное взаимодействие может привести к тому, что те сущности, которые выступают контекстами друг для друга, оказывают столь сильное взаимное влияние, что результатом их интеракции является, соответственно, возникновение новой эмерджентной сущности, которая обладает свойствами, отличными от свойств взаимодействующих сущностей» [\[12, 13\]](#).

Таким образом, концепт под влиянием контекста может устанавливать квантовую запутанность с любым лексическим и семантическим квантом. Это связано со способностью мозга устанавливать бесконечное число ассоциативных связей между неродственными концептами. Свидетельством этого являются такие феномены как метафора, метонимия, конверсия и другие явления, имеющие непрямую семантику [\[14\]](#).

3. Заключение

Квантовая теория может применяться не только в физике, но и в других областях научного знания, например в психологии и когнитивной науке. Человеческое сознание демонстрирует квантоподобные свойства и недоступно непосредственному наблюдению. Ментальные сущности могут изучаться посредством наложения на них не только философских, но и математических моделей, заимствованных из квантовой механики.

На основе исследований, проведенных в статье, можем отметить, что концепт обладает следующими квантовыми характеристиками: 1) состояние суперпозиции (неопределенности, потенциальности, несепарабельности); 2) состояние актуализации (воплощение в тексте или дискурсе); 3) зависимость от контекста.

Библиография

1. Цветкова А.А., Евстафьева М.А. Языкознание в аспекте квантовой теории // Филологические науки. Гуманитарный научный вестник. № 2. 2020. С. 109-127.
2. Свойкин К. Б. Принцип квантовой неопределенности в языке и речи (к постановке вопроса) // Иностранные языки в диалоге культур: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. (с междунар. участием), 30 нояб. – 2 дек. 2017 г. [Электронный ресурс] / отв. ред. И. В. Коровина. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2018. С. 266-272.
3. Латыпова Ю.А., Сподарец О.О., Воробьева О.В. Концепт в когнитивно-синергетическом аспекте // Филология: научные исследования. 2022. № 12. С. 11-20.
4. Латыпов Р. А., Комиссарова Г. Н. Об исследовании концептов как квантовых сущностей // Филологические науки. Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота, 2013. № 3 (21): в 2-х ч. Ч. I. С. 99-104.
5. Латыпов Р. А. О моделировании динамики изменений состояний концептов как квантовых сущностей // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 5 (47): в 2-х ч. Ч. II. С. 97-102.
6. Берестнев Г.И., Дронова А.Л., Сироткина Л.С. Когнитивная метафора в зеркале квантовой теории//Филологические науки. Гуманитарный научный вестник. 2020. №11. С. 78-87.
7. Некипелова И.М. Природа синонимии: нейтрализация семантических различий, взаимозаменяемость и зоны семантических вибраций // Современные исследования социальных проблем. Том 14, № 4. 2022. С. 96-116.
8. Эрекаев В.Д. «Запутанные» состояния: (философские аспекты квантовой механики): АО/РАН. ИНИОН. Отд. Философии; Отв. ред. Панченко А.И. – М., 2003. – 80 с.

9. Майорова О. А. Некоторые онтологические аспекты концептуальных состояний в междисциплинарной холистической парадигме // Филологические науки. Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота, 2016. № 2(56): в 2-х ч. Ч. 1. С. 133-136.
10. Гришина О.В. Квантовая теория и восточная философия о принципиальном единстве вселенной // Международный научный журнал «Инновационная наука» №6. 2015. С. 10-13.
11. Черепанов И.В. Сознание и коллапс волновой функции // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 66. С. 27-37
12. Самарин А. Ю. Нелокальное преобразование волновой функции квантовой частицы как отражение трансформации внутренней структуры распределенного в пространстве объекта // Вестн. Сам. гос. техн. ун-та. Сер. Физ.-мат. науки. 2016. Т. 20, № 3. С. 423-456.
13. Эрекаев В.Д. Современная философия и квантовая физика: АО / РАН. ИНИОН. Отд. философии. Отв. ред. Панченко А.И. М., 2007. 110 с.
14. Гриб А.А. Квантовый индетерминизм и свобода воли//Онтология науки. Том № 14. 2009. С. 5-24.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Интерпретация концепта сквозь призму квантовой теории», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду обращения автора к изучению тех сдвигов в научном мире, которым мы являемся современниками.

Так, в последние десятилетие лингвистика претерпевает кардинальные парадигмальные изменения. Язык перестает быть непосредственным объектом исследования, он становится инструментом познавательных способностей человека, сблизившись с нейронаукой и психологией. В настоящее время появляется все больше междисциплинарных исследований, что косвенно отражено в изменившейся номенклатуре научных специальностей.

В исследовании автор обращается к новому направлению в лингвистике, получившемуся в результате синтеза гуманитарных и естественных наук - квантовой когнитивистики.

С учетом интереса к изучению теории концепта в целом, работа является актуальной и призвана восполнить те лакуны, которые имеются. Статья является новаторской, одной из первых в российской лингвистике, посвященной исследованию подобной проблематики. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы, как общенаучным, так и собственно лингвистическим.

К сожалению, в работе не указан языковой корпус исследования, а также принципы выборки иллюстративного материала.

Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные

автором. Отметим, что заключение требует усиления, оно не отражает в полной мере задачи, поставленные автором и не содержит перспективы дальнейшего исследования в русле заявленной проблематики. Библиография статьи насчитывает 14 источников, среди которых представлены работы исключительно на русском языке. Считаем, что обращение в том числе к зарубежным источникам, несомненно, обогатило бы работу.

К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы отечественных исследователей, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации. Технически при оформлении библиографического списка нарушены общепринятые требования ГОСТа, а именно несоблюдение алфавитного принципа оформления источников. Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по концептологии и теории языка, а также курсов по междисциплинарным исследованиям, посвящённым связи языка и общества. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Интерпретация концепта сквозь призму квантовой теории» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Каменева Н.А. — Коммунальный перевод и специфика подготовки переводчиков в социальной и правовой сфере // Филология: научные исследования. — 2023. — № 12. — С. 88 - 95. DOI: 10.7256/2454-0749.2023.12.69112
EDN: RGELLU URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69112

Коммунальный перевод и специфика подготовки переводчиков в социальной и правовой сфере

Каменева Наталья Александровна

ORCID: 0000-0002-4768-6383

кандидат экономических наук

доцент кафедры «Иностранные языки и речевая коммуникация», АНО ВО «Московский международный университет»; доцент кафедры «Философия, история и межкультурные коммуникации, Московский технический университет связи и информатики (МТУСИ)

115191, Россия, Москва область, г. Москва, ул. Серпуховский Вал, 17, оф. г Москва, ул Серпуховский Вал, д 17 к 1

✉ n-kameneva@yandex.ru

[Статья из рубрики "Перевод"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2023.12.69112

EDN:

RGELLU

Дата направления статьи в редакцию:

26-11-2023

Дата публикации:

31-12-2023

Аннотация: Статья посвящена актуальным вопросам осуществления устного перевода в социальной, правовой и медицинской сферах деятельности. Данным вопросам не уделяется должного внимания в публицистической печати и научной литературе. Автором конкретизировано понятие коммунального перевода, области его применения, рассмотрены возможные виды данного перевода. Объектом исследования является перевод в области социальной сферы, правовых вопросов, медицинского обслуживания, взаимодействия с административными органами, называемый коммунальным переводом. Предметом исследования является анализ дискурсивных составляющих коммунального перевода на примере английского языка, способов осуществления данного перевода и

проблем подготовки коммунальных переводчиков в социальной и правовой областях. Переводчик становится непосредственным участником и посредником в процессе взаимодействия между различными сторонами, что требует от него повышенной ответственности за аутентичность (т.е. полноту, точность и адекватность) и качество перевода, которых невозможно достичь без мобилизации им всех своих знаний и навыков профессиональной деятельности. В статье были использованы методы сопоставления, анализа и обобщения результатов использования теории перевода в социальной сфере и опыта работы переводчиков. В статье отмечено также, что в настоящее время обучению коммунальных переводчиков не уделяется должного внимания. Новизна исследования заключается в выделении, анализе и обобщении особенностей коммунального перевода, а также в исследовании специфики коммунального перевода на современном этапе как необходимой составляющей коммуникативной среды современного жизни общества. Сделаны выводы: Отличительными чертами коммунального перевода являются его многоплановость, широкий охват различных аспектов жизнедеятельности, что приводит к использованию разнообразной терминологии, различных типов дискурсов и речевых стилей, наличию сленга, диалектов, аббревиатур разной тематики. Современная практика оказания лингвистической помощи в судебных процессах выявляет реальную необходимость подготовки судебных переводчиков и создания института судебных переводчиков. Переводчики, практикующие в различных областях бытовых, социальных и правовых вопросов, оказывают всестороннюю помощь мигрантам и беженцам, не являющихся носителями языка страны проживания. Специалист, осуществляющий данный вид перевода, должен наряду с языковыми и речевыми знаниями и навыками владеть социокультурной компетенцией.

Ключевые слова:

синхронный перевод, дискурс, терминология, аббревиатура, социокультурная компетенция, естественные переводчики, стиль речи, коммуникативную модель, последовательный перевод, аутентичность

Введение

В современной профессиональной и научной литературе удивительно мало внимания уделяется специфике работы переводчиков социальной сферы (защита прав граждан, получение образования, здравоохранение и пр.).

В силу разнообразных внешних обстоятельств, таких как природные катаклизмы, распространение бедности, нищеты, голода, безработицы и т.д., по всему миру увеличивается число мигрантов, беженцев и других перемещенных лиц, остро нуждающихся в услугах переводчиков такого рода [\[2, с.36\]](#). Таких специалистов часто называют "community interpreters" or "community translators" – «коммунальные переводчики».

Многочисленные образовательные учреждения по всему миру предлагают очные, индивидуальные и дистанционные курсы для обучения и подготовки сертифицированных переводчиков в области социальной сферы, правовых вопросов, медицинского обслуживания для помощи мигрантам и беженцам [\[4\]](#).

Не секрет, что одним из наиболее сложных и «закрытых» видов перевода является

перевод в различных сферах повседневной жизни для обеспечения социальных нужд граждан как родного, так и иностранных государств. Дискуссия по определению статуса коммунального перевода до сих пор не теряет своей актуальности [\[1, с.173\]](#). Наиболее востребованные области перевода в социальной, правовой, медицинской и административной сферах представлены в Таблице 1.

Таблица 1. Основные темы «коммунального» перевода

№	English	Russian
1	Immigration offices	«Офисы иммиграционной службы»
2	Refugee and resettlement organizations	«Организации по делам беженцев и переселению»
3	Lawyers offices, legal proceedings, civil rights complaints, and other legal settings	«Адвокатские конторы, судебные разбирательства, жалобы на нарушение гражданских прав и другие юридические вопросы»
4	Educational courses	«Образовательные курсы»
5	Job training programs	«Программы профессиональной подготовки и переподготовки»
6	Looking for a job, applying for a job, employment, business settings	Поиск работы, подача заявления о приеме на работу, трудоустройство, условия ведения бизнеса
7	Public housing and social providing and social services	Обеспечение социальным жильем, социальные услуги
8	Transportation problems	Вопросы переезда
9	Health care and hospitals	Здравоохранение и больницы

Для начала стоит определить, что подразумевается под термином «коммунальный перевод». Нужно отметить, что этот вопрос не является совершенно новым, а в самом обобщенном виде под термином «коммунальный перевод» обозначается устный перевод (синхронный, последовательный или, реже, в отдельных случаях письменный), целью которого является упрощение процесса взаимодействия между государственными служащими и частными лицами (не являющимися носителями государственного языка) в общественной сфере, в отделениях полиции, центрах социального обеспечения, учреждениях среднего и высшего профессионального образования и многочисленных медицинских организациях, помощь в обустройстве на новом месте.

Интересным также представляется количество используемых англоязычных терминов для обозначения этого вида перевода и его составляющих, принадлежащих различным тематическим дискурсам, которые даны в Таблице 2.

Таблица 2. Дискурсивные составляющие коммуникативного перевода

№	English	Russian
1	delegate interpreting	«делегированный устный перевод»
2	community interpreting	«коммунальный перевод»
3	community-based interpreting	«услуги устного перевода для некоммерческих организаций»
3	cultural interpreting	«перевод в контексте культуры»
4	dialogue interpreting	«диалоговый устный перевод»
5	public service interpreting	«устный перевод в государственных и»

		административных учреждениях»
6	legal and medical interpreting	«юридический и медицинский устный перевод»

При всей своей неоспоримой актуальности подготовка специалистов по данному направлению, «коммунальный» перевод не получает должной огласки, хотя известно, что работа переводчика в этой области требует колоссальных усилий и оказывает нагрузку как на психо-эмоциональное, так непосредственно на физическое состояние.

Таким образом, важную роль при рассмотрении вопроса о специализированной подготовке судебных и общественных переводчиков может играть формирование государственного реестра профессиональных переводчиков этих сфер, а также создание отдельного института судебного (коммунального) перевода, который бы осуществлял сертификацию и помогал в обеспечении соблюдения законных прав, предоставлял возможности для повышения квалификации

Сама процедура перевода может осуществляться в очной (персональной, индивидуальной), дистанционной (через компьютер, телефон), синхронной или последовательной форме. Наиболее популярный вид коммунального перевода по форме исполнения последовательный, однако, в ряде случаев может осуществляться и синхронный перевод («шушутаж»). Одной из главных особенностей «коммунального» перевода является то, что он представляет собой процесс передачи (девербализации и вербализации) конфиденциальной информации с одного языка на другой, целью осуществления которого выступает точная и безошибочная трансформация лексической единицы исходного языка на язык перевода, а также гарантия взаимопонимания и успешного сотрудничества сторон. Переводчиком должно неукоснительно соблюдаться положение об обеспечении охраны персональных данных подопечных. В Таблице 3 представлены возможные виды перевода.

Таблица 3. Виды перевода

face-to-face interpreting	«Персонализированное толкование мнения»	One of the ways to break down language barriers in situations where communication would contrarily not be possible. From court trail to business meetings and social events, face-to-face interpreting is crucial to get the right message from one language to another between speakers and audiences.
Simultaneous interpreting	«Синхронный перевод»	The interpreter is required to listen to the speakers or orators and to translate their message to the target audience, in real time, as they speak.
Consecutive interpreting	«Последовательный перевод»	Consecutive interpreting involves the speaker pausing at regular intervals (usually 1-5 minutes), allowing the interpreter to repeat what they say in the target language.

Whispered interpreting	«Шушутаж, перевод шепотом одному слушателю»	Whispered interpreting is basically the same as simultaneous interpreting, where the interpreter translates messages from the orator, as he is talking, to the only one listener. The translator is sitting next to the person, who needs to understand the speech, and in whisper he is translating the message into the ear of the listener.
Liaison interpreting	«Устный перевод беседы нескольких участников»	There is a need to translate an entire conversation between languages in casual events. With liaison interpreting, the interpreter will translate comments by every party involved in the conversation. The translation can be less accurate, because the interpreter does not take any written notes.
Relay interpreting	«Система синхронного перевода на международных форумах, конференциях, перевод на несколько языков»	Translating a single message to multiple audiences from different language backgrounds. The message will be passed on to a team of interpreters in the language spoken by all of them. Then, each team member translates the message into their own target language and relays them to each audience.

Грамотный и опытный переводчик определяет и создает свою коммуникативную модель переводимого диалога, беседы с подопечным, структуру текста, письменного документа, используя опущения, добавления, компенсации, экспликацию (описательный перевод) и другие переводческие методы, моделируя процесс и создавая процедуру передачи смысла документа, текста, диалога, полилога.

Участие переводчика в уголовном процессе продиктовано необходимостью соблюдения и реализации законных прав всех его участников согласно статье 15 (Язык уголовного производства) УПК РФ. Однако зачастую роль переводчика не имеющим соответствующую профессиональную подготовку (лингвистическое и/или юридическое образование) представителям различных этносов, этнических групп, билингвам, т.е. так называемым «естественным переводчикам» - "natural translators". Если носитель языка одного из участников судопроизводства способен на базовом уровне понимать и интерпретировать речь, произносимую в ходе судебного процесса, то данная практика не гарантирует этического соблюдения и реализации законных прав участников судопроизводства, поскольку возникает риск того, что переводчик не будет действовать независимо и непредвзято и даже может принять сторону одного из участников судебного процесса. Современная практика оказания лингвистической помощи в

судебных процессах выявляет реальную необходимость подготовки судебных переводчиков и создания института судебных переводчиков.

Опираясь на анализ международного опыта, стоит отметить различие в отношении к коммунальным переводчикам. Во многих странах уже учрежден институт судебных переводчиков, а деятельность бюро переводов подлежит обязательному государственному лицензированию. Институт сертификации устных судебных переводчиков учрежден в ряде США, Канаде, Австралии, Австрии и других государствах. Многие эксперты полагают, что для успешной работы в сфере коммунального перевода необходимо не только наличие высшего образования по специальности «Лингвистика» или «Перевод и переводоведение», но и получение дополнительной специализированной подготовки в виде курсов повышения квалификации по требуемым направлениям, чтобы в совершенстве владеть профессиональной лексикой, терминологией, аббревиатурой и пр. [3, с. 461] Переводчик поневоле становится своеобразным центром в ходе судебного заседания, что требует от него повышенной ответственности за аутентичность (т.е. полноту, точность и адекватность) и качество перевода, которое невозможно достичь без мобилизации им всех своих знаний и навыков профессиональной деятельности.

Заключение

В результате исследования сделаны выводы:

- Отличительной чертой коммунального перевода является его многоплановость, широкий охват различных аспектов жизнедеятельности, что приводит к использованию разнообразной терминологии, различных типов дискурсов и речевых стилей, наличию сленга, диалектов, аббревиатур разной тематики.
- В целом, тема коммунального перевода и перевода судебных заседаний в нашей стране не часто освещается в публикациях разного рода, и проблема создания специализированного института судебных, социальных и коммунальных переводчиков, создание реестра остается актуальной. Переводчики в областях различных бытовых и правовых вопросов оказывают всестороннюю помощь нуждающимся лицам, не являющимися носителями языка страны их проживания.
- Современная практика оказания лингвистической помощи в судебных процессах выявляет реальную необходимость подготовки судебных переводчиков и создания института судебных переводчиков. Переводчики в областях различных бытовых, социальных и правовых вопросов оказывают всестороннюю помощь мигрантам и беженцам, не являющихся носителями языка страны проживания.
- Специалист, осуществляющий данный вид перевода, должен владеть не только лингвистическими компетенциями, но и навыками и знаниями социокультурной компетенции, чтобы урегулировать вопросы предоставления правовой защиты, медицинских и социальных услуг, составлять судебные претензии и способствовать адаптации переселенцев и беженцев к жизни в новой стране.

Библиография

1. Нигель О.В., Сулейманова Г.А. Коммунальный перевод и перевод документации как объекты изучения будущих переводчиков. Сборнике: Реализация компетентностного подхода в системе профессионального образования педагога. Материалы V Всероссийской научно-практической конференции. 2018. с 172-174.

2. М.Б.Паренко. Языковая структура дискурса социальной гармонии. Аналитический обзор. М.: ИНИОН РАН, 2022. 64 с.
3. Худобина О.Ф., Ибаева А.И., Андреева Л.А. Коммунальный перевод: особенности интегрирования в коммуникативное пространство медицинского дискурса. Мир науки, культура, образования. 2023. №2 (99). с. 461-464.
4. Cross-Cutlural Communication, LLC URL: <https://www.thecommunityinterpreter.com> (Дата обращения 25.11.2023)

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Коммунальный перевод и специфика подготовки переводчиков в социальной и правовой сфере», предлагаемая к публикации в журнале «Филология: научные исследования», несомненно, является актуальной, ввиду рассмотрения особенностей профессионально ориентированного перевода в области социальной сферы.

Обращение автора к вопросам профессионального английского языка является важным не только для лингвистического исследования, но и методологического – в целях языковой профессиональной подготовки будущих специалистов. Исследование выполнено в русле лексикологии и теории перевода, опирается на теории отечественных научных школ. Статья является новаторской, одной из первых в российском языкознании, посвященной исследованию подобной тематики в 21 веке. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы.

Все теоретические измышления автора подкреплены практическим материалом на английском языке. К сожалению, автор не приводит точного описания объема отобранного для исследования корпуса и методов его обработки. В качестве методологии применены специфические методы лингвистического анализа, в том числе концептуальный анализ, семантический анализ и контент-анализ. Совокупность методов позволила систематизировать наработки предшественников и описать эмпирические данные. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонів научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что в вводной части слишком скудно представлен обзор разработанности проблематики в науке. Выводы, представленные автором, не отображают проведенной работы и не подводят итога исследования и его дальнейших перспектив.

Библиография статьи насчитывает всего 4 источника, среди которых теоретические работы как на русском, так и на английском языках. БОльшее количество ссылок на ссылки на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации, несомненно бы усилило теоретическую значимость работы. Технически при оформлении библиографического списка нарушены общепринятые требования ГОСТа, а именно несоблюдение алфавитного принципа оформления источников. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не

обнаружены. Высказанные замечания не являются существенными и не влияют на общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость определяется возможностью использовать представленные наработки в дальнейших тематических исследованиях. Результаты работы могут быть использованы в ходе преподавания теории и практике перевода на языковых факультетах, так и в практике подготовке по профессиональному языку на специальных курсах. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Коммунальный перевод и специфика подготовки переводчиков в социальной и правовой сфере» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Винокурова А.А., Ощепкова А.И. — Метафоричность лирики В. Лебедева // Филология: научные исследования. – 2023. – № 12. – С. 96 - 105. DOI: 10.7256/2454-0749.2023.12.69111 EDN: OLJGHY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69111

Метафоричность лирики В. Лебедева

Винокурова Антонина Афанасьевна

кандидат филологических наук

доцент кафедры "Северная филология" Института языков и культуры народов СВ РФ Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова

677000, Россия, республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Кулаковского, 42, оф. 225

✉ antonina-vinokurova@bk.ru

Ощепкова Анна Игоревна

кандидат филологических наук

доцент, кафедра русской литературы XX века и теории литературы, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова

677000, Россия, республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Кулаковского, 42, оф. 208

✉ oshchepkova.anna@mail.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2023.12.69111

EDN:

OLJGHY

Дата направления статьи в редакцию:

26-11-2023

Дата публикации:

31-12-2023

Аннотация: В статье рассматривается поэтика метафоры в лирике В. Лебедева, одного из основателей эвенской литературной традиции. Василий Дмитриевич Лебедев – собиратель эвенского фольклора, ученый-лингвист, который творчески переработал, адаптировал духовное наследие своего народа в современных поэтических формах, тем

самым вдохнул новую жизнь в эпическое и песенное устное творчество эвенов. Особенностью поэтического стиля В. Лебедева, как представителя младописьменной литературы, является ориентация на фольклорную поэтику. Именно метафоричность является характерной чертой индивидуальной манеры поэта. Метафоры в поэзии Лебедева имеют ряд особенностей: перенесение признаков внешнего мира на явления душевной жизни; фольклорный характер метафоры; метафоры, которые создают его неповторимый поэтический стиль; грамматическое построение метафоры, поэтический синтаксис текста. Методологической основой исследования являются отдельные положения работ А.Н. Веселовского, В.М. Жирмунского, В.Ф. Асмус, используемые в работе в качестве методологических ориентиров и посылок при конкретном текстуальном анализе. Методы исследования определяются характером текстового материала. Новизна обусловлена пониманием лирики эвенского поэта В. Лебедева как представителя младописьменных литератур. Художественно-изобразительные средства, используемые поэтом, открывают его как талантливое мастера слова и знатока родного эвенского языка. С одной стороны, поэтика его произведений формирует представление об индивидуальном стиле поэта. При этом Лебедев является продолжателем фольклорной поэтики, ориентируясь на формульный язык устной традиции. В этом контексте особую значимость приобретает метафоричность его стихотворных текстов. Рассмотрим отдельно метафоричность лебедевской лирики. Поэзия эвенского писателя отличается иносказательностью слова, которая нужна для сильного эмоционального воздействия, для создания визуального образа, яркого художественного впечатления. В поэзии Василия Лебедева нами выявлены наиболее интересные метафоры, которые создают его особый собственный авторский стиль.

Ключевые слова:

Лебедев, эвенская литература, поэтика, лирика, метафора, стихотворение, образ, фольклор, песня, поэтический стиль

В. Лебедев является одним из создателей эвенской литературной традиции. С самого начала творчества поэта в литературной критике формируется представления об его уникальном индивидуальном стиле, ориентированном на фольклорную поэтику. По мнению Н.Н. Тобурокова, одного из первых исследователей творчества эвенского поэта, именно метафоричность является характерной чертой поэтического стиля В. Лебедева: «эвенский поэтический мир характеризуется свойственным картине мира северных народов одушевлением окружающей природной среды и восприятием ее гармоничной красоты» [\[6:38\]](#).. Исходя из этого авторитетного мнения, представляется интересным рассмотреть поэтику метафоры в лирике В. Лебедева.

Аксиологический анализ произведений В. Лебедева выявляет приоритетные ценности в духовной картине мире эвенов. Главная ценность эвенской картины мира – гармония человека с окружающей средой: его поэзия полна характерных для северян национальных образов. В то же время В. Лебедев часто прибегает к характерной для младописьменной традиции метафоричности. По всей видимости, метафоричность – это особенность не только поэтического стиля в произведениях, но и мировоззрения В. Лебедева.

Лирика эвенского поэта выделяется аллегоричностью речи, которая нужна для чувственного восприятия картины мира, для создания окружающей среды, яркого поэтического ощущения. Лебедев использует для этого метафору, в которой наиболее

четко показано перенесение признаков внешнего мира на явления душевной жизни. Такой способ выражать душевные переживания явлениями внешнего мира подсказывается фольклорной поэтикой, которая, в свою очередь, основывается на образной природе эвенского языка. Если разобраться в этимологии слов, обозначающих душевные переживания в любом языке, то оказывается, что в основе их лежат обозначения явлений материального мира. Духовное, отвлеченное обозначается такими предметами, взятыми в переносном смысле. Даже слово «душа» восходит к слову «дыхание». То же можно сказать обо всех отвлеченных словах, обозначающих факты душевной жизни. Поэзия Лебедева полна образами слуховыми (*чивкачан икэн* - пение птиц, *биракчан ээнни* - журчание ручья, *упэ икэн* - песня бабушки, *ултавки* - эхо, хуги, *хунцэ* - ветер; пространственными *хигила* - тайга, *родной край* - буг и т. д.; образами движения *бинив удян* - дорога моей жизни, *дэггөчис* - полет птиц, образ облака, *Бугдиндя куняддан* - олень Бугдиндя скачет, *ат хэтнэч эрэгэр ээңчин* - река, без устали всегда течет, *дэтлэлкэн инэңил* - крылатые годы мои). Так,

- зрительный образ: *Нэлкэниңу төрү дассин/ Хуңэлэлкэм хогнавканни* - Весна заполонила землю/ Все живое зашевелилось;

- слуховой образ: *Хиги долан чивкачан/ Орэңчими, долдами* - Мой родной язык / Подобен веселому пению птички; *Чулбаня кунтэклэ эвэн хэден/ Улдан хин огас дяпкалан,/ Тогэми хин огус долчирам* - На зеленом лугу мне слышатся / Звуки хэде эвенов,/ Я слышу мелодию.

- образ движения: *Бадикар нелтэн эңэнни,/ Тирулэву набганни / Гарпунцади итиву даласнан / Тадук хөррэн, хирунни* - утром солнце взглянуло, к щекам прильнуло, лучом коснулась моего лица, затем тихонько уползла, ушла. Для раскрытия образа времени поэт использовал глаголы *эңэнни* - взглянул, *набганни* - прилипла, *даласнан* - дотронулся, *хөррэн* - ушел, *хирунни* - проскользнул.

Фольклорный характер метафоры можно обнаружить в стихотворении Лебедева, которая написана в жанре лирической песни. Например:

Умкэли би мявму нэлкэни

Иманрав умкэний некригчин.

Мин мявму таракам хөкэлдин

Төр ойлин бэкэтлин икэлдин [\[3\]](#)

Растопи моё сердце весна

Растопи как снег

Тогда моё сердце согреется

И запоёт на весь свет

А.Н.Веселовский отмечал, что основой лирической песни у всех народов служит сопоставление явлений природы с явлениями душевной жизни [\[2;315\]](#).

Есть метафоры и другого типа, в которых явления природы неодушевленного мира, в особенности явления природы, отождествляются по сходству с человеческой жизнью, с человеческими чувствами; элементы сходства могут основываться на внешнем виде природных явлений, на звуках, которые напоминают звуки человеческой речи, на

движении. Может идти речь об эмоциях, о переживаниях, о состояниях живого организма (сон, пробуждение, умирание, болезнь), которые приписываются в переносном смысле явлениям природы [\[2:316\]](#)

Урэкчэр,

Мину яв хөнтэдис,

Төгэми эрэгэр

Нулгэдес,

Дэггөчис... [\[5\]](#)

Горы,

Почему вы меня волнуете?

Вы всегда

Кочуете,

Летите [А.В.]

В.Ф. Асмус охарактеризовал такого рода метафоры следующим образом: «Удачная метафора предполагает, по Аристотелю, соединение точности и ясности сравнения, обусловленного сходством сравниваемого, с изобретательностью поэта, соединяющего несходного и тем повышающего действие метафоры» [\[1:131\]](#). С такого рода одушевлением природы связано и прямое метафорическое олицетворение. Олицетворение может быть и метонимического порядка, когда оно является аллегорией абстрактного понятия. Здесь же мы имеем метафорическое олицетворение, родившееся из поэтического образа, основанного на сходстве, на одушевлении природы, - своеобразную новую мифологию. Поэты-романтики охотно оживляют в своем творчестве традиционные образы фольклора [\[2:318\]](#).

В творчестве В. Лебедева образ оленя занимает значительное место при описании родной природы и края. С первых сборников В. Лебедева одним из главных героев является олень. Так, в сборнике «Өмчэни» [\[4\]](#) встречаем: *Бугдиндя* (Ездовой олень), «*Хонңачам мялуканам*» (Олененка разбудили), «*Оран икэн*» (Песня оленя), «*Орам дентун*» (Думы об олене); в сборнике «Мэрлэнкэ»: «*Оралчимңа як гэрбэн?*» (Кто такой оленевод?); в сборнике «Хиги огални»: «*Нэлкэ оран хумалан*» (Весной оленя), «*Хөтэ олар*» (Быстроногие олени). Олень для эвенского поэта – прежде всего надежда для народа. Действительно, в творчестве В. Лебедева любимым героем является ездовой олень, олененок, важенка, священный олень. Поэтической находкой можно назвать метафоричность стихотворений когда, поэт придает оленю человеческую речь. Так Бугдиндя (ездовой олень), обращается к ветру и рассказывает о своей прошлой жизни. Или в стихотворении «Оран икэн» (Песня оленя)

- учик (ездовой олень запел человеческим голосом):

Таракам - ка учикан

Бэйкэкэңчин икэлрэн

- Нямичан (важенка тоже напевает человеческим голосом):

Таракам-ка нямичан

Бэйкэкэңчин икэлчэ

- Энкэчэн (олененок также запел о себе):

Энкэчэн умтилчэ

Гаркаканы недасчирив

Эчикэкэн икэлчэ.

Лебедеву свойственна эмоциональная отзывчивость на все происходящее. Он не замыкается на своих личных чувствах, скорее, наоборот, расширяет горизонт видения мира, используя для этого особый ритм выражения своего отношения к окружающему – привычный ритм оленьего бега.

Хэтэ орар

Итилаву

Иманрав

Титкачукан

Балданцаву,

И острый снег

Из под копыт,

Как пена взбит,

В лицо летит.

Он, как на крыльях

.....

Мявму таду

Өрэңчими

Типтэкэнни [\[5\]](#)

К дому мчит,

И сердце

Бешено стучит

В поэзии Лебедева присутствуют необычные метафоры, которые создают его неповторимый поэтический стиль. Метафоричный образ олененка – олицетворение будущего, символ радости, красоты тундры.

Оңатчами толкантами

Тиңэндулэй хинясанча.

Хери нечэ, нодаңкаму,

Эди мялра, хуклэли.

Этот мир для смелых создан,

Спи, силенок набираясь

Поэт особое внимание уделяет грамматическому построению метафоры, о поэтическом синтаксисе текста. Метафора в его стихотворениях может иметь следующие синтаксические функции:

1 . Метафорическое отождествление, когда метафорическое сказуемое относится к подлежащему;

Би нэндим чивкачан одыди,

Төрэңи үлдэдим хиткиклэн.

Стану птичкой

И облечу все [А.В.]

Метафора – прилагательное; *мэргэнси гилбэти бигрэдэн* – мысль прозрачная, *киманя төгсэл* – собравшиеся тучи, *дэтлэлкэн инэңил* – крылатые годы.

Болар хатар хисэчин

Ялраня тэтии тэттиди

Осень темным вечером

Черное пальто одевает [А.В.]

Чивкачан колаңканн

Биракчан могчинни

Мэргэнси гилбэти бигрэдэн,

Мэни хи хупкутли.

Учись, чтобы мысль

Твоя стала светлой,

Как прозрачный ручеек,

Из которого, пьют только птички [А.В.]

2 . Метафора – глагол. Глагольные метафоры представляют собой особый интерес. Глагольные метафоры – это источник метафорического олицетворения, потому что существу неодушевленному приписывается действие, причем действие активное. Неодушевленное существо становится источником активного действия, так, как если бы оно было живым существом, человеком. Поэзия Лебедева сплошь насыщена метафорами-глаголами, которыми поэт рисует движение, красоту северного края. Например,

Удан, хи мину уланри,

Итиву бэкэччон аванри,
 Манңрирам уямкан төрэңнин
 Хиндук-нюн бугаски дэrimi
 Удан, хи төру колунри.

Коламсив бэккэччөн аинри ^[5].

Дождь, ты меня намочил,
 Лицо мое умыл,
 И стал я твердым как земля уямканов,
 И от тебя я убегал,
 Дождь, ты напоил землю [А.В.]

Здесь поэт дождю приписывает человеческие качества, употребляя глаголы *уланри* - намочил, *аванри* - помыл, *колунри* - выпил, *аинри* – поправил.

Борили минду хи, нэлкэни,
 Борили нелтэңи нямдукун.
 Таракам би мявму хуелдин,
 Хуелми икэлбу икэлдин
 Поделись со мной, весна,
 Поделись своей теплотой,
 И тогда мое сердце закипит,
 И тогда мое сердце запоеет [А.В.]

4) Метафора может быть выражена и в форме существительного. Такого рода метафора-существительное, предметная метафора – является основой того, что называется «метафорической перифразой» Перифраза – описательное выражение: вместо точного названия предмета употребляется описательное образное выражение ^[2;320-321].

Нэлкэ эмирин-
 Бини хурэн,
 Тарак хурэн –
 Ңэрин удыт.
 Пришла весна-
 Миг жизни,
 Этот миг –
 След света [А.В.]

Бинив удярман тэлдүттэн,

Маваткачин улбуңчин

Таррачим удярмав иттидюр,

Бэил бэкэчин мянидюр,

Мяванси удярман гөвэттэ.

Следы дороги моей жизни стелятся,

Как следы от аркана.

Такой увидев след,

Все люди удивляются,

Говорят, что это – сердца след [А.В].

Большинство метафор В. Лебедева основано на олицетворении. Пейзажная лирика Лебедева особенно метафорична.

Например, *икэли унэт-тэ минтэки, няниндя* (спой ещё мне, большое небо), *окат мялран, / өмэкэккэн няяддан* (река проснулась, одинешенька шаманит), здесь для лирического героя небо и река, поющие или листья могут шептать, нарушая ночную тишину:

Эбдэнрэл яв ху хумкэчэс,

Делбэру хисэчим хоитас

Листья, о чем вы шепчетесь,

Тишину нарушая [А.В].

Для автора природа жива, игрива:

Нелтэн хериди тогачиндула нан,

Тогачин гякитан биялгач эвилрэн.

Тадук нян нянин*ат хон*алран.

Солнце взошло и села на тучи,

И туча заиграла разными волнами.

Тогда большое небо заплакало.

Тайга тоже может видеть сон о завтрашнем дне:

Тэңкэңу

Тиминарап инэңи

Хеннэвэн

Толкаттан.

Моему густому лесу

Завтрашний день,

Наступающий

Снится.

Поэт о весенней реке пишет, что реки радуясь зашевелились, ручейки беленькие мечутся, а его солнце, упав воду, разбежалась, любуясь своим отражением.

Окатал хокнидюр өсэми хогналра,

Биракчар гулникэн мэкукрэ.

Нөлтэн мөлэ тикникэн хинтамран

Мөлэ мэни көетникэн.

Реки, обрадовавшись, задвигались,

Ручейки беленькие мечутся.

Солнце, в воду упав, разбежалась

В воду на себя глядя.

Таким образом, анализ метафор в произведениях поэта показал, что метафорическая образность основана на олицетворении природных явлений и на ассоциативности окружающего мира с человечеством. Автор обогатил систему изобразительных средств эвенской поэзии новыми, колоритными, поэтичными находками, например: *дукатлаву дэгэлли, осикаталбу улдэли, намандя хунталан гөбэли* – написанное лети, звездам подавая знак, дойди до глубины моря; *Бягандя хякитав гуденни* – луна поцеловала литсвенницу; *Небати мээн мө нянтаки титкаттан* – серебряная вода к небу тянется (о реке). Неповторимые красоты естественной природы и духовная красота человека воспринимаются как одно целое, гармонично связанные друг с другом. Итак, рассмотрение лирики В.Лебедева позволяет сделать вывод о том, что индивидуальность авторской манеры поэта создается, в основном, метафоричностью его стиля. Поэтика метафоры стихотворений Лебедева, как национального поэта, ориентирована на фольклорную традицию эвенской народной поэзии.

Библиография

1. Асмус В.Ф. Вопросы теории и истории эстетики. Ред. Е.Новик. М.: "Искусство", 1968.
2. Веселовский А.Н. Историческая поэтика. М.: Высшая школа, 1989.
3. Лебедев В. Дялбу торэн, нэтэн. Якутск: Нека торэн, эн книга издательстван, 1968.
4. Лебедев В. Омчэни:Дёнтур-Якутск: Нёка торэн, эн книга издательстван, 1963.
5. Лебедев В.Хиги огални. Якутск: Нёка торэн, эн книга издательстван, 1965.
6. Тобуроков Н.Н. Андрей Кривошапкин. Якутск, 1999. С. 35-90.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Метафоричность лирики В. Лебедева»,

предлагаемая к публикации в журнале «Филология: научные исследования», несомненно, является актуальной, ввиду обращения автора к изучению особенностей писателя, развивающего национальную литературу одного из народов, населяющий Российскую Федерацию, а именно В. Лебедева, который является одним из создателей эвенской литературной традиции.

Автор изучает особенности поэтики Лебедева, обращаясь к аксиологическому анализу произведений, что позволяет выявить приоритетные ценности в духовной картине мире эвенов. В рецензируемой работе автор скрупулёзно разбирает мифологичность лирики и те образы, которые создает писатель в своих произведениях.

К сожалению, автор не указывает насколько велик языковой корпус, отобранный для проведения исследования, а также методологию проведения выборки.

Статья является новаторской, одной из первых в российской филологии, посвященной исследованию подобной проблематики. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Теоретические измышления проиллюстрированы языковыми примерами на эвенском языке, а также представлены убедительные данные, полученные в ходе исследования. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что заключение требует усиления, оно не отражает в полной мере задачи, поставленные автором и не содержит перспективы дальнейшего исследования в русле заявленной проблематики. Библиография статьи насчитывает всего 6 источников, среди которых представлены работы исключительно на русском языке. Считаем, что обращение к зарубежным источникам по смежной тематике, несомненно, обогатило бы рецензируемую работу. К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы отечественных исследователей, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации. Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по теории литературы, а также курсов по междисциплинарным исследованиям, посвящённым связи языка и общества. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Метафоричность лирики В. Лебедева» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Божанова К.С. — Особенности идиостиля Л.Е. Улицкой и проблема его межъязыковой передачи (на материале оригиналов и переводов на английский язык произведений Л.Е. Улицкой «Медея и ее дети», «Даниэль Штайн, переводчик») // Филология: научные исследования. – 2023. – № 12. – С. 106 - 118. DOI: 10.7256/2454-0749.2023.12.69342 EDN: OVKGVF URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69342

Особенности идиостиля Л.Е. Улицкой и проблема его межъязыковой передачи (на материале оригиналов и переводов на английский язык произведений Л.Е. Улицкой «Медея и ее дети», «Даниэль Штайн, переводчик»)

Божанова Ксения Сергеевна

аспирант, кафедра контрастивной лингвистики, Московский педагогический государственный университет

119571, Россия, г. Москва, ул. Проспект Вернадского, 88

✉ ks.bozhanova@mpgu.su

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2023.12.69342

EDN:

OVKGVF

Дата направления статьи в редакцию:

15-12-2023

Дата публикации:

31-12-2023

Аннотация: Цель исследования – рассмотреть различные определения и подходы к понятию идиостиля. Выявить и описать характерные особенности идиостиля произведений Л.Е. Улицкой «Медея и ее дети», «Даниэль Штайн, переводчик», а также сопоставить оригиналы текстов романов с их переводом и определить, сохраняется ли идиостиль при переводе данных произведений Л.Е. Улицкой на английский язык. Проанализировать, какие переводческие приемы были использованы для передачи идиостиля. Цель исследования определила следующие задачи: во-первых, дать определение понятиям идиостиль и идиолект; во-вторых, рассмотреть разницу между

понятиями идиостиль и идиолект, в-третьих, выявить черты, формирующие идиостиль Л.Е.Улицкой; в-четвертых, рассмотреть особенности перевода, элементов, формирующих идиостиль. Предметом исследования являются идиостиль и черты, формирующие идиостиль рассматриваемых произведений. Объектом анализа являются семантические средства и грамматические структуры, формирующие идиостиль, и особенности их перевода на английский язык. Сопоставительный метод позволяет определить: сохраняются ли национально-культурные компоненты в переводе, изменяются ли фразы приветствия и прощания в письмах, переданы ли реалии русской культуры в текстах переводов. Метод контекстуального анализа заключается в исследовании фрагментов романов и в изучении функциональной специфики слов в используемом контексте. Научная новизна заключается в выявлении черт идиостиля на основе сопоставления романов Л.Е. Улицкой «Медея и ее дети», «Даниэль Штайн, переводчик». Теоретическая и практическая значимость обуславливаются возможностью применения результатов исследования и выводов в дальнейших разработках вопросов сохранения идиостиля при переводе, определении содержания лекционных и практических занятий по стилистике, лингвокультурологии, а также при построении курсов «Лингвистический анализ текста» и «Теория и практика перевода». В результате исследования были выявлены наиболее яркие элементы, формирующие идиостиль Л.Е.Улицкой, а именно: использование имен собственных в названиях романов, а также писем в текстах произведений, применение фраз приветствия и прощания, риторических вопросов, антропонимов, метафор, повторов.

Ключевые слова:

идиостиль, письма, перевод метафор, перевод реалий, переводческие потери, эквивалентные соответствия, антропонимы, сопоставление, семантика, прагматический эффект

Введение

В центре внимания нашей работы – идиостиль, который С.Я. Ермоленко считает совокупностью «культурно-выразительных средств, выполняющих эстетическую функцию и выделяющих язык отдельного писателя от других» (Ермоленко, 1999, с. 112). Материалом для анализа и выявления черт идиостиля Л.Е. Улицкой послужили романы «Медея и ее дети» (1996 год) и «Даниэль Штайн, переводчик» (2006 год), а также их переводы на английский язык, выполненные Арч Тейтом – английским педагогом, писателем и переводчиком. Роман «Медея и ее дети»/ “Medea and Her Children” переведен на английский язык в 2002 году, а роман «Даниэль Штайн, переводчик»/ “Daniel Stein, Interpreter” – в 2011 году.

Л.Е. Улицкая «взаимодействует» с читателями и выражает свою авторскую позицию с помощью разнообразных стилистических средств, таких как риторические вопросы, языковые повторы, реалии, метафоры, пословицы и поговорки. Все это формирует своеобразный стиль произведений Л.Е. Улицкой, который необходимо сохранить при переводе на английский язык. В данной статье будут проанализированы трудности, с которыми сталкивается переводчик при работе с романами «Медея и ее дети», «Даниэль Штайн, переводчик», а также определено, сохраняются ли при переводе идиостиль текста оригинала.

Определение понятия идиостиля и идиолекта

В зарубежной литературе большая часть исследований посвящена понятию идиолекта, которое «приравнивается к авторскому идиостилю и рассматривается как семиотическая кумулятивная система, как некое ментально-контекстное пространство, на которое оказывают влияние общекультурные и общезыковые факторы» [11]. Иными словами, исследователи приравнивают идиолект к языковой специфике авторского стиля. Проанализируем, как трактуют данные понятия зарубежные исследователи. Во французской науке понятие *signature stylistique* тождественно понятию идиостиля. Французские ученые Э. Борда (E. Bordas) ("Le rythme de la prose"), А. Рабател (A. Rabatel) ("Idiolecte, ethos, point de vue: la représentation du discours de l'autre dans le discours d'ego"), Р. Барт (R. Barthe) ("Le plaisir du texte"), Ж. Филипп (G. Philippe) ("Idiolecte, ethos, point de vue: la représentation du discours de l'autre dans le discours d'ego") занимались изучением понятия авторского идиостиля.

Э. Борда устанавливает сходство между понятиями идиолекта и стиля и использует термин особенность языка автора (*singularité*) [17, с. 32]. По мнению Ж. Филиппа «идиолект находится на том же уровне значимости, что и языковые повторы. Ж. Филипп рассматривает идиолектическую особенность автора так же, как и особенность интонации, мелодики, свойственных речи конкретного человека» [23, р. 45]. Ф. Растье соглашается с мнением Р. Барта и связывает понятие идиолекта с понятием индивидуальных особенностей автора и авторского стиля, основой которых является идиолект [18].

Английский исследователь Дж. Робинсон в работе "Style and Personality in the Literary Work" пишет, что отношение к стилю связано с описанием языковых характеристик. Он отмечает, что понятие индивидуального стиля включает в себя не только структуру предложений, лексику и образность, но и личность автора произведения, его отношение к описываемым событиям. В своем исследовании Д. Брандидж "Acting on Words: An Integrated Rhetoric, Research Guide, Reader, and Handnook, with My Canadian-CompLab" рассматривает связь идиолекта и ритма текста. Он выделяет четкие критерии идеального авторского стиля: тщательный отбор слов, структура предложения, образность, ритм, форма повествования [20].

Рассмотрим понятие идиостиля в трактовке отечественных ученых. Идиостиль – это «многоаспектное и многоуровневое отражение языковой личности творца, «стоящей» за текстом, с учетом ее многообразных проявлений в процессе текстовой деятельности, включая ориентацию на адресата» [4, с.159]. В.П. Григорьев соотносит понятие идиостиля и идиолекта, а также выявляет различия между этими терминами. На основе изложенных исследователем идей можно прийти к выводу, что идиолект «характеризует языковые особенности носителя языка в устной и письменной речи, а идиостиль соотносится с текстовыми характеристиками, то есть взаимодействует с письменной коммуникацией» [17, с. 95]. А.Ш. Зубинова определяет идиостиль как «совокупность глубинных порождающих механизмов создания текстового пространства определенным автором, отличающим его от других» [8, с. 11].

Идиостиль – это диалог автора и читателя. В зависимости от задач, целей автора и его коммуникативной стратегии, идиостиль определяет развитие речемыслительной деятельности. В идиостиле писателя отражаются психологические особенности его индивидуальной личности, а также его политические, этические, и религиозные взгляды. По мнению М.П. Брандеса «специфику идиостиля определяют общественное сознание и черты той исторической эпохи, в которую жил и творил писатель» [7, с. 252]. Такое

понимание идиостиля связано с понятием языковой картины мира писателя, которая включает в себя авторское понимание и видение о мире и о событиях, представленных в произведении. В своей работе мы будем придерживаться такой трактовки данного понятия. Авторскую картину мира В.М. Борисова определяет, как «объектную картину в субъективном ее отображении посредством индивидуальной и творческой репрезентации» [\[6, с.187\]](#).

Рассмотрим понятие идиостиля в узком плане, согласно которому данный термин связан «с системой лингвостилистических средств, характерной для творческой манеры данного писателя» [\[4, с. 101\]](#). По мнению многих исследователей творческая индивидуальность автора тесно связана с определенным принципом отбора и использованием средств языка, которые нельзя отделять друг от друга, а необходимо рассматривать в совокупности. По мнению И.В. Арнольд «составить понятие о мировоззрении автора, о его настроении, получить представление о его ценностно-нравственных критериях можно только в процессе изучения произведения, где определенным образом сочетаются и взаимодействуют коннотативные значения слов, метафорические образы, морфологические формы, синтаксические конструкции, ритм и т.д.» [\[2, с. 14\]](#).

Согласно Е.А. Фоменко можно выделить следующие черты, присущие идиостилю:

- 1) «язык идиостиля писателя имеет лингвотипологическую природу, поскольку разделяет с другими идиостильями писателей художественный дискурс эпохи;
- 2) идиостиль писателя осваивает потенциал современного ему языка художественной литературы;
- 3) язык идиостиля писателя является носителем единообразного варианта, лингвотипологические основания которого присущи художественному тексту своего времени» [\[15, с. 123\]](#).

На основе анализа текстов романов «Даниэль Штайн, переводчик» и «Медея и ее дети» нами были выявлены следующие характеристики, которые формируют идиостиль романов Л.Е. Улицкой: имена собственные в названиях произведений, включение писем героев в основное повествование, особые конструкции фраз приветствия и прощания, применение риторических вопросов, языковых повторов, метафор, пословиц, поговорок, реалий. Рассмотрим каждую из названных характеристик и определим, какие переводческие приемы и трансформации были использованы при их межъязыковой передаче.

1. Имена собственные в названиях романов

В названиях романов Л.Е. Улицкая использует имена собственные, вероятно, потому что особое внимание в тексте произведений уделяется главному персонажу, а в основе сюжета — его судьба и поступки. Романы Л.Е. Улицкой имеют следующие названия: «Искренне ваш Шурик», «Даниэль Штайн, переводчик», «Медея и ее дети», «Лестница Яковлева». При переводе названия «Даниэль Штайн, переводчик» на английский язык ("Daniel Stein, Interpreter") использован прием транслитерации и подбора эквивалентного соответствия, пунктуация сохранена. При переводе названия полностью сохраняется авторский замысел: главный герой — Даниэль Штайн — переводчик не только в профессиональной деятельности, но и посредник между Богом и людьми.

В названии романа «Медея и ее дети», написанного в 1996 году, заложена аллюзия к мифу о Медее и Ясоне. «Мифы – как вечные уроки для человечества, как носители

живой энергии подлежат переоценке и переосмыслению. Возвышенное софийное начало, безграничная отзывчивость к добру героини романа «Медея и дети» как бы рождает полемику с традиционным мифом и создает новый миф о Медее XX века на базе нового мировидения. Этот миф о преодолении хаоса и зла гармонией» [11, с. 547]. При переводе названия романа на английский язык ("*Medea and Her Children*") переводчик использует прием поиска эквивалентного соответствия для имени (Медее/Medea). Имя имеет древнегреческие корни, а упоминаемый миф входит в единое общекультурное наследие, поэтому выбор такого переводческого приема позволяет сохранить аллюзию, заложенную в названии романа. Вторая часть заголовка также переведена путем подбора эквивалентного соответствия (*...и ее дети/ ... and her Children*). Такой вариант перевода на английский язык передает семантику заголовка и сохраняет отсылку к мифу.

2. Использование писем в текстах романов

В романе «Даниэль Штайн, переводчик» читатель встречает большое количество писем (они составляют 2/3 от общего объема произведения), которые главный герой – Даниэль – отправляет своим друзьям или родственникам. В роман «Медея и ее дети» включено только восемь писем (три адресованы Медеей ее подруге детства – Елене, три письма отправлены другими героями романа, и только на два письма представлены ответные послания). В романы «Медея и ее дети», «Даниэль Штайн, переводчик» включены личные письма, в которых используется лексика, составляющая разговорную письменную речь героев, поэтому в текстах писем часто встречается лингвистическая компрессия. Например: «Пусть все уезжают, а ты, деточка, оставайся. В Феодосию поедешь. Ничего не бойся» [14, 10]. В данном предложении с помощью языкового членения маркируются языковые паузы.

2.1. Использование риторических вопросов в текстах писем как форма взаимодействия между героями

Использование риторических вопросов повышает эмоциональность текста, с помощью которых автор расставляет необходимые акценты. В романе «Медея и ее дети» большое количество риторических вопросов встречается в речи Медеи. Это можно объяснить тем, что Медея – главная героиня произведения, соответственно, в тексте описаны преимущественно ее размышления и переживания. Проведено сопоставление русских и соответствующих английских контекстов романа и попытаемся установить, составляет ли переводческую трудность межъязыковая передача таких конструкций.

«Помнишь ли, Еленочка, каков был Восточный Крым при татарах? А Внутренний?...» [14, с. 14].

"Do you remember, Elena, what the Eastern Crimea used to be like when the Tatars were here? And Central Crimea?" [25, p.12].

В данном случае при переводе риторических вопросов не меняется структура предложений, таким образом полностью сохраняется эмоциональная составляющая текста оригинала и «диалог» отправителя письма и получателя.

В романе «Даниэль Штайн, переводчик» риторические вопросы чаще встречаются в речи Даниэля и Хильды.

«В общем, Авигдор, жалко парня. Приезжай, может, он тебя послушает? Привези ему

там фотографии из *Палестины*, не знаю что, может, уговоришь его?» [13, с.34].

«All in all, Avigdor, I am sorry for the lad. *Come and see us. Perhaps he will listen to you. Bring him some photographs of Palestine or whatever. Perhaps you will be able to talk sense to him*» [24, p.25].

В тексте оригинала для передачи эмоциональной заинтересованности и имитации прямого общения между героями Л.Е. Улицкая употребляет вопросительные конструкции. Однако в тексте перевода они опускаются, но эмотивная составляющая не утрачивается, она передается за счет членения предложений: *"Come and see us. Bring him some photographs... Perhaps he will listen to you. Perhaps you will be able to talk..."*.

2.2. Фразы приветствия и прощания в письмах, включенных в основное повествование

Проанализировав фразы приветствия в письмах, вошедших в романы, можно отметить, что самая частотная конструкция обращения – «Дорогой + имя». Выбор такой конструкции указывает на то, что отправитель письма и получатель находятся в доверительных, дружеских отношениях. Для перевода слов «дорогой» / «дорогая» используется эквивалент *"dear"*, который, независимо от типа взаимоотношений и степени близости адресата и адресанта является обязательным компонентом конструкций обращения в английской письменной речи. Соответственно, в данном случае можно говорить о своего рода парадоксе – подбор полного эквивалента при переводе не обеспечивает передачи коннотативного значения исходной лексики.

При переводе имен собственных в текстах писем и фразах приветствия и прощания возникает ряд трудностей. Так, в тексте романов встречаются уменьшительно-ласкательные формы имен («Дорогая Еленочка» – *"Dear Elena"*, «Дорогой Самоша» – *"Dear Samsy"*), использование которых можно объяснить форматом дружеского письма и доверительными взаимоотношениями между героями. В тексте перевода не удастся сохранить уменьшительно-ласкательные формы имен, чаще всего вместо них используются официальные формы имени, например, *Elena*:

«Дорогая *Еленочка!* Хотя я отправила тебе письмо всего неделю тому назад, произошло одно событие, которое действительно выходит из ряда вон, и об этом я и хочу тебе рассказать» [14, с.3].

"Dear Elena, Although I wrote to you only a week ago, something really quite extraordinary has happened, and that is what I would like to tell you about" [25, p.2].

Выбор такого переводческого решения можно объяснить иной системой уменьшительно-ласкательных суффиксов в английском языке. В данном случае можно было бы воспользоваться приемом транскрипции или транслитерации и дать соответствующий комментарий о специфике образования уменьшительно-ласкательных форм имени в русском языке. При замене уменьшительно-ласкательной формой имени на официальную утрачивается дружеский формат письма, оно становится более официальным.

3. Употребление просторечий для созданий психологического и речевого портрета героев

В романах Л.Е. Улицкой «Медея и ее дети» и «Даниэль Штайн, переводчик» встречается просторечная лексика, участвующая в создании психологического и речевого портрета героев. Большинство единиц используется для описания внешности, привычек или

недостатков персонажей. Просторечная лексика также используется для создания иронического эффекта в определенных контекстах. Например:

«В Иване Исаевиче она открывала все новые и новые достоинства, но скисала каждый раз от его «пинжаков» и «тубареток»...» [14, с. 160]. В данное описание автор намеренно включает некорректную орфографическую форму слов – ту форму, которую употребляет в своей речи персонаж, о котором идет речь в описании. Таким образом, в данном случае просторечная лексика призвана подчеркнуть не идеальность героя, в частности, наличие в его речи произносительных (орфоэпических ошибок) ошибок.

Проанализируем использование просторечия в тексте романа «Медея и ее дети»:

«Предложенная ему чашка бульона с куском вчерашней кулебяки и гречневая каша, сваренная как будто в русской печи, произвели глубокое впечатление на Ивана Исаевича, жившего достойно, чисто, но все же по-бобыльски, без хорошей домашней еды» [14, с.28].

"The bowl of broth he was offered with a piece of yesterday's meat kulebyaka, and buckwheat porridge which seemed to have been baked in a Russian stove, made a deep impression on Ivan Isaevich, who led a clean, worthy, but nevertheless bachelor existence, without good home cooking" [25, p.107].

Наречие «по-бобыльски» образовано от существительного «бобыль». Лексема «бобыль» является разговорной и используется в контексте обозначения человека «одинокого, не имеющего собственной семьи» (Ожегов). Для перевода лексемы «бобыль» переводчик выбирает словосочетание "bachelor existence" (досл. «холостяцкое существование») (Cambridge dictionary). Вариант перевода "bachelor existence" передает смысл оригинала, но не отражает разговорности фразы.

Рассмотрим еще один пример использования в тексте романа просторечий.

«Висячая керосиновая лампа мутным светом освещала стол, в круглом пятне света стояли последняя сбереженная Медеей для этого случая бутылка домашнего вина и початая поллитровка яблочной водки, которую она любила» [14, с.8].

"A hanging oil lamp cast a dim light over the table, and in its circle stood one last bottle of homemade wine which Medea had been keeping for just this occasion and an already opened bottle of her favorite apple vodka" [25, p.22].

Лексема «поллитровка», обозначающая бутылку водки, объемом пол-литра, передается на английский язык существительным "bottle", то есть переводчик прибегает к генерализации. Однако коннотация контекста не сохранена, так как исходная лексема является просторечием и употребляется для снижения стилистического регистра, английский же вариант относится к общеупотребительной лексике и не имеет дополнительных коннотаций. Кроме того, наблюдается и расхождение семантической структуры исходного переводного компонентов: «бутылка» обозначает емкость, которая может быть наполнена любым содержимым, а поллитровка – емкость для крепких алкогольных напитков.

4.Реалии как элемент отражения культуры в романах Л.Е. Улицкой

Для создания национально-культурного фона произведений в текстах романов «Даниэль Штайн, переводчик», «Медея и ее дети» для передачи лингвокультурной информации

Л.Е. Улицкая использует реалии. Согласно определению, реалии – «это слова, обозначающие предметы, понятия и ситуации, не существующие в практическом опыте людей, говорящих на другом языке» [3, с. 178].

В романе «Медея и ее дети» используются реалии русской культуры (*верста, завхоз*), в романе «Даниэль Штайн, переводчик» – реалии, обозначающие предметы иудейской культуры (*гиюр, хальва*). Известно, что реалии представляют определенную переводческую трудность. Рассмотрим, каким образом, в переводах рассматриваемых романах решается проблема межъязыковой передачи реалий.

«Она ходила прежде со мной к здешнему ксёндзу, он тоже из Польши» [13, с.136].

"She used to come with me to see a Catholic priest here. He is from Poland, too" [24, p.104].

Слово «ксёндз», обозначающее католического священнослужителя и используемое в религиозной терминологии в Польше и Белоруссии, передано с помощью описательного перевода (*Catholic priest*). В данном случае можно говорить о переводческой потере, так как сохранено только общее значение слова, а национально-культурная специфика утеряна.

Рассмотрим еще один пример употребления и передачи реалии:

«... и ей было нетрудно встать в воскресенье до света, отмахать двадцать верст до Феодосии, отстоять там обедню и вернуться домой к вечеру» [14, с.6].

"...she thought nothing of rising before daybreak on a Sunday, putting the twenty kilometers to Theodosia behind her, standing through the liturgy, and walking back home toward evening" [25 p.1].

Верста является исконно русской единицей измерения расстояния [12]. Для перевода реалии «верста» в английском языке использована лексема "*kilometer*". Согласно толковому словарю Д.Н. Ушакова верста составляет 1, 06 км [12]. Лексема "*kilometer*" практически точно передает количественное значение расстояния, которое расстояние, которое преодолевала Медея, однако не отражает национально-культурный колорит исходного контекста.

5. Языковой повтор как синтаксическая черта идиостиля Л.Е. Улицкой

Использование языкового повтора задает цепочку ключевых образов, постоянно воспроизводящихся в тексте. З.П. Куликова различает следующие виды повторов: «фонетический, словообразовательный, лексический, лексико-синтаксический, семантический, морфологический и синтаксический» [10, с. 7-8].

В рассматриваемых романах наиболее часто используется лексический повтор:

«Обе девочки – и Медея, и Елена – окончили третий класс на круглые пятерки, но пятерки эти были разные: легкие, с большим запасом прочности – у Елены и трудовые, мозолистые – у Медеи. При всем неравном весе их пятерок на годовом выпуске они получили одинаковые подарки» [14, с.30].

"Both Medea and Elena finished the third grade with top marks in all subjects, but there was nevertheless a difference between their marks. Elena's were effortless, with plenty in reserve: Medea's were the hard-won product of sweat and toil. For all the unequal weight

of their marks, they received identical awards ..." [25, p.25].

В данном случае не полностью удается сохранить лексический повтор. Лексема «пятерки», использованная в оригинале романа, передана с помощью разных лексических единиц: "top marks" и "marks". В результате такого переводческого решения теряется акцент на слове «пятерки».

Проанализируем использование повтора в фрагменте романа «Даниэл Штайн, переводчик»:

«Копал могилы, закрывал глаза, собирал куски разорванных тел, исповедовал и причащал, держал за руку, целовал, утешал родственников, отпевал, отпевал, отпевал...» [13, с.546].

"I have dug graves, closed eyelids, collected parts of bodies which had been blown to bits, heard confessions, given the last rites, held hands, kissed the dying, comforted relatives, and conducted funeral service after funeral service after funeral service" [24, p.47].

Лексический повтор образуется с помощью слова «отпевал». В конце приложения используется многоточие, которое подразумевает многократное повторение лексемы «отпевал». Переводчик сохраняет лексический повтор, но делает это не с помощью глагола «отпевал» – "conducted", который использован в тексте перевода один раз, а с помощью словосочетания "funeral service". Помимо замены глагола существительным, переводчик не сохраняет многоточие в конце предложения. Считаем, что такой вариант перевода не полностью передает оригинал, описывающий переживания героя и многочисленные религиозные действия, так как использование глагола делает предложение более экспрессивным.

6. Метафоры как элемент идиостиля Л.Е. Улицкой

Еще одной характерной чертой идиостиля Л.Е. Улицкой является внедрение в тексты авторских метафор. Рассмотрим примеры таких метафор и сложности перевода их на английский язык.

«Темно-синие тени гуляли по голубому полотну латаных простыней, простыни медленно, парусообразно выгибались, грозя развернуться и уплыть в грубо-синее небо» [13, с.3].

"Dark blue shadows played over the light blue line of mended sheets, and they slowly billowed like sails, threatening to slew round and float away into the deeper blue of the sky" [25, p.1].

Глагол «гуляли» переведен посредством глагола "play over", который чаще всего используется в значении «переигрывать, проигрывать» [21]. Считаем, что для наиболее удачного варианта перевода можно было бы использовать вариант "float across the sheet", который бы полностью передал авторскую метафору. Фраза «тени... грозя развернуться и уплыть» переведена с помощью эквивалентных соответствий в языке перевода: «тени... грозя развернуться и уплыть...» – "threatening to slew round and float away".

Метафора использована в следующем фрагменте романа «Медея и ее дети»:

«В апреле солнце садилось между Близнецами, сентябрьское солнце уходило за горизонт, распарывая себе брюхо о шлык Киян-горы» [14, с.23].

"In April the sun set between the Twins: the September sun disappeared behind the horizon, slitting its belly on the pointed hat of Mount Kiyan" [25, p.21].

Деепричастие «*распарывая*», использованное в данном фрагменте, переведено с помощью причастия "*slit*", которое точно передает значение исходной лексемы. В словаре дается следующая дефиниция для данной части речи: "to make a long narrow cut or opening in something" [21]. В данном случае метафора сохранена.

7. Пословицы и поговорки как элемент устного творчества в романах Л.Е. Улицкой

В своих произведениях Л.Е. Улицкая использует различные пословицы, поговорки, фразеологические обороты, отражающие народную мудрость, наделяя речь героев национальным колоритом и разговорными элементами.

Например:

« – Проще пареной репы, – фыркнула Ника» [14, с. 191].

"It's simpler than a steamed turnip," Nike snorted" [25, p.24].

В тексте перевода мы видим использование варианта, который закреплен словарем: *"It's simpler than a steamed turnip"* [5]. В английском языке существует несколько вариантов для передачи данной поговорки, например: *as easy as pie*, *as easy as falling off a log*, *like shooting of fish in a barrel*. В варианте *"It's simpler than a steamed turnip"* сохраняется эквивалент для слова *репа* – *turnip*, то есть сохраняется элемент, ассоциирующийся с русской культурой. Поговорка появилась в русском языке в XVIII–XIX веках, ее образ построен на представлениях о легкости и простоте приготовления блюд из репы. Выбор переводческого решения *"It's simpler than a steamed turnip"* и сохранение слова *"turnip"* позволяет сохранить национально-культурный колорит оригинального текста.

Проанализируем значение следующей пословицы из романа «Медя и ее дети» и особенности ее перевода на английский язык:

«Но девочка оказалась достойна своих родителей: нашла коса на камень» [14, с.334].

"But the little girl turned out to be worthy of her parents: they had met their own match. One faith against the other..." [25, p.35].

В русского-английском фразеологическом словаре для перевода данной пословицы предложены следующие варианты: *he is met his match*; *diamond cut diamond* [22]. Арч Тейт выбирает иной вариант перевода – *"Onefaithagainsttheother"*, который, полагаем, подчеркивает, что у героев появилось недопонимание и разногласие. Л.Е. Улицкая с помощью данной пословицы подчеркивает сложность характера и родителей, и их дочери Валентины, скверность нрава которой они недооценивали. Считаем, что устойчивое сочетание, включенное в оригинальный текст, ни семантически, ни коннотативно полностью не совпадает с выбранным вариантом перевода.

Заключение

Идиостиль Л.Е. Улицкой формируется различными компонентами, а именно: использованием в авторском тексте и речи героев просторечий, средств художественной выразительности (авторских метафор, эпитетов, сравнений, и т.д.), различных

пословицы, поговорок, фразеологических оборотов, совокупность которых придает повествованию дополнительную эмоциональную окраску. В результате сопоставления текста оригинала с текстом перевода на английский язык было выявлено, что при переводе названий романов в 100% случаев удается передать семантику, которую закладывает Л.Е. Улицкая в названия произведений. Риторические вопросы в переводах сохраняются в 50% случаев. При переводе фраз приветствия и прощания в 100% случаев подбирается соответствующий эквивалент в английском языке. При переводе антропонимов возникают трудности, если в тексте оригинала использованы уменьшительно-ласкательные формы имен, которые в 80% случаев заменяются на официальную форму имени. Просторечия, реалии, повторы, метафоры, пословицы и поговорки сохранены в текстах переводов в 50% случаев. Переводческие потери и замены можно объяснить разницей экстралингвистических факторов и структурными особенностями английского языка

Необходимо отметить, что в большинстве случаев переводчику удалось передать смысловую составляющую исходных языковых средств, сохранив при этом их образную основу. В тех же ситуациях, когда воспроизведение прагматического эффекта оригинала не представлялось возможным, переводчик прибегал к описательному переводу, сосредотачиваясь при этом на плане содержания.

Библиография

1. Акатова А. А. Лексико-семиотическое пространство идиолекта // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 5. Ч. 2.
2. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 301 с.
3. Бархударов Л.С. Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода. – М.: Международные отношения, 1975. – 240 с.
4. Болотнова Н.С. Коммуникативная стилистика художественного текста: лексическая структура и идиостиль / Н.С. Болотнова, И.И. Бабенко, А.А. Васильева. – Томск: ТГУ, 2001. 321 с.
5. Большой словарь русских поговорок (www.slovaronline.com)
6. Борисова В.М. Проблема языковой личности автора как категория художественного текста // Филологические науки. – 2006. – № 5. – С. 185 –190.
7. Брандес М. П. Стилистика немецкого языка. М.: Высшая школа, 1983. – 271 с.
8. Зубинова, А. Ш. Понятия идиостиля и идиолекта / А. Ш. Зубинова // Общие и частные вопросы языкознания. – 2016. – С. 10-13.
9. Ермоленко С.Я. Очерки словесности (стилистика и культура речи). – К.: Доверие, 1999. – 304 с
10. Куликова З. П. Повтор как средство экспрессивности и гармонизации поэтических текстов М. Цветаевой и Р. М. Рильке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2007. 191 с.
11. Тимина С. Ритмы вечности. Роман Людмилы Улицкой «Медя и ее дети». В кн. Русская литература конца XX века в зеркале критики. Хрестоматия. М. –С-Петербург. 2003.
12. Толковый словарь С.И. Ожегова онлайн [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://slovarozhegova.ru/> .
13. Улицкая Л.Е. Даниэль Штайн, переводчик. – М.: Эксмо, 2020. – 258 с.
14. Улицкая Л.Е. Медя и ее дети. – М.: Эксмо, 2020. – 576 с.

15. Фоменко Е.Г. Лингвотипологическое в идиостиле Джеймса Джойса: дис. ... докт. филол. наук. Запорожье, 2006.
16. Фрикке Я.А. Фразовая номинация как средство выражения языковой личности автора / Я.А. Фрикке. – Ставрополь, 2003. – 237 с.
17. Чернышева Т.А. Идиостиль: лингвистические контуры изучения // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2010. – № 1. – С. 30-34.
18. Barthes R. Le plaisir du texte [Электронный ресурс] / R. Barthes. – P. : Ed. du Seuil, 1973. Режим доступа: http://palimpsestes.fr/textes_philo/barthes/plaisir-texte.pdf.
19. Bordas É. Le rythme de la prose [Электронный ресурс] / É. Bordas // Semen, Rythme de la prose, 2003. – №16. – Режим доступа: <http://semen.revues.org/document2664.html>.
20. Brundage D. Acting on Words: An Integrated Rhetoric, Research Guide, Reader, and Handbook //D. Brundage, M. Lahey, MyCanadianCompLab» (3rd Edition) 544 pages Pearson Education Canada; 2011.
21. Cambridge dictionary. URL: Cambridge Dictionary | English Dictionary, Translations & Thesaurus (дата обращения: 06.10.2023).
22. Idioms by The Free Dictionary. URL: Play over - Idioms by The Free Dictionary(дата обращения: 06.10.2023).
23. Philippe G. Idiolecte // Article en M. Jarrety. Lexique des termes littéraires. Paris: Le Livre de Poche, 2001.
24. Ulitskaya L.E. Daniel Stein, interpreter. / translated by A. Tait. – New York: Overlook Press, 2011. – 416 p.
25. Ulitskaya L.E. Medea and Her Children. / translated by A. Tait. – New York: Schlocken Books, 2002. – 320 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Особенности идиостиля Л.Е. Улицкой и проблема его межъязыковой передачи (на материале оригиналов и переводов на английский язык произведений Л.Е. Улицкой «Медея и ее дети», «Даниэль Штайн, переводчик»)», предлагаемая к публикации в журнале «Филология: научные исследования», несомненно, является актуальной. Актуальность настоящего исследования обусловлена тем, что работа направлена на изучение идиостиля писателя и проблемы его передачи в переводе художественного текста.

В рецензируемой статье автор предпринимает попытку анализа трудностей, с которыми сталкивается переводчик при работе с романами «Медея и ее дети», «Даниэль Штайн, переводчик», а также определено, сохраняются ли при переводе идиостиль текста оригинала.

Хотелось бы отметить большой и скорпуплезный труд автора при анализе теоретических источников.

Научная работа выполнена в русле современных научных подходов, профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. В своем исследовании автор прибегает к научному обобщению литературы по избранной теме и анализу фактических

данных.

Структурно работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы.

Материалом для анализа и выявления черт идиостиля Л.Е. Улицкой послужили романы «Медея и ее дети» (1996 год) и «Даниэль Штайн, переводчик» (2006 год), а также их переводы на английский язык, выполненные Арч Тейтом – английским педагогом, писателем и переводчиком. Роман «Медея и ее дети»/ "Medea and Her Children" переведен на английский язык в 2002 году, а роман «Даниэль Штайн, переводчик»/ "Daniel Stein, Interpreter" – в 2011 году.

Библиография статьи насчитывает 25 источников, среди которых присутствуют как отечественные, так и зарубежные работы. Большое количество ссылок на авторитетные работы, такие как монографии, докторские и/ или кандидатские диссертации по смежным тематикам, которые могли бы усилить теоретическую составляющую работы в русле отечественной научной школы. Однако, данные замечания носят рекомендательный характер и не оказывают существенное влияние на восприятие представленного на суд читателя научного текста. В статье намечена перспектива дальнейшего исследования. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком, опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности не обнаружены. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, литературоведам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Полученные результаты могут быть использованы при разработке курсов по теории и практике перевода и теории литературы. Общее впечатление после прочтения рецензируемой статьи «Особенности идиостиля Л.Е. Улицкой и проблема его межъязыковой передачи (на материале оригиналов и переводов на английский язык произведений Л.Е. Улицкой «Медея и ее дети», «Даниэль Штайн, переводчик»)» положительное, она может быть рекомендована к публикации в научном журнале из перечня ВАК.

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Алексеева А.С. — О сборнике заговоров из собрания В. М. Ундольского // Филология: научные исследования. — 2023. — № 12. — С. 119 - 126. DOI: 10.7256/2454-0749.2023.12.69357 EDN: OOPGNI URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69357

О сборнике заговоров из собрания В. М. Ундольского

Алексеева Алина Сергеевна

ORCID: 0000-0001-8584-4613

младший научный сотрудник, ИРЯ РАН

119019, Россия, Московская область, г. Москва, ул. Волжонка, 18/2

✉ alevtina.sergeevna@gmail.com

[Статья из рубрики "Фольклор"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2023.12.69357

EDN:

OOPGNI

Дата направления статьи в редакцию:

17-12-2023

Дата публикации:

31-12-2023

Аннотация: В статье рассматривается сборник рукописных заговоров второй половины XVII в. из собрания В. М. Ундольского (Российская государственная библиотека. Ф. 310. №1179). Рукопись была дважды опубликована Л. И. Сазоновой и А. Л. Топорковым (в 2000 г. и 2002 г.) в сопровождении комментария, но еще не становилась предметом текстологического и лингвистического изучения, которые необходимы при исследовании текстов, распространяющихся в рукописной среде – постановка этих задач позволит сделать выводы о происхождении сборника, особенностях его создания и источниках. Настоящая работа основывается на изучении рукописи *de visu*, поэтому особое внимание уделяется особенностям почерка, ошибкам писца и отражениям живого произношения, которые вписываются в контекст эпохи и всей письменности Древней Руси. При проведении исследования используются методы текстологического и лингвистического изучения, которые релевантны при изучении средневекового рукописного текста. Повторное обращение к рукописи позволило предложить несколько

комментированных уточнений к изданию, основанных на исследовании палеографии, текстологии и языка, а также привлечении дополнительных рукописных и печатных текстов, исторических и диалектных словарей. Многочисленные ошибки в рукописи из собрания В. М. Ундольского связаны с бытованием источника в рукописной среде, что не позволяет согласиться с предположением издателей о записи рукописи из устного источника – скорее всего, писец держал перед собой антиграф. Изучение диалектных особенностей рукописи приводит к выводу о среднерусском говоре писца. Не исключено, что последующий владелец рукописи, Василий Волоцкий, является подьячим Василием Волоцким, который упоминается в делах 1699 г. и 1701 г. Арзамасской приказной избы.

Ключевые слова:

Древняя Русь, рукописные заговоры, древнерусские рукописи, апокрифическая литература, фольклор, диалектология, текстология, палеография, скоропись, Великоустюжский сборник

Миниатюрный рукописный сборник с заговорами от оружия [\[2\]](#) был дважды опубликован Л. И. Сазоновой и А. Л. Топорковым: в [\[6, с. 36–38\]](#) и [\[7, с. 225–232\]](#) (далее мы будем ссылаться на второе, исправленное издание). Водяные знаки в рукописи из-за малого формата (32°) не просматриваются, поэтому она датируется по почерку второй пол. XVII в. Что касается самого почерка, на наш взгляд, это не «небрежный полуустав с элементами скорописи» [\[7, с. 225\]](#), а поздняя скоропись с вариативными написаниями знаков и несимметричными элементами, но действительно небрежная.

При обращении к сборнику *de visu* мы обнаружили несколько неточностей в передаче рукописного текста — составление комментария к ним и текстологическое и лингвистическое изучение рукописи являются задачами настоящей работы. Способ подачи материала подразумевает: 1) приведение цитаты из издания с указанием листа, 2) комментарий, 3) альтернативное прочтение (цитаты приводятся в упрощенной орфографии со внесением знаков пунктуации; выносные буквы даются в круглых скобках, реконструкции — в квадратных).

1. Обсуждение изданного текста

На оборотной стороне верхней крышки переплета находится запись, которую издатели читают как «се поминанья (?) Ивана Кузьмина», предполагая, что рукопись составлена со слов слов некоего Ивана Кузьмина, чье имя упоминается на л. 31 [\[7, с. 226\]](#). Однако удастся разобрать еще несколько букв слева и снизу; весь фрагмент в настоящее время прочитывается следующим образом (деления на строки обозначены при помощи знака «|»): *се поми|нань □ іва|на ку(з)мини|...а сына □е|...а...|*. На наш взгляд, на месте первой лакуны находится буква «н», второй — «доров», т.е.: *се поми|нань □ іва|на ку(з)мини|[н]а сына □е|[доров]а...|* «в память Ивана Кузьминича Федорова». При этом «отчество» записано с ошибкой — ср. с документами 1596 г. и 1681 г.: *великий господин Иев патриарх московский и всеа Руси пожаловал Олексея Кузьмина сына Чертова брата его Ивановым поместьем (НКРЯ), воевода посылал под(ь)ячего Петра Куз(ь)мина с(ы)на Непогожева да пушкаря Ивана Петрова в д(е)р(е)вню Соскова (НКРЯ)*. Формуляр маргиналии близок тому, что читается в помянниках, поэтому, на наш взгляд, она напоминает не об источнике некоторых текстов, а сохраняет информацию ком-то

(возможно, первом владельце). На оборотной стороне нижней крышки читается имя *Настась[л]*, а сквозь всю рукопись проходит владельческая приписка: *приписал Василеи Волоцкои*.

Л. 2. «...и от свое[го] оружия, от сталь, от пульки...». В рукописи читается *стель*, т.е. 'стрел' (ст<р>ель): буква «а» обычно записывается в виде двух начерков, а здесь находится «е» с наклоном влево и маленькой нижней петлей.

Л. 2 об. «Самъ Господь рече: Поди, стрела, завещае тебе от раба своего имярек..». Написания букв «е» и «ю» в почерке писца очень похожи: в действительности здесь записано слово *завещаю*, поскольку «е» имеет меньшую нижнюю петлю.

Л. 3. «...поди от раба моего и от дети ево прочь...». В издании пропущено слово *имярекъ*: *ш(т) раба моего м* (так сокращается лексема *имярекъ*).

Л. 3 об. «...в моем гевангелии(?)...». В рукописи: *в моемъ гева(н)или(т)* — что, по-видимому, является ошибкой чтения.

Л. 4 об. «...то железо всякому на земли оружию Божии брат, ти с ним темна остужаися...». В этом фрагменте, во-первых, пропущена частица *бъ* перед словом *желѣзо*. Во-вторых, уточнения требует эпитет слова *братъ*: в действительности вместо «ж» читается «ш», а после «о» — незамеченная выносная буква «л», т.е. *бо(л)шеи* 'старший' *братъ*. Далее, перед *шстужаися* читается «е», поэтому следует предложить иное словоделение: *и то(т) рабъ мои м {то бѣ желѣзо} всѣкому на зе(м)ли оружию бо(л)шеи братъ, ты с ни(м) тѣмъ не стужаисѣ*. Фрагмент текста испорчен. Глагол *остужатися* имеет значение 'ссориться' [10, с. 166], поэтому, вероятно, имеется в виду, что *имярек* должен быть старшим братом оружию и не вступать с ним в конфликт (повествование в 3 л. ед. переходит в обращение), в то время как сочетание *то {бѣ [лишнее!]} желѣзо* ошибочно попадает вверх, что позволяет предположить следующее далее причастие в форме ср. р., которое согласуется с этим существительным. Приведем окончание заговора в реконструкции: *то желѣзо, поди ш(т) него про(ч), ш(т)куды пущено, туды назадъ и поди*.

Л. 5–5 об. «Господи, Боже, благослови всяку (в сноске: Испр., в ркп. *всану*). Яз, раб Божии ъ (в сноске: М.б., так обозначено «имярек»), благословися, огражаеся крестнимъ, извяду (л. 5 об.) в чистое поля...». Вместо *всяку* следует предложить конъектуру *вс[т]ану* (начало заговора — «встану яз, раб Божий...»); далее записана форма *благословеса* с отражением перехода [‘а] в [е] между мягкими согласными. В последнем слове на л. 5 отсутствует буква «з» (по-видимому, издатели приняли за нее часть написания «ѣ»), т.е. *вѣду в чи(с)тое полѣс* несогласованием по числу). Буква «ѣ», возможно, относится к изображению креста?

Л. 5 об.–6 об. «...молеся Спасу Вишнему: Господи, Господи, Царю безчеловечни, святыи, [свя]тыи (в сноске: В ркп. *ти под титлом*), святая Троица, (л. 6) Отец и Сын и Святыи Дух, сотворив небо и землю и сопня море словом, повелением твоего страшным и славным именем твоим, еже вся боятца. Боже, отец наших Аврамов и Яковьев...». Эпитет лексемы *Царь* более каноничный: по-видимому, издатели приняли написания «а» за «л», а выносной буквы «л» — за титло; в действительности здесь читается *црю бе(з)[на]ча(л)ны* с пропуском слога (ср. с чтением на 9 января из Минеи: *Помазуеши совершая челоѡческое существо, црю безначальне, дѣа шбеніемъ, струями чстыми шмывъ и тмы: крѣпость же посрамлѣ возвышенную, нынѣ въ безпрестаннѣ въздати житіи* (НКРЯ)). На наш взгляд, запись *ты* может иметь еще одну интерпретацию: *ги, ги, Црѣю бе(з)ча(л)ны, сты ты, ста Троица*. После слова *Аврамовъ* находится имя сына, но начало имени внука отсутствует, что является типичной ошибкой чтения,

названной Д. С. Лихачевым «прыжком от сходного к сходному» [4, с. 74]: *Бже, ѡ(т)ѣъ нашихъ Аврамовъ, Исаковъ, <Иаков>левъ*. В целом, этот фрагмент представляет собой измененное начало молитвы царя Манассии, которая находится в конце второй книги Паралипоменон: *Г[о]и Вседръжителю, Б[о]же [о]цъ нашихъ, Авраамѣ, Исааковъ, Иаковль, и с[и]мени и(х) праве(д)наго, сътворивый нбо и землю, со всею л[ю]д[ск]ою потою ихъ, и сопныи море слово(м) повелѣнїа твоего, затворивый бе(з)дну и запечатлѣвъ ю страшнымъ и славнымъ именемъ Твоимъ, Его(ж) вса боѡтсѧ и трепещуть ѿ лица славы Твоеѧ* [3, л. 216].

Л. 7 об. «...от всякого супостата зла, находящаго от поганих языков татарских и кальмицких...» Следует предложить другое словоделение: *от всякого супостата, зланаходящаго*.

Л. 8. «...от железа уклада и синя булату...» В рукописи читается: *ѡ(т) желѣза и укладу и синя булату* — с буквой «у» с невыраженной чашечкой и длинным хвостом.

Л. 10 об. «...Сесенил архангел, Полтофор (в сноске: М. б., Понтофор)...» Окончание первого имени отсутствует: *Сесени* — что могло возникнуть из-за сближения с именем *Сисиний*. Что касается второго, чтение в скобках верно — *По(н)ѣтворь*: сходное написание выносной буквы «н» с покрытием см., например, в записи слова *посла(н)ника* на л. 3 об. (выносная «л» обычно пишется без покрытия в виде двух перекрещивающихся прямых).

Л. 11 об. «...от вского врага злага, ходящаго от поганих языков...» В рукописи надежно читается *зланаходящаго*: аналогичный фрагмент на л. 7 об.

Л. 12 об. «...егда придет смертѣни час, не дайте души моеи грешней, тем моим заступникам проклятим, лукавим дияволам на растерзание (?)». Издатели приводят конъектуру, не указывая исходное прочтение: *лукавымъ диѡвола(м) натазанаемъ*. Что важно, последняя буква «а» исправлена из «и» — здесь, по-видимому, содержится ошибка чтения: писец не понял, что написано в антиграфе, поэтому попытался отредактировать фрагмент в соответствии со своими представлениями. В качестве альтернативной конъектуры мы предложили бы сочетание *на казание* 'наказание, казнь' [9, с. 16], поскольку скорописное «к» записывается в виде двух вертикальных прямых, которые составляют часть начертания «т».

Л. 14 об. «...Предотеца Иван...». Буква «ч» имеет квадратную чашечку и более выраженную петлю; в рукописи — *Предотеца Ивань*.

Л. 15 об. «...царь Соломон...» В рукописи имя записано с ошибкой — *црѣ Со<ло>мо(н)ѣ*.

Л. 16. «...егда придет смерти час...» В действительности в рукописи читается *смерь<т>ны чась*, т.е. 'смертный'.

Л. 17. «...како ты попырал верьния до ложерьтѣния (?) Христа ради...». По-видимому, писец неправильно прочел два слова — *скверным* и *идоложертвенным* 'предназначенные в жертву идолам'.

Л. 19. «...не убити или (?) не щессти звезд по небу...». Слово, записанное со знаком вопроса, в действительности является написанием *и и(м)* с характерным написанием выносной «м» в виде прямой линии: *ни с какова ѡружиѣ не уби(т)и и(м), не ще(с)сти зве(з)дь по небу*, т.е. 'им не убить меня ни из какого оружия, как не счесть звезд на небе'.

Л. 20. «...и ни с какова оружия не убить [н]и мьне щести». Путаница на л. 18 об.–21 возникла из-за повторяющихся фраз. Конъектура издателей, на наш взгляд, излишня, потому что речь также идет о том, что «им» нельзя убить имярека, хотя продолжение текста утрачено: и ни с какова \square ружи \square не уби(т) имь, не щести. Аналогичное чтение должно было находиться выше, но писец переосмыслил фрагмент и добавил лишнюю букву «н» (отметим подчеркиванием): и ни силнова \square ружим не уби(т) нимь, не щести лѣсу и травы по земли и з оки \square на мор \square воды не выпивати. Вместо силнова должно находиться с какова: ошибка прочтения возникла из-за близкого написания букв «и» и «к», «к» и «н», которые в скорописи записываются в виде двух вертикальных черт с или без перекадин, в то время как написание «л» отчасти похоже на «а» без нижней части.

Л. 21. «...и станут те лихия люди кротки, аки пре[д] соколя дроздь царя Александ^р[а]...». Во-первых, книжник записал формы *Алѣ^ѣзанд^ѣр[а]* и *дроздь* с буквой «ѣ», т.к. «ѣ» обычно имеет более короткую мачту. Последнее слово — *дроздь* (с отражением оглушения); ср. с цитатой из Великоустюжского сборника, также датированного XVII в.: *ка(к) цр^ѣ Алекса(н)дра Макидо(н)ско(г) ни ста(ру) ни малу, ни че(р)ну, ни че(р)мну, ни русу, ни белу, ни ведуну, ни ведунице — вс^ѣ т^ѣ пере(д) нами аки что пере(д) соколо(м) дро(з)дь* [1, л. 9].

Л. 21об.–22. «Есть езеро железное, на том [езере] есть столб железно[и], есть царь, желе[з]ьной царь, имат тот царь же (л. 22) лезьной защищает (в сноске: По-видимому, описка. Уместна была бы форма инфинитива защищати) меня, раба Божия имярек, и дети мои от всякова железа, дети своих от стрел...». Вместо защищает следует читать *зашивает* (что, безусловно, является ошибкой писца), т.к. у третьей буквы отсутствует хвост снизу, а пятая представляет собой небрежную запись «в» с двумя вертикальными мачтами и горизонтальным основанием. Эпитет столба также записан с ошибкой: *желѣ<з>номъ*, причем «ѣ» выправлена из другой буквы.

Фрагмент отражает сильную порчу текста. Пропуски состоят из двух и более слов, а первые две лакуны имеют атрибут в неправильной форме (в фигурных скобках восполним недостающее, опираясь на близкий вариант заговора из Великоустюжского сборника):

Сборник из собрания В. М. Ундольского	Великоустюжский сборник
е(с)ть \square зеро жел \square зное, на томъ {озере жел \square зномъ} е(с)ть сто(л)бъ {жел \square зной, на томъ столбъ желѣ[з]номъ есть цр ^ѣ жел \square зной цр ^ѣ , имат тотъ цр ^ѣ жел \square зной {жел \square зо и т \square мъ жел \square зомъ зашиваетъ [в м. защищает] меня раба бжи \square им< \square рекъ> и дети мои [в м. моихъ] \square (т) вс \square кова жел \square за дети своихъ.	есть \square зеро жел \square зное, на томъ озер \square жел \square (з)номъ есть цр ^ѣ жел \square (ѣ)ныи], и [...] те(м) жел \square зомъ \square (т)ц ^ѣ и мти, и то(т) цр ^ѣ жел \square (з)ной зашиваетъ \square (т) вс \square кого жел \square за раба Бж \square і \square им(р) [1, л. 34–34 об.]

Издатели предполагают, что подобную путаницу могло вызвать припоминание текста [7, с. 227], но, на наш взгляд, здесь сосредоточены ошибки, заключающиеся в перескоке от сходного к сходному, чему способствовало частое употребление эпитета *желѣзныи*. Скорее всего, в результате того же перескока появилась еще одна «просьба» к персонажу: защитить не только детей имярека, но и своих, царских. Что касается

конъектуры с инфинитивом, ее можно избежать, если предположить пропуск слова, обозначающего то, что имеет железный царь.

Л. 24. «...муж железной...». Писец пропустил один слог: *мужъ же<лѣ>(з)ной*.

Л. 24 об. «...пой[д]и от меня, раба Божия имярек, прочь». В рукописи буква «д» читается, а предшествующая «и», наоборот, отсутствует — т.е. употребляется просторечная форма императива *поди*.

Л. 25 об. «Святы[и] Тихон, утиши всякое плеча русские и литовские...». В сборнике написано «плача», однако, конъектура должна быть именно такой — ср. с цитатой из Великоустюжского сборника: *Свѣ[и] Тихо[и], о(у)тиши, г[и]ди, вс[и]кое плече мирно* [1, л. 60]. Скорее всего, имеется в виду 'успокой всякую руку'.

Л. 26. «...святопречистую Богородицу Владиме[r]скую...». Во-первых, вместо одного эпитета в рукописи содержатся два — *св[и]тую Пречи[и]стую* Во-вторых, необходимо обратить внимание на то, что изначально вместо *Владиме[r]скую* писец записал *Владычиц* — представляется, что такая правка могла возникнуть только при сверке с письменным источником.

Л. 26 об. «Ударивай ты...». Несмотря на очевидную ошибочность, в рукописи читается форма инфинитива *ударива(т)* с характерной выносной буквой «т» в виде петли (выносную букву «і» писец не использует).

Л. 27 об. «Святы[и] государь евань[г]илист и святители Христовы...». В издании осталась необозначенной гласная «ы» в окончании: *сты г[и]дрь, еваньили[и]ты и стители Хри[и]товы*.

Л. 29 об. «...всего даныне и присно и во веки веков аминь». В первом слове после «г» читается «ь», с мачтой и нижним подчеркиванием, поэтому следует произнести другое словоделение: *всегда. Ныне* и т.д. Затем начинается молитвенное завершение текста, причем книжник использует дониконовскую форму, записанную с выносной буквой «м»: *Ныне и при[и]сно, і во вѣки вѣко(м), аминь*.

Л. 30–30 об. «Коль пасори се (л. 30 об.) рмяга, и кафтан крепьчая шелома...». Первые девять букв являются записью формы *кольпакъ*: вместо «со» читается «к» в виде двух мачт с изогнутыми нижними частями, а далее — «ь» с короткой мачтой (написание буквы «р» не имеет нижнее подчеркивание под петлей).

Л. 30 об.–31 «...и скуите (в сноске: Испр., в рkp. скумое) мое, раба Божия имярек, и дететей моих тело крепьчая бе (л. 31) ла камени раба своего Ивана. По векофь час». На наш взгляд, в этом фрагменте необходима конъектура *ску[и]*, поскольку просьба направлена к государю (выше находится императив *загороди*). Вместо *векофь час* в сборнике записано *секофь часъ* — имеется в виду 'по этот час'; ср. с *сѣковый, сяковой* [8, с. 194–195] (в рассматриваемой рукописи представлена форма с отражением еканья).

2. Диалектные особенности

Что касается языка, в области фонетики в рукописи отмечаются: а) смешение *ѣ/е*, которое может свидетельствовать об осуществившемся переходе [ѣ] > [е]: *завещаю* (л. 2 об.), *медь* (л. 3) и др., б) переход [’а] > [е] под ударением между мягкими согласными: *благословеса* (л. 5), *вынѣть* (л. 20, 21), в) аканье во втором предударном и заударных слогах: *акіяне* (пример, однако, не показателен, т.к. может быть лексикализован; л. 1),

апостали (л. 15), запада (л. 30), г) сильное еканье: *ко(с)ѣтьтинь* (л. 15 об.), *сековь* (л. 31). В рукописи также представлены примеры, отражающие фрикативное образование звонкого заднеязычного согласного в церковнославянской лексике, что неинформативно для определения его качества в самом говоре: *арханьель* (л. 10), *еванъили(с)ѣты* (л. 14 об.), *а(р)ханъелѣ* (л. 24 об.), *еванъили(с)ѣты* (л. 27 об.). Совокупность фонетических особенностей позволяет предполагать среднерусское происхождение рукописи.

3. Заключение

Повторное обращение к рукописному тексту позволило предложить ряд альтернативных прочтений.

Обнаруженные издателями и нами ошибки и исправления писца (лл. 3 об., 6 об., 12 об., 17, 18 об. — 22, 26), как кажется, являются результатом неправильного прочтения антиграфа. К этому ряду можно еще добавить примеры на лл. 1–1 об. (несогласование могло возникнуть из-за сдвига на строку выше, где находятся две формы презенса: *на томъ море аки ѿ не стои(т) столбъ желѣзной, на то(м) сто(л)бѣ [оит] Спа(с)ѣ Вседержите(л) подперъшисѣ златымъ посохомъ, и ѿзъ рабъ Бжи им, стоит. Всемиловитаго Спаса, за ево златымъ посохомъ...*) и на л. 13 об. (удвоенное написание одного слова, причем один раз — с ошибкой: *крепъча ѿ шолома и пасырѣ и пазирѣ и си булату*).

Примеры, отражающие особенности в области фонетики свидетельствуют о возможном среднерусском происхождении сборника заговоров. В таком случае не исключено, что Василий Волоцкий, владелец рукописи, является упоминающимся в делах Арзамасской приказной избы за 1699 и 1701 г. подъячим Василием Волоцким [\[11\]](#).

Библиография

1. РГБ. Ф. 122. №32. 148 л.
2. РГБ. Ф. 310. №1179. 36 л.
3. Библия. Острог, 12 августа 1581. 628 л.
4. Лихачев Д. С., при участии А. А. Алексеева и А. Г. Боброва. Текстология (на материале русской литературы X – XVII вв.). СПб.: Алетей, 2001.
5. Национальный корпус русского языка. <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 17.12.2023).
6. Сазонова Л. И., Топорков А. Л. Заговоры от оружия. Сборник XVII века // Живая старина. 2000. №1. С. 36–38.
7. Сазонова Л. И., Топорков А. Л. Сборник заговоров XVII в. от оружия // Отреченное чтение в России XVII–XVIII веков / Под ред. А. Л. Топоркова и А. А. Турилова. М.: Индрик, 2002. С. 225–232.
8. Словарь русских народных говоров. Вып. 43. М.: Наука, 2010.
9. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 7. М.: Наука, 1980.
10. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 13. М.: Наука, 1987.
11. Центральный архив Нижегородской области. Ф. 1403. Оп. №1.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «О сборнике заговоров из собрания В. М. Ундольского», предлагаемая к публикации в журнале «Филология: научные исследования», несомненно, является актуальной, ввиду обращения автора к изучению рукописи 17 века.

Данное исследование вносит вклад не только в изучение конкретной рукописи, но и изучение лингвистических особенностей языка той эпохи, что способствует лучшему пониманию истории развития русского языка.

Статья является новаторской, одной из первых в российской филологии, посвященной исследованию подобной тематики в 21 веке. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Все теоретические измышления автора подкреплены практическим материалом из исследуемой рукописи.

В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. В статье также используются общелингвистические методы наблюдения и описания. Совокупность методов позволила систематизировать наработки предшественников и описать эмпирические данные. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что в вводной части слишком скудно представлен обзор разработанности проблематики в науке. Библиография статьи насчитывает 11 источников, среди которых теоретические работы исключительно на русском языке. Считаем, что обращение к трудам зарубежных исследователей по заявленной проблематике, несомненно, обогатило бы работу. К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации.

В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Высказанные замечания не являются существенными и не влияют на общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость определяется возможностью использовать представленные наработки в дальнейших тематических работах в области отечественного литературоведения. Результаты работы могут быть использованы в ходе преподавания филологических дисциплин на профильных факультетах. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «О сборнике заговоров из собрания В. М. Ундольского» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Бареева Н.С., Глызина В.Е., Скопинцева Т.А. — К вопросу о методологических причинах языкового пуризма в интернет-коммуникации // Филология: научные исследования. – 2023. – № 12. – С. 127 - 137. DOI:

10.7256/2454-0749.2023.12.69377 EDN: OPXEDW URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69377

К вопросу о методологических причинах языкового пуризма в интернет-коммуникации

Бареева Наталья Сергеевна

ORCID: 0000-0001-5883-6773

доктор филологических наук

доцент, кафедра "Иностранные языки", Иркутский государственный университет путей сообщения

664074, Россия, Иркутская область, г. Иркутск, ул. Чернышевского, 15

✉ svirel23@rambler.ru

Глызина Вера Евгеньевна

кандидат филологических наук

доцент, кафедра иностранных языков для профессиональных целей, Байкальский государственный университет

664003, Россия, Иркутская область, г. Иркутск, ул. Ленина, 11

✉ GlyzinaVE@bgu.ru

Скопинцева Татьяна Анатольевна

кандидат филологических наук

доцент, кафедра "Иностранные языки", Иркутский государственный университет путей сообщения

664074, Россия, Иркутская область, г. Иркутск, ул. Чернышевского, 15

✉ skopinceva_ta@irgups.ru

[Статья из рубрики "Язык"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2023.12.69377

EDN:

OPXEDW

Дата направления статьи в редакцию:

19-12-2023

Дата публикации:

31-12-2023

Аннотация: Данная статья освещает один из аспектов триады «речь – письмо – электронная форма речи», который представляет собой проблему грамотности в интернет-коммуникации. Цель работы – указать на ряд проблем в виде языкового пуризма, отсутствия четкой терминологии в отношении электронной коммуникации, недостатков в методологическом и концептуальном аппарате, применяемом к анализу этого лингвообъекта. Предметом исследования являются нормы русского языка, объектом анализа – фрагменты текстов, содержащих лингвистическую ошибку. Авторы исходят из известного в лингвистике факта, что разговорный язык и письменный язык представляют собой разные знаковые системы. По обоснованному мнению ряда специалистов, электронная форма речи является фиксацией норм разговорного языка. Следовательно, подходить к анализу этой формы речи только с помощью теорий, пригодных для анализа статичного текста, нельзя. В статье показано, что корни нетерпимости по отношению к ошибкам в сетевой коммуникации со стороны народных лингвистов лежат как раз в этом. Авторы приводят примеры лингвистических ошибок из разных языковых сфер: социальных сетей, новостных агрегаторов, художественной литературы, стенограммы устной речи. Промежуточным результатом статьи является вывод о том, что лингвообъект в виде электронной формы речи представляет собой некоторый срез, дающий актуальную картину языковой среды, которая сама по себе очень информативна для языковедов. Основной вывод статьи состоит в необходимости практического поиска специальных инструментов, которые позволят ограничить кумулятивный эффект языковых ошибок в цифровой коммуникации. Большой проблемой является то, что в интернет-коммуникации отсутствует действующий механизм коррекции грамотности, что вызвало формирование языкового пуризма. Возможным решением является профессиональный мониторинг ошибок в сетевой коммуникации. Но для этого необходимо исключить односторонний текстовый подход ко всем форматам языка. Выводы статьи возможно применить для разработки стратегии модерации интернет-контента.

Ключевые слова:

ошибки, языковая норма, речь, письмо, электронная форма речи, текст, пуризм, речетворчество, мониторинг, текстовый подход

Введение. Современная коммуникационная среда является источником новых лингвообъектов, представляющих собой как социальные и соответствующие им дискурсивные реалии, так и явления в виде текстовых языковых фактов. Одним из таких объектов, который требует осмысления и в теоретическом, и в методологическом отношении, является феномен электронной речи. Данное явление следует рассматривать в триаде «речь — письмо — электронная речь». В целом, электронная форма речи представляет собой удобный и широко используемый способ коммуникации в современном информационном обществе, который позволяет людям оперативно обмениваться информацией и идеями в письменной форме. При всем удобстве и функциональности, электронная речь давно вызывает опасения даже не столько лингвистов, сколько самих пользователей Сети. Показательны формы языкового пуризма, такие как движение граммар-наци, члены которого борются за неукоснительное соблюдение норм родного языка на любых ресурсах. Такие движения представляют

собой разновидность хейтерства в Интернете и мессенджерах, которое использует нормы русского языка в качестве повода для нападков на пишущих. Хотя рациональное зерно в аргументации поборников грамотности в социальных сетях, конечно, есть. Опасения, что, если каждый будет писать так, как ему вздумается, то это приведет к деградации языка и потере национального самосознания, коррелируют и с назревшей проблемой состояния языковой среды, которая становится неблагоприятной для общества. Многие исследователи отмечают прямую связь между полем языка и развитием человеческого сознания, разума, интеллекта [\[4, 5, 7, 9\]](#). Чистота языка и его загрязнение, «речевой мусор», деградация и процветание, развитие и регресс — эти представления о взаимодействии языка как системы с деятельностью носителей языка представлены в направлении лингвоэкологии. На наш взгляд, лингвисты должны выработать коллективное мнение по этому вопросу, тем более, что вектор социального заказа от носителей русского языка, озабоченных его судьбой, смещается в сторону деструктивной критики вместо посильной помощи.

Материал исследования. Данная статья написана по материалам текстов новостных агрегаторов, платформы Яндекс Дзен, художественных произведений, стенограмм устной речи. Для изучения языковых процессов мы проанализировали взгляды лингвистов, раскрывающие понятие лингвистической ошибки и зафиксировали случаи ошибок различного типа в текстах с помощью стилистического, контекстного, синтаксического, семантического, пунктуационного анализа текстовых фрагментов. Эмпирическая база исследования составила 642 примера нарушений норм русского языка. Обращение к ленте Яндекс Дзен обусловлено тем, что этот сервис персональных рекомендаций является популярной площадкой среди представителей медиасферы в России. Каналы на интернет-ресурсе имеют не только блогеры, но и известные средства массовой информации. Блогеры используют Дзен как новый способ продвижения авторского контента, а для СМИ площадка выступает бесплатным рекламным местом.

Понятие лингвистической ошибки.

Для того чтобы представить понятие лингвистической ошибки мы обратились к работе Н. Н. Рогозной, которая определяет лингвистическую ошибку как «функциональное нарушение речевых (волновых) отрезков, влекущее за собой искаженное представление об объекте познания (языке)» [\[12\]](#). Лингвистические ошибки в текстах могут быть разнообразными, их классификации также многочисленны [\[13, 19, 20, 21\]](#), иногда основания для классификации ошибок пересекаются. Есть ошибки, которые могут различить только начитанные люди. Например, лексический повтор, особенно, если однокоренные слова имеют разное значение и принадлежат к разным частям речи, например: *Она решила, что больше не будет жить здесь, — она хочет от жизни большего.* Или неправильное употребление временных форм глагола. Но, как показывает материал статьи, языковые произведения в Сети не предполагают сложных конструкций, а ошибки встречаются совсем простые. Мы привели распространенные лингвистические ошибки, сгруппировав их по нескольким категориям.

Орфографические ошибки: это ошибки, связанные с правильным написанием слов. Например, *придти, апелляция, скуппулезный.*

Грамматические ошибки: это ошибки, связанные с использованием грамматических правил. К ним относят неправильное использование времен, склонений, падежей и согласований. Например: *Проведя опрос, определите, чего не хватает клиенту: финансы, человеческий ресурс, компетенции.*

Пунктуационные ошибки: это ошибки, связанные с неправильным использованием знаков препинания: запятых, точек, тире, восклицательных знаков. Например, *Для чего это все!?* вместо *Для чего это все?!*

Синтаксические ошибки: это ошибки, связанные с нарушением правил синтаксиса, таких, как неправильное согласование, управление, порядок слов в предложении, неправильное построение предложений. Например, *понимать о том, что...*, *Подъезжая к городу, началась метель.*

Семантические ошибки: это ошибки, связанные с неправильным выбором или использованием слов, что приводит к неправильной передаче смысла. Например, *картина с ядерной энергией.*

Стилистические ошибки: это ошибки, связанные с несоответствием стилю и тону текста, неподходящим выбором слов или выражений. Например, *одеть шапку, суетиться по-деловому, улучшить уровень.*

Фонетические ошибки: это ошибки, связанные с неправильным произношением слов. На письме это может выглядеть, как случайная рифма или неблагозвучие.

Электронная коммуникация. Современные языковедческие исследования сформировали определенный научный контекст описания и осмысления феномена электронной коммуникации [\[3, 6, 10, 11, 14, 15\]](#). Его можно представить в виде следующих тезисов.

Электронная коммуникация — это новый тип речи, в терминологии разных авторов («электронная речь», «живая письменная речь», «письменная разговорная речь»). Появление данной формы коммуникации стало признаком формирования человека Сети, где технологии открыли доступ к ранее закрытой сфере письменного слова.

Электронная речь лишь формально относится к письменной. В действительности, для нее характерны черты, которые вовсе не присущи письменной речи. К таковым относятся воспроизведение фонетических, словообразовательных, лексических, грамматических особенностей устной речи.

Ошибки в электронной речи — частое явление. Несмотря на то, что существует сетевой этикет, одним из правил которого является рекомендация не забывать об орфографии и пунктуации, пользователи регулярно допускают грубые ошибки. Общее мнение об ошибках в электронной речи таково, что в них нет ничего положительного: необходимость расшифровывать небрежно написанный текст раздражает аудиторию, для того чтобы понять смысл текста с ошибками требуются усилия, грамматические ошибки отвлекают, способствуют распространению безграмотности.

Рассмотрим пример

(1) *Записки актёра*

*Привет! Меня зовут Сергей Марочкин и я актёр. Работаю в театре и снимаюсь в кино. На канале **Вас** ждут истории из актёрской жизни – смешные и не очень, мысли о разном и другие интересности. Обещаю искренность и позитив. Подписывайтесь!*

(2) *О закрытых актёрских вечеринках и что на них творится*

(3) *Отсидевшие актёры и как отсидка на зоне влияет на них*

- (4) Три **истории как** я чуть не сорвал спектакли из-за безалаберности
- (5) Как переобулся **и было** предательство: об Алексее Горбунове, его целях и моей ошибке
- (6) Культура против, 200-за, 2000-против: Захар Прилепин о **том как** мало деятелей культуры поддерживают нашу власть
- (7) А меня то за что отменяют?: Алексей Серебряков **недоумеает от** гнева зрителей и отмен спектаклей
- (8) Ясные дни забрал себе: Миллиарды из бюджета Газманову и другим артистам, а **бронижилеты** в кредит **и всем** народом собирают
- (9) Навязанная мода на **бездарностей** и фриков

В примере (1) представлено вступление к каналу актера. Мы видим две ошибки — нет запятой перед союзом *и*, соединяющим грамматические основы, и местоимение *Вас*, которое пишется с заглавной буквы только при личном обращении к одному человеку.

Примеры (2–9) представляют собой заголовки публикаций на канале этого актера. В каждом подзаголовке есть по одной-две ошибки: (2), (3), (6) — пунктуационные ошибки; (7) — пунктуационная и лексическая ошибки. Примеры (4) и (5) представляют собой семантические ошибки, неясно, о чем идет речь в заголовках. В примере (8) содержится орфографическая и пунктуационная ошибка, а в (9) — грамматическая. Примеры в целом иллюстрируют тезис о том, что электронная речь является проекцией норм устной разговорной речи, для которой характерна языковая раскрепощенность. Примечательно, что никто из подписчиков актера, а их более миллиона (195,7K подписчиков), — не указал в комментариях на эти недочеты. Очевидно, что аудитория в данном случае не ожидает от актера соблюдения норм орфографии и пунктуации.

Соглашаясь с мнением специалистов, указывающих на то, что ошибки в сетевой коммуникации представляют собой негативное явление, укажем на парадоксальную ситуацию, которая требует не меньшего внимания как со стороны лингвистов, так и со стороны приверженцев борьбы за грамотность. Действительно, текстовое поле языка, с которым имеет дело современный человек, представлено блогосферой, социальными сетями, видеохостингами с возможностью комментариев, где каждый может высказать свое мнение. В этой сфере коммуникации можно наводить порядок и рассуждать о стратегиях модерации контента.

Однако все ли хорошо в сегменте текстов, представленных официальными изданиями? Беглого взгляда достаточно, чтобы понять, что это не так. Приведем несколько примеров:

- (10) **Необычный феномен** в 620 году мог быть северным сиянием, попавшим в зону мощной магнитной бури. Астрономы разгадали загадку «красного веера» в небе над Японией;
- (11) По мнению Дугласа Макгрегора, в настоящее время Вашингтон стремится избежать **полного фиаско**;
- (12) Крупнейшие розничные сети решили отказаться от турецких **помидоров** из-за поддержки палестинцев Эрдоганом;
- (13) Показательный момент — **второе пенальти** в ворота Аргентины при счете 3:2.;

(14) На данный момент на курортах Турции находятся от **пятиста** до тысячи российских туристов, заявили в Ассоциации туроператоров России.

Примеры 10–14 представляют собой различные погрешности в текстах официальных СМИ.

Рассмотрим еще пример (15).

– Мне сказали, – не сдавался он, – что ты держишь в плену девушку с Земли, хотя было объявлено о перемирии. Это Скарлет Бенуа, гражданка Европейской Федерации. Я хочу знать, правда ли это **и** где она сейчас.

Левана рассмеялась:

– Уверю тебя, здесь нет пленницы с таким именем.

Ее смех **вызвал разозлил** Кая. Он ей не поверил. Может быть, Левана имела в виду, что Скарлет мертва? Или она уже не во дворце? Или вообще не в Артемии?

<...> Весьма прискорбно, что девушка, чье настоящее имя Линь Зола **и** которую разыскивает полиция Луны и Земли, решила воспользоваться этой трагической историей в своих интересах.

На страницах популярного тома из цикла «Лунные Хроники» М. Мейер в переводе на русский язык мы находим три ошибки на двух страницах.

Обсуждение. Проблемами нарушения норм правописания занимались многие исследователи. Так, наиболее точное определение орфографии представлено в работах Н. С. Валгиной, Д. Э. Розенталя, М. И. Фоминой, которые называют орфографией систему правил о написании слов и их значимых частей, о слитных, отдельных и дефисных написаниях, об употреблении прописных букв и переносе слов. Изучение данного вопроса позволило ученым сделать вывод о том, что для «орфографии является вполне естественным постоянное отставание от развития звуковой системы языка, однако действующие орфографические правила остаются одинаково обязательными для всех пишущих, так, как только при этом условии возможно вполне свободное общение между членами общества при помощи письменной речи» [2, с. 139]. Что касается пунктуации, то наиболее точным, на наш взгляд, является определение Н. С. Валгиной и В. Н. Светлышевой. Под пунктуацией авторы понимают, во-первых, собрание правил расстановки знаков препинания и, во-вторых, сами знаки препинания, их совокупность. Авторы указывают, что назначением пунктуации является «служить средством разделения письменной речи, указывать на разделение смысловое, структурное и интонационное» [1].

Электронная письменная речь только на первый взгляд идентична письменной нормативной речи. Установленным в лингвистике фактом считается то, что письмо и устная речь являются разными когнитивными областями. «Естественный (звуковой) и письменный язык — отдельные знаковые системы, которые различаются самым существенным образом», — отмечает А. В. Кравченко [8, с. 59]. О тенденциозности лингвистики пишет М.-Т. Фестер-Сигер, понимая под этим склонность ученых трактовать язык как стабильную автономную сущность, а не как нечто, возникающее в результате взаимодействия субъектов друг с другом и с объектами мира [16]. Несмотря на это, имеется явное методологическое несоответствие, выражающееся в том, что, даже осознавая первичность разговорного языка, мы со школы привыкли применять к нему

мерки письменного языка, а, следовательно, приоритет, как отмечает в своих работах П. Линелл [17, 18], отдается письменному языку. С другой стороны, устная речь настолько динамична и неуловима, что удержать и зафиксировать ее для анализа достаточно трудно. Это подтверждают любые попытки составить стенограмму устных выступлений, результатом которых будет текст, который не понятен без видеорегистрации. Предложим в качестве примера небольшой фрагмент стенограммы защиты кандидатской диссертации из нашей личной картотеки.

(16) Поэтому, как сказать, я некое замечание высказал, что некое оформление... Ну, а теперь, к тому, что начал. Да, я буду голосовать за. Потому что все, что я хотел сказать, я сказал. Работа серьезная, хорошая, сильная. Нет, дело, дело даже не в этом. Я опять про объем нормативный автореферата. Если мы сюда впишем все публикации, мы опять выйдем за объем. Поэтому мы в том числе..., тоже стараемся не всё вписывать, чтобы не уходить за регламентированный объем. Так, конечно, километр впишешь, получишь 26 страниц..., получишь возможное замечание. Зачем это надо? У меня, коллеги, все в рамках дискуссии. Да, слово для ответов на замечание вообще, на вопросы, которые были в дискуссии, пожалуйста, соискателю. Как видим, данный фрагмент с точки зрения письменных языковых норм содержит и повторы, и неправильный порядок слов, и отсутствие сказуемого. Пунктуацию мы расставили приблизительно, основываясь на паузах в речи. Устная спонтанная речь, даже в высоко институциональных контекстах, плохо поддается препарированию с помощью письменных знаков. Таким образом, и к «письменной разговорной речи» нет смысла применять мерки только литературного письменного языка.

Заканчивая статью, мы выскажем мнение, что современные реалии представляют всем пользователям интернет-ресурсов безграничные возможности для речетворчества. И чаще всего это новаторство сопровождается отклонением от норм письменного языка. Но для лингвистов этот языковой материал служит своеобразной стенограммой естественного звукового языка, которую составляют сами авторы и пользователи. То есть обращение к текстовому полю языка в виде электронной письменной речи дает понимание, какая языковая среда и уровень грамотности есть сейчас в социуме. Например, в интернет-переписке мы почти не увидим причастий и деепричастий, ошибки, в основном, одни и те же. Для того чтобы найти примеры ошибок в текстах СМИ и художественной литературы (примеры 10–14), нам пришлось немало потрудиться, а для того, чтобы увидеть ошибки в сетевой коммуникации, потребовалось проанализировать только один канал на Яндекс. Дзен.

В статье мы показали, что в официальных СМИ и художественной литературе также встречается нарушение норм правописания. Однако народные лингвисты избирательно подходят к критике текстов с ошибками, очевидно, в силу интерактивности среды коммуникации и возможности оперативно наказать безграмотного. Большей проблемой является то, что в интернет-коммуникации отсутствует действующий механизм, который мог бы контролировать уровень грамотности написания статей. Возможным решением является профессиональный мониторинг ошибок в сетевой коммуникации с разработкой контент-фильтров, анализирующих порог присутствия наиболее частых ошибок, а со стороны пользователей – обращение к сервисам проверки текстов. Риски, возникающие в текстовом поле интернет-пространства, безусловно, немалые. Но и лингвистическая нетерпимость не играет особой роли в том, чтобы исправить ситуацию.

Список иллюстративного материала

(1–9) Записки актёра. Загл. с экрана. Канал на Яндекс.Дзен. URL:

https://zen.yandex.ru/zapiski_aktera (дата обращения 17.12.2023).

(10) Астрономы разгадали загадку «красного веера» в небе над Японией. АиФ – Москва. 06.04.2020. – URL: https://aif.ru/society/science/astronomy_razgadali_zagadku_krasnogo_veera_v_nebe_nad_ya (дата обращения 17.12.2023).

(11) Экс-советник Пентагона заявил, что США понимают близость поражения Украины. АиФ – Москва. 25.01.2023. – URL: https://aif.ru/politics/world/eks-sovetnik_pentagona_zayavil_chno_ssha_ponimayut_blizost_porazheniya_ukrainy (дата обращения 17.12.2023).

(12) В Израиле набирает обороты «помидорный патриотизм». АиФ – Москва. 30.10.2023. – URL: https://aif.ru/money/market/v_izraile_nabiraet_oboroty_pomidornyy_patriotizm (дата обращения 17.12.2023).

(13) Вы просили разобрать судейство финала ЧМ-2022. Здесь три пенальти, симуляция Тюрма и спорный гол Месси / Sports.ru. 20.12.22. URL: <https://www.sports.ru/tribuna/blogs/mama4h/3102978.html> (дата обращения 17.12.2023).

(14) На курортах Турции находятся до тысячи российских туристов / РИА Новости, 15.07.2016. Национальный корпус русского языка. 2003—2023. Доступен по адресу: ruscorpora.ru

(15) Лунные хроники. Белоснежка; пер с англ. М. : Изд-во АСТ, 2016. <https://books.google.ru/> (дата обращения 17.12.2023).

Библиография

1. Валгина Н. С., Розенталь Д.Э., Фомина М. И. Современный русский язык: учеб.; 6-е изд., перераб. и доп. М.: Логос, 2012. 528 с.
2. Валгина Н. С., Светлышева В. Н. Русский язык. Орфография и пунктуация. Правила и упражнения: учеб. Пособие. М.: Неолит, 2000. 414 с.
3. Ефремов В. А. Граммар-наци: речевая агрессия и наивная лексикография // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2015. № 5 (27). С. 56–65.
4. Журавлева Ю.В. Иррациональные аспекты интернет-коммуникации и виртуальная деструкция личности // Речевые технологии. 2021. № 1–2. С. 71–86.
5. Зимина Л.О. Речевые нарушения в деловом дискурсе современной российской молодежи // Мир науки, культуры, образования. 2023. № 3 (100). С. 461–463.
6. Кожухова И.В. Языковой шейминг: описание и реализация // Когнитивные исследования языка. 2023. № 4 (55). С. 365–368.
7. Кравченко А.В. Информационные технологии и когнитивное развитие: взгляд с эколингвистических позиций // Вопросы психолингвистики. 2019. № 4 (42). С. 76–91.
8. Кравченко, А. В. Введение в теорию языка: Инновационный курс лекций : учеб. пособие. Иркутск : Изд. дом Байкал. гос. ун-та, 2023. 118 с.
9. Краснаярова О. В. Новые медиаплатформы: принципы функционирования и классификации // Вопросы теории и практики журналистики. 2016. Т. 5. № 1. С. 45–57.
10. Литневская Е. Письменная книжная речь и письменная разговорная речь: единство или борьба противоположностей? // Русская словесность. 2019. № 1. С. 104–110.

11. Маринова Е. В. Язык Рунета в Сети и за ее пределами: От вербализации ключевых идей интернет-пространства до обновления художественного дискурса. М.: Ленанд, 2022. 304 с.
12. Рогозная Н. Н. Лингвистический атлас нарушений в русской речи иностранцев. Иркутск : ОАО «Иркутская областная типография» № 1, 2001. 332 с.
13. Ружицкий И.В. Ошибка как лингводидактическая категория // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. 2017. № 15. С. 89–101.
14. Шипилов М. Ю. Что-то типо ошибки: орфографическая норма против лингвистической интуиции // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2023. Вып. 9, №3. С. 182–202. DOI: https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_3_182
15. Eroğlu A., Okur A. Teacher candidates' attitudes towards spelling and punctuation used in social communication tools // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2014. № 152. Pp. 324–332.
16. Fester-Seeger M.-T. Becoming a Knower: Fabricating Knowing Through Coaction // Social Epistemology. 2023. DOI: URL: <https://doi.org/10.1080/02691728.2023.2266716>
17. Linell P. The Written Language Bias (WLB) in linguistics 40 years after // Language Sciences. 2019. Volume 76. DOI: URL: <https://doi.org/10.1016/j.langsci.2019.05.003>
18. Linell P. The Written Language Bias in Linguistics. Its Nature, Origins and Transformations. London, New York : Routledge, 2005. 266 p.
19. Postma A. Detection of errors during speech production: a review of speech monitoring models // Cognition. 2000. Volume 77. Issue 2. Pp. 97–132.
20. Quick N., Erickson K. A Multilingual Approach to Evaluating Student Spelling in Writing Samples // Language, Speech, and Hearing Services in the Schools. 2018. N 49(3). Pp. 509–523. DOI: 10.1044/2018_LSHSS-17-0095
21. Vágvölgyi R, Coldea A, Dresler T, Schrader J., Nuerk H.-C. A Review about Functional Illiteracy: Definition, Cognitive, Linguistic, and Numerical Aspects // Frontiers in Psychology. 2016. 7:1617. DOI: 10.3389/fpsyg.2016.01617

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленный к публикации материал ориентирован на перспективно возможный анализ причин языкового пуризма в сфере интернет-коммуникации. Автор статьи определяет, что «современная коммуникационная среда является источником новых лингвообъектов, представляющих собой как социальные и соответствующие им дискурсивные реалии, так и явления в виде текстовых языковых фактов. Одним из таких объектов, который требует осмысления и в теоретическом, и в методологическом отношении, является феномен электронной речи. Данное явление следует рассматривать в триаде «речь — письмо — электронная речь». В целом, электронная форма речи представляет собой удобный и широко используемый способ коммуникации в современном информационном обществе, который позволяет людям оперативно обмениваться информацией и идеями в письменной форме. При всем удобстве и функциональности, электронная речь давно вызывает опасения даже не столько лингвистов, сколько самих пользователей Сети». Вектор исследования прозрачен, вероятен, активен. Конкретизации ряда необходимых моментов сделана безупречно:

«статья написана по материалам текстов новостных агрегаторов, платформы Яндекс Дзен, художественных произведений, стенограмм устной речи. Для изучения языковых процессов мы проанализировали взгляды лингвистов, раскрывающие понятие лингвистической ошибки и зафиксировали случаи ошибок различного типа в текстах с помощью стилистического, контекстного, синтаксического, семантического, пунктуационного анализа текстовых фрагментов. Эмпирическая база исследования составила 642 примера нарушений норм русского языка». Считаю, что конструктив работы планомерен, точка зрения автора максимально выверена, иллюстративный фон полновесен. Например, «Орфографические ошибки: это ошибки, связанные с правильным написанием слов. Например, придти, апелляция, скуппулезный. Грамматические ошибки: это ошибки, связанные с использованием грамматических правил. К ним относят неправильное использование времен, склонений, падежей и согласований. Например: Проведя опрос, определите, чего не хватает клиенту: финансы, человеческий ресурс, компетенции. Пунктуационные ошибки: это ошибки, связанные с неправильным использованием знаков препинания: запятых, точек, тире, восклицательных знаков. Например, Для чего это все!? вместо Для чего это все?! Синтаксические ошибки: это ошибки, связанные с нарушением правил синтаксиса, таких, как неправильное согласование, управление, порядок слов в предложении, неправильное построение предложений. Например, понимать о том, что..., Подъезжая к городу, началась метель», или «рассмотрим пример... (1) Записки актёра; Привет! Меня зовут Сергей Марочкин и я актёр. Работаю в театре и снимаюсь в кино. На канале Вас ждут истории из актёрской жизни – смешные и не очень, мысли о разном и другие интересности. Обещаю искренность и позитив. Подписывайтесь!; (2) О закрытых актёрских вечеринках и что на них творится ; (3) Отсидевшие актёры и как отсидка на зоне влияет на них; (4) Три истории как я чуть не сорвал спектакли из-за безалаберности; (5) Как переобулся и было предательство: об Алексее Горбунове, его целях и моей ошибке; (6) Культура против, 200-за, 2000-против: Захар Прилепин о том как мало деятелей культуры поддерживают нашу власть; (7) А меня то за что отменяют?: Алексей Серебряков недоумевает от гнева зрителей и отмен спектаклей; (8) Ясные дни забрал себе: Миллиарды из бюджета Газманову и другим артистам, а бронижилеты в кредит и всем народом собирают; (9) Навязанная мода на бездарностей и фриков ; В примере (1) представлено вступление к каналу актера. Мы видим две ошибки — нет запятой перед союзом и, соединяющим грамматические основы, и местоимение Вас, которое пишется с заглавной буквы только при личном обращении к одному человеку» и т.д. Необходимая аналитическая вариация прописана / введена; текст отличается тем, что в нем сращивается фактор традиционного рассмотрения проблемы и новация актуального. Ступенчатый принцип более продуктивен для текста, собственно его автор и пытается пестовать для расшифровки вопроса. Соразмерность частей / глав налична, проекция диалога с критиками / читателями маркирована. В финальном блоке автор приходит к выводу, что «современные реалии представляют всем пользователям интернет-ресурсов безграничные возможности для речетворчества. И чаще всего это новаторство сопровождается отклонением от норм письменного языка. Но для лингвистов этот языковой материал служит своеобразной стенограммой естественного звукового языка, которую составляют сами авторы и пользователи. То есть обращение к текстовому полю языка в виде электронной письменной речи дает понимание, какая языковая среда и уровень грамотности есть сейчас в социуме. Например, в интернет-переписке мы почти не увидим причастий и деепричастий, ошибки, в основном, одни и те же. Для того чтобы найти примеры ошибок в текстах СМИ и художественной литературы (примеры 10–14), нам пришлось немало потрудиться, а для того, чтобы увидеть ошибки в сетевой коммуникации, потребовалось проанализировать только один

канал на Яндекс. Дзен». Список указанных библиографических источников достаточен, стандартные формальные требования научного издания учтены. Тезирую: рекомендую рецензируемую статью «К вопросу о методологических причинах языкового пуризма в интернет-коммуникации» к открытой публикации в журнале «Филология: научные исследования» ИД "Nota Bene".

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Слащева Н.И., Чигринова Е.А., Ефремова Н.В. — Семантические преобразования фразеологизмов в поэтических текстах сборника стихотворений XX века «Порыв. Новые имена.» // Филология: научные исследования. – 2023. – № 12. – С. 138 - 146. DOI: 10.7256/2454-0749.2023.12.69384 EDN: QIGHKA URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69384

Семантические преобразования фразеологизмов в поэтических текстах сборника стихотворений XX века «Порыв. Новые имена.»

Слащева Наталья Ивановна

ORCID: 0000-0001-9865-590X

кандидат филологических наук

доцент, кафедра русского языка и социально-культурной адаптации, Волгоградский государственный медицинский университет

400066, Россия, Волгоградская область, г. Волгоград, площадь Павших Борцов, 1

✉ natalyashkabara@yandex.ru

Чигринова Екатерина Александровна

кандидат филологических наук

доцент, кафедра русского языка и социально-культурной адаптации, Волгоградский государственный медицинский университет

400093, Россия, Волгоградская область, г. Волгоград, ул. Площадь Павших Борцов, 1

✉ kat.belka1990@ya.ru

Ефремова Наталия Владимировна

кандидат филологических наук

доцент, кафедра русского языка и социально-культурной адаптации, Волгоградский государственный медицинский университет

400093, Россия, Волгоградская область, г. Волгоград, ул. Площадь Павших Борцов, 1

✉ natalyashkabara@yandex.ru

[Статья из рубрики "Семантика"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2023.12.69384

EDN:

QIGHKA

Дата направления статьи в редакцию:

20-12-2023

Дата публикации:

31-12-2023

Аннотация: В статье представлено исследование, направленное на выявление коммуникативно-прагматических свойств фразеологических единиц, функционирующих в поэтических текстах сборника «Порыв. Новые имена». Поскольку созданию особой экспрессивности и эмоциональности каждого стихотворения помогает употребление фразеологизмов как в их исходной (словарной) так и в видоизмененной формах, авторами исследования выделяются несколько типов фразеологизмов со структурно-семантическими изменениями. Трансформация фразеологических единиц представляет собой процесс, включающий различные способы обновления узуальных устойчивых выражений для наиболее адекватной характеристики описываемой ситуации. Изученная теоретическая база коммуникативно-прагматической фразеологии послужила толчком для поиска новых данных в современной поэзии. Специфика соотношения фразеологизм – контекст заключается в том, что фразеологическая единица представляет собой как особый самостоятельный контекст, так и является частью общего контекста. Проведены подробное изучение, выборка и анализ различных типов устойчивых фразеологических выражений, использованных и видоизмененных авторами сборника. Особым вкладом авторов в исследование темы является создание на основе изученного материала создание классификации фразеологизмов: с сокращением компонентов фразеологизма, с изменением мест компонентов фразеологизма, с расширением лексического состава фразеологизма, с парадигматическим изменением стержневого компонента фразеологизма, с заменой одного компонента фразеологизма другим. В ходе исследования было выдвинуто утверждение о том, что семантические и структурные изменения внутри фразеологических единиц чаще всего взаимосвязаны и подразумевают друг друга. Данные изменения, их разновидности могут переплетаться в рамках одного стихотворения или отрывка. В стихотворении могут быть фразеологизмы с заменой компонентов, фразеологическая единица с сокращением или расширением компонентов. Следовательно, в рамках одного стихотворения возможно взаимодействие различных фразеологизмов с измененной структурой и семантикой.

Ключевые слова:

поэтический текст, наращение смыслов, трансформация фразеологизмов, фразеологические выражения, сборник стихотворений, классификация, коннотация, значение, индивидуальность, контаминация

Поэты в XX веке расширяют границы возможностей для создания стихотворений, которые будут наполнены не только глубокими мыслями, но и в которые будут включены особые средства создания образности и связи с читателем. Одним из главных таких средств является фразеологизм [\[1\]](#).

Поэтические тексты всегда отличались особыми формами и средствами для ее создания. Средства выразительности, особый ритм, слова и выражения автора – все это создает определенную атмосферу и мир, в которой попадает читатель. Созданию особой

экспрессивности и эмоциональности каждого стихотворения помогает и использование фразеологизмов в их исходной (словарной) и видоизмененной формах.

В качестве основного материала для анализа контаминации фразеологических единиц нами был выбран сборник стихов XX века «Порыв. Новые имена» (1989). В этом сборнике собраны стихи как начинающих (К. Джангиров, М. Дубаев, Д. Новиков, С. Щербаков и др.), так уже и истинных мастеров слова (Ю. Арабов, И. Жданов, О. Николаева, М. Шелехов и др.) 80-х годов.

Сборник «Порыв» – это попытка открытого конкурса дарований, это поэтический турнир самых разных направлений и взглядов. Составитель, редактор книги, издательство стремились показать тенденции развития сегодняшней поэзии, полярные методы поэтического мышления, столкновения разных идей и образных систем. Новая волна отечественной поэзии, которую так долго ждали ценители поэзии и о которой так много и невпопад говорили критики, все-таки возникла. Непредсказуемые, неожиданные, одаренные, стремительные или медлительные, ищущие, ошибающиеся, находящие архаисты и новаторы наших дней...» [\[2, с. 51\]](#).

В ранних работах мы обратили особое внимание на одну из главных тенденций поэтов – на использование всевозможных форм и видов фразеологических единиц. Изученная нами теоретическая база коммуникативно-прагматической фразеологии послужила толчком для поиска новых данных в современной поэзии. Наш материал, в который вошло 387 примеров фразеологизмов, выявленных методом сплошной выборки из сборника стихов «Порыв. Новые имена.» позволил разработать собственную классификацию фразеологических единиц. Она основана на принципе структурно-семантических изменений и включает в себя пять видов изменений, представленных в различном процентном и количественном соотношении, а именно:

1. Сокращение компонентного состава – 5%;
2. Смена мест компонентов внутри фразеологической единицы – 10%;
3. Расширения лексического состава фразеологических единиц – 25%;
4. Парадигматические изменения компонентов (существительное, глагол, прилагательное и др.) фразеологических единиц – 20%;
5. Замена одного или нескольких компонентов – 20%.

Данная работа является логическим продолжением исследования.

Фразеологизм рождается в контексте и в контексте же возрождается его буквальный смысл. Если общеязыковая семантика абстрактна, то речевая – конкретна. Эта конкретность речевой семантики фразеологизма обусловлена ситуацией, контекстом. Специфика соотношения фразеологизм – контекст заключается в том, что фразеологическая единица представляет собой, во-первых, особый самостоятельный контекст и, во-вторых, является частью общего контекста. «Поскольку контекст в широком понимании это не что иное, как речевой поток, в котором конкретизируются языковые единицы, но контекстуальная специфика фразеологизма это, в сущности, фразеологическая специфика взаимодействия язык – речь» [\[3, с. 71\]](#).

В ходе нашего исследования было выдвинуто утверждение о том, что семантические и структурные изменения внутри фразеологических единиц чаще всего взаимосвязаны и подразумевают друг друга. Однако, разнообразие собранных нами данных подтолкнуло

нас рассмотреть некоторые семантические изменения фразеологизмов отдельно. В нашей картотеке примеры семантических преобразований занимают не столь большое место, как структурные. Если же брать их количество в процентном соотношении в зависимости от общего числа фразеологических единиц, то они занимают 30%.

Под семантическим преобразованиями мы будем понимать такой вид трансформации фразеологических единиц, при котором его компоненты попадают в окказиональные сочетания с лексемами, связь с которыми не представлена в словарях.

Слово в поэзии многомерно. В системе поэтического текста содержание слова мотивируется всеми образующими его элементами. ФЕ в поэтическом произведении создают своеобразный замкнутый контекст, в пределах которого возникают особые окказиональные значения слов и сочетаний слов-компонентов. Наиболее полное, глубокое их осмысление сопряжено с выходом в контекст стихотворения, поэтического цикла, творчества поэта в целом.

Обратимся к материалу сборника. В стихотворении «Черные дыры» Александра Шмидта замечаем:

Если друг твой душой кривит,

Ложь шагает при полном параде

И придушенно правда хрипит,

- Значит прорва бездонная рядом <...> [\[2, с. 444\]](#).

Обратим внимание на фразеологическую единицу «**при полном параде**» синтагматически связанную с лексемой «ложь». Во фразеологическом словаре русского языка представлено следующее значение фразеологизма: **В полном (во всем) параде**. В нарядной (праздничной или официальной) одежде, в праздничном убранстве [\[4, с. 310\]](#).

Такая семантика предполагает сочетаемость фразеологических единиц с существительными «человек», реже «животное», и в словарных примерах нет упоминания о том, чтобы данная фразеологическая единица имела отношение к понятиям «добро», «зло», «ложь» и т.д. Следовательно, можно предположить, что Александр Шмидт использует это устойчивое выражение в столь непривычном контексте для того, чтобы придать фразеологизму особый, авторский смысл.

Следующий пример из творчества Виктора Коркии отличается особой стилистической маркировкой и ироничным отношением к такому понятию как «духовно-нравственные ценности».

Мы перешли пределы откровенности,

Однако сохранили про запас

Испытанные нравственные ценности,

Которым грош цена уже сейчас? <...> [\[2, с. 195\]](#).

Рассмотрим исходные словарные значения обоих фразеологизмов. 1. **Про запас**. Прост. На тот случай, если понадобится [\[4, с. 169\]](#). 2. **Грош цена** (в базарный день) кому, чему. Имеет малую ценность или не представляет никакой ценности, никуда не годится, ничего не стоит [\[4, с. 513\]](#). Предположим, что использованием данных фразеологических единиц

по отношению к понятию «ценности», автор подчеркивает современную духовную пустоту общества, отмечая, что люди забывают об истинных ценностях.

У Марины Улыбашевой в стихотворении «Прощанье» выделяем следующий отрывок:

Лягут спать.

Не заскребет ни в груди, ни в подреберье.

И ничто не прошибет

Эти запертые двери <...> [\[2, с. 392\]](#).

Обратим внимание на фразеологизм **«скребет на душе»**: Скребет на душе (на сердце) у кого. Кому-либо грустно, тоскливо, беспокойно, тревожно [\[4, с. 429\]](#). Частица «не» придает выражению отрицательное значение, его семантика становится противоположной и приобретает отрицательную коннотацию. При этом, негативная коннотация представляет собой сложное и многоаспектное явление, которое подразумевает единство семантического, грамматического и прагматического аспектов.

В стихотворениях Дениса Новикова встречаем структурно-семантические изменения:

Кровь ли чужая не сходит мне с рук,

Иль мазохиста душа

Нынче себя же берет на испуг,

Власть «Беламором» дыша? <...> [\[2, с. 292\]](#).

В словаре мы можем найти три значения данного фразеологизма: **«Сходить с рук»**. Сойти с рук. 1. Кому. Оставаться безнаказанными; не получая огласки, проходить безнаказанно. О действиях, поступках кого-либо. 2. Проходить, оканчиваться как-либо. 3. Устар. Продаваться [\[4, с. 465\]](#). Нас интересует первое значение, которое в данном отрывке соединяется с частицей «не» и несет отрицательную коннотацию.

Ирина Знаменская, затрагивая тему человеческого бытия, пишет следующие строки:

А поколение, возмужав,

Лепечет, пузыри пускает...

Жизнь из пустого, зубы сжав,

В порожнее перетекает <...> [\[2, с. 137\]](#).

Расширенный и видоизмененный фразеологизм **«переливать из пустого в порожнее»** со значением: 1. Заниматься бесполезным делом: бесцельно тратить время; 2. Проводить время в разговорах, пустой болтовне [\[4, с. 316\]](#). Чаще всего данный фразеологизм используют, говоря о делах, о работе, об отношениях и т.п. Поэтесса в данном случае сталкивает используемое устойчивое выражение с лексемой «жизнь», что в корне изменяется первое значение данного фразеологизма. «Заниматься бесполезным делом» приравнивается к понятию «жизнь». Так, пессимистический настрой стихотворения рождает новое семантическое значение фразеологической единицы.

Еще один пример преобразования положительного значения фразеологической единицы

в отрицательную, находим в стихотворении «Свободный стих» Сергея Таска:

В некоем царстве, в некоем государстве

Отменили пятистопный ямб, и рифму,

И прочие глупости,

Чтобы поэзия не витала в облаках <...> [\[2, с. 372\]](#).

«Витать (парить) в облаках» (в эмпиреях, между небом и землей) – Пребывать в мечтательном состоянии, предаваясь бесплодным фантазиям, не замечая окружающего [\[4, с. 69\]](#). Данное значение чаще всего используется по отношению к человеку, а в нашем случае автор говорит в таком ключе о поэзии. Это подчеркивает ироничность всего стихотворения Александра Таска, когда он пишет об отмене таких «глупостей» как рифма и пятистопный ямб.

Таким образом, к семантическим (авторским) преобразованиям относятся семантико-стилистические преобразования, не затрагивающие лексико-грамматическую структуру фразеологических единиц. К преобразованиям этого типа относится такой прием как приобретение фразеологизмом дополнительного семантического оттенка. Изменения коннотативного содержания фразеологической единицы заключается в эмотивных, оценочных, экспрессивных и функционально-стилистических компонентах значения, неразрывно связанных с предметно-логическим содержанием языкового знака. В нашем случае, фразеологические единицы приобретают отрицательную коннотацию. Также, встречаются такие изменения фразеологических единиц, в ходе которых появляются новые значения у использованного устойчивого выражения.

Изучение собранных фразеологизмов и распределение их по типу изменения показало, что структурные изменения различного характера широко представлены в русской поэзии, конкретно в стихотворениях двадцатого века. Данные изменения, их разновидности могут переплетаться в рамках одного стихотворения или даже отрывка.

Исследуя собранный материал, мы убедились в том, что использование фразеологических единиц можно рассматривать как элемент идиостиля современных поэтов. Все стихотворения наполнены индивидуальным осмыслением действительности и посылом к читателю. Некоторые прагматические свойства фразеологических единиц закреплены в их семантике и могут быть квалифицированы как прагматическое значение. Эмотивные и экспрессивные свойства фразеологических единиц в поэтическом тексте закреплены в сознании носителей языка, однако исследуемый материал показал множество новых семантических оттенков и значений фразеологических единиц, которые носители языка не привыкли употреблять в своей речи.

Библиография

1. Данилова Н.Н. Эстетическая функция фразеологизмов в художественной коммуникации // Сб. науч. тр. Моск. гос. пед. ин-та иностр. яз. М., 1986. Вып. 266. Лексико-фразеологическая система в аспектах микро- и макроструктур. С. 104-121.
2. Порыв. Новые имена: Сборник стихов. М.: Советский писатель, 1989. 464 с.
3. Мокиенко В. М. Славянская фразеология: Учеб. пособие для вузов по спец. "Рус. яз. и лит." / В. М. Мокиенко. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Высш. шк., 1989.
4. Фразеологический словарь русского языка: Свыше 4000 словарных статей / Л.А.

- Войнова, В.П. Жуков, А.И. Молотков, А.И. Федоров; Под ред. А.И. Молоткова. 4-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1987. 543 с.
5. Валгина Н.С. Теория текста: учебное пособие / Н. С. Валгина. М.: Логос, 2003. 280 с.
 6. Гусейнова Т.С. Трансформация фразеологических единиц в публицистическом дискурсе: объективная закономерность // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2015. № 4 (33). С. 67-71.
 7. Наумова Е.В. Развитие семантики именных фразеологических единиц как фактор их трансформации в речи: Дис... канд. филол. наук. Н. Новгород, 1999. 164 с.
 8. Машина О.Ю. Фразеологическое значение и его оттенки: Автореф. дис ... канд. филол. наук. Новгород, 1998. 25 с.
 9. Эмирова А. М. Русская фразеология в коммуникативно-прагматическом освещении: монография. Симферополь: ООО «Издательство «Научный мир», 2020. 228 с.
 10. Федоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М.: Астрель: АСТ, 2008. 828 с.
 11. Новикова Ю.Н., Атанова Г.Ю. Лексико-семантическая интерпретация русских фразеологизмов с компонентами-антропонимами // Вестник Донбасской национальной академии строительства и архитектуры. 2017. № 1(123). С. 69-73.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Ориентир на анализ фразеологизмов в литературе последнее время стал популярен. Исследователи касаются данного языкового уровня с целью определения значимости устойчивых единиц в текстах, одновременно с этим выявляя как трансформируется конструкция в авторской номинации. Думаю, что затронутый в рецензируемой статье вопрос семантического преобразования фразеологизмов достаточно интересен, нов и актуален. Автор работы останавливается на сборнике «Порыв. Новые имена», объясняя, что «в качестве основного материала для анализа контаминации фразеологических единиц нами был выбран сборник стихов XX века «Порыв. Новые имена» (1989). В этом сборнике собраны стихи как начинающих (К. Джангиров, М. Дубаев, Д. Новиков, С. Щербаков и др.), так уже и истинных мастеров слова (Ю. Арабов, И. Жданов, О. Николаева, М. Шелехов и др.) 80-х годов», «сборник «Порыв» – это попытка открытого конкурса дарований, это поэтический турнир самых разных направлений и взглядов. Составитель, редактор книги, издательство стремились показать тенденции развития сегодняшней поэзии, полярные методы поэтического мышления, столкновения разных идей и образных систем. Новая волна отечественной поэзии, которую так долго ждали ценители поэзии и о которой так много и невпопад говорили критики, все-таки возникла». В статье полновесно объяснен грейд выбора методологии анализа, приведена конструктивная основа труда, уточнена ретроспектива рассмотрения проблемы: «в ранних работах мы обратили особое внимание на одну из главных тенденций поэтов – на использование всевозможных форм и видов фразеологических единиц. Изученная нами теоретическая база коммуникативно-прагматической фразеологии послужила толчком для поиска новых данных в современной поэзии. Наш материал, в который вошло 387 примеров фразеологизмов, выявленных методом сплошной выборки из сборника стихов «Порыв. Новые имена» позволил разработать

собственную классификацию фразеологических единиц». На мой взгляд, работа может стать вариантом-образчиком для написания новых смежно-тематических исследований, ибо в ней на должном уровне раскрывается роль / значимость фразеологизмов в художественных текстах, аргументируется важность данных конструктов в организации эстетического пространства. Стиль сочинения соотносится с собственно научным типом; например, это проявляется в следующих фрагментах: «фразеологизм рождается в контексте и в контексте же возрождается его буквальный смысл. Если общеязыковая семантика абстрактна, то речевая – конкретна. Эта конкретность речевой семантики фразеологизма обусловлена ситуацией, контекстом. Специфика соотношения фразеологизм – контекст заключается в том, что фразеологическая единица представляет собой, во-первых, особый самостоятельный контекст и, во-вторых, является частью общего контекста», или «обратим внимание на фразеологическую единицу «при полном параде» синтагматически связанную с лексемой «ложь». Во фразеологическом словаре русского языка представлено следующее значение фразеологизма: В полном (во всем) параде. В нарядной (праздничной или официальной) одежде, в праздничном убранстве. Такая семантика предполагает сочетаемость фразеологических единиц с существительными «человек», реже «животное», и в словарных примерах нет упоминания о том, чтобы данная фразеологическая единица имела отношение к понятиям «добро», «зло», «ложь» и т.д. Следовательно, можно предположить, что Александр Шмидт использует это устойчивое выражение в столь непривычном контексте для того, чтобы придать фразеологизму особый, авторский смысл» и т.д. Однако, стилистическую правку можно внести в следующие блоки, например: «наиболее полное, глубокое их осмысление сопряжено с выходом в контекст стихотворения, поэтического цикла, творчества поэта в целом...», или «в нашем случае, фразеологические единицы приобретают отрицательную коннотацию. Также, встречаются такие изменения фразеологических единиц, в ходе которых появляются новые значения у использованного устойчивого выражения», «все стихотворения наполнены индивидуальным осмыслением действительности и посылом к читателю. Некоторые прагматические свойства фразеологических единиц закреплены в их семантике и могут быть квалифицированы как прагматическое значение» и т.д. Иллюстративного фона достаточно, примеры удачны, да и разверстка проблемы сделана полномерно: «обратим внимание на фразеологизм «скребет на душе»: Скребет на душе (на сердце) у кого. Кому-либо грустно, тоскливо, беспокойно, тревожно. Частица «не» придает выражению отрицательное значение, его семантика становится противоположной и приобретает отрицательную коннотацию. При этом, негативная коннотация представляет собой сложное и многоаспектное явление, которое подразумевает единство семантического, грамматического и прагматического аспектов». В целом текстового объема достаточно, чтобы обозначить проблему и раскрыть ее. На мой взгляд, библиографию стоит унифицировать, оформление / запись в ряде мест отличается от стандарта: например, « Мокиенко В. М.Славянская фразеология: Учеб. пособие для вузов по спец. "Рус. яз. и лит." / В. М. Мокиенко. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Высш. шк., 1989.». Вывод по тексту не противоречит основному блоку: «исследуя собранный материал, мы убедились в том, что использование фразеологических единиц можно рассматривать как элемент идиостиля современных поэтов. Все стихотворения наполнены индивидуальным осмыслением действительности и посылом к читателю. Некоторые прагматические свойства фразеологических единиц закреплены в их семантике и могут быть квалифицированы как прагматическое значение. Эмотивные и экспрессивные свойства фразеологических единиц в поэтическом тексте закреплены в сознании носителей языка, однако исследуемый материал показал множество новых семантических оттенков и значений

фразеологических единиц, которые носители языка не привыкли употреблять в своей речи». Материал можно использовать практически, осваивая дисциплины гуманитарного цикла. Рекомендую рецензируемую статью «Семантические преобразования фразеологизмов в поэтических текстах сборника стихотворений XX века «Порыв. Новые имена.» к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Менжулина Д.Е., Гунько Ю.А. — Специфика функционирования структурной метафоры в публичном диалоге // Филология: научные исследования. – 2023. – № 12. – С. 147 - 157. DOI: 10.7256/2454-0749.2023.12.69403 EDN: QHDOIQ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69403

Специфика функционирования структурной метафоры в публичном диалоге

Менжулина Дарья Евгеньевна

ORCID: 0000-0003-2147-2886

ассистент, кафедра русского языка как иностранного, Дальневосточный федеральный университет

690922, Россия, Приморский край, г. Владивосток, ул. Аякс, 10, каб. D524

✉ koffikor@yandex.ru

Гунько Юлия Александровна

кандидат филологических наук

доцент, кафедра русского языка как иностранного, Дальневосточный федеральный университет

690022, Россия, Приморский край, г. Владивосток, ул. Аякс, 10, каб. 711

✉ gunko.yua@dvfu.ru

[Статья из рубрики "Дискурс"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2023.12.69403

EDN:

QHDOIQ

Дата направления статьи в редакцию:

22-12-2023

Дата публикации:

31-12-2023

Аннотация: Целью данного исследования является выявление и описание специфики функционирования метафорического переноса и его роли в публичном диалоге. Материалом для анализа послужили расшифрованные видеозаписи интервью Дарьи Златопольской в рамках передачи «Белая студия» телевизионного канала Культура.

Объектом исследования является структурная метафора, «то есть те случаи, когда одно понятие структурно метафорически упорядочивается в терминах другого» [11, с. 35]. Предметом исследования является процесс зарождения и характер развёртывания метафорического переноса в публичном диалоге. Особое внимание авторы уделяют описанию механизма (модели) функционирования метафоры, а также интегрирующей функции метафорического переноса в публичном диалоге. Кроме того, в работе представлены языковые средства, демонстрирующие перенос признаков сферы-источника на сферу-мишень при метафорической проекции. Метод научного наблюдения, описательный метод (включающий приёмы наблюдения, обобщения, интерпретации), метод семантического анализа, метод контекстуального анализа, метод прагматического анализа. Научная новизна исследования заключается в рассмотрении роли структурной метафоры в построении публичного диалога, во взгляде на метафорический перенос не как на необычное использование слова, а как на перенос одной ситуации на другую, разворачивающийся на протяжении целого коммуникативного эпизода или его части. В результате исследования сделан вывод о том, что метафорический перенос – результат сотворчества говорящих, стимул которому в большинстве случаев задаёт ведущий. Метафорический перенос структурирует и связывает коммуникативные эпизоды телеинтервью как коммуникативного события, выполняя интегрирующую функцию. В процессе беседы ведущий и собеседник актуализируют те или иные стороны сферы-источника или сферы-мишени, в результате чего происходит сужение или расширение метафоры. Постоянное возвращение к заданной метафоре обуславливает нелинейную структуру публичного диалога.

Ключевые слова:

метафора, метафорический перенос, когнитивная метафора, структурная метафора, диалогическая речь, публичный диалог, телеинтервью, коммуникативное событие, коммуникативный эпизод, структура диалога

В современной лингвистике распространены два подхода к изучению метафоры: формальный и когнитивный.

Формальный подход заключается во взгляде на метафорический перенос, как на «употребление слова (словосочетания, предложения), предназначенного для обозначения одних объектов (ситуаций) действительности для наименования или характеристики других объектов (ситуаций) на основании условного тождества приписываемых им предикативных признаков» [\[9, с. 24\]](#).

Когнитивный подход представлен в работах Дж. Лакоффа и М. Джонсона, А. Н. Баранова, Э.К. Макормака, Н.Д. Арутюновой. М. Блэка и др. Основной тезис этого подхода сводится к идее, что в основе каждой метафоры «лежат процедуры обработки структур знаний — фреймов и сценариев». Метафора понимается как результат взаимодействия двух когнитивных структур знаний, в результате которого содержание одной понятийной области (сферы-мишени) осмысливается посредством другой (сферы-источника). [\[4, с. 9\]](#)

Одной из основных функций метафоры является когнитивная, которая заключается в том, что «метафора позволяет нам понимать довольно абстрактные или по природе своей неструктурированные сущности в терминах более конкретных или, по крайней мере, более структурированных сущностей» [\[4, с. 10\]](#).

Нас интересует, как ведёт себя метафора в публичном диалоге. Диалог, в свою очередь, мы рассматриваем как «законченное речевое взаимодействие и целостное произведение речи, порождаемое коммуникантами в рамках единого коммуникативного события» [7, с. 13]. Вслед за Борисовой И.Н. мы понимаем коммуникативное событие как «ограниченный в пространстве и времени, мотивированный, целостный, социально обусловленный процесс речевого взаимодействия коммуникантов» [6, с. 11]. Особая единица членения коммуникативного события – коммуникативный эпизод, выделяемый на основании коммуникативно-деятельных признаков и наличия в тексте формальных и семантических показателей связности и тематического единства [7, с.22]. Цельность и связность текста может достигаться как типичными языковыми средствами (языковыми скрепами, контактными словами, разными видами повторов), так и тематически [8, с. 435].

Организатором коммуникативного эпизода является ведущий телеинтервью, так как право задавать вопросы и выбирать тему разговора, осуществлять основную стратегию в телеинтервью принадлежит ему. В процессе порождения метафорического переноса участвуют оба собеседника, но в подавляющем числе случаев именно ведущий становится инициатором порождения первичной метафоры, которая развивается и видоизменяется во время дальнейшей дискуссии в результате взаимоинтерпретации речевых актов.

Интервьюер предлагает собеседнику тему в рамках метафорического переноса, апеллируя к какому-то факту из его прошлого. В случае, если собеседник принимает предложенную тему и знаковую систему для ее разворачивания, мы наблюдаем, как абстрактное X (сфера-мишень) объясняется через предметное Y (сфера-источник) в рамках концептуальной метафоры.

Рассмотрим описанный процесс зарождения и развёртывания метафоры подробнее на материале интервью Дарьи Златопольской с Валерием Тодоровским (программа «Белая студия» 2020 г.).

В ходе диалога возникает новый коммуникативный эпизод, в начале которого Златопольская апеллирует к рассказу Петра Тодоровского (отца интервьюируемого) о войне. Мы выделяем метатекстовый маркёр смены темы, который указывает на начало нового коммуникативного эпизода интервью.

Златопольская: *Ваш папа / говоря о войне / неожиданный такой поворот / темы/ он / очень точно сказал // что когда ты попадаешь на фронт / то сначала ты очень смел / ты встаёшь в атаку / тебе всё легко / ты ничего не боишься / но как только ты получаешь первое ранение / даже несерьёзное / ты уже не чувствуешь себя больше неуязвимым / и вот потом это очень трудно вернуть себе опять вот это чувство что ты можешь / вставать в атаку / и вообще / возвращаться на линию фронта //*

На основе общего контекста Дарья Златопольская переносит опыт переживания ранения на войне на опыт неудачи в мирной жизни, порождая первичную метафору РАНЕНИЕ – это НЕУДАЧА.

Златопольская: *наверное таким **ранением** можно назвать какие-то **неудачи**/ после которых ты перестаёшь чувствовать свою **неуязвимость** //*

В основе создания метафоры лежат понятия из ближайшего окружения человека, так как чем понятие ближе реципиенту, тем удачнее метафора. [1] С одной стороны

Златопольская апеллирует к опыту Тодоровского, который, скорее всего, слышал рассказы отца о войне, с другой – апелляция к его опыту переживания неудач, который в определённом виде есть у всех людей, тем более у творческих людей.

Тодоровский: я всегда себя ощущал **уязвимым** и продолжаю ощущать уязвимым // у меня нет / сложившейся некой картины мира и себя / в которой у меня есть / своё место / своя роль / и / и это уже такая **броня** / да / сижу / в этом **окопе** / и знаю что это уже мой **окоп** / там / туда **не дострелят** / **снаряд** туда **не долетит** // нет / у меня ощущение что я вполне себе **стою в голом поле** / и любой **снаряд** может меня **задеть** /

Тодоровский: понимаете / да / хочется **выйти с этого поля** / где **перестрелка идёт** / во все стороны **летают трассирующие пули** / и **залезть в** нормальный **окоп** / да / и там / уже **из окопа** / **постреливать** / потихоньку куда-нибудь / но знать / что туда не залетит / а если **залетит** то какой-нибудь мелкий **осколочек** случайный / да / но **снаряд** напрямую **не попадёт** / а чтобы **залезть в этот окоп** нужно наконец уже решить / а кто я / я кто / и этого состояния я боюсь больше всего / потому что в тот момент / когда я пойму / кто я / всё / мне конец //

Тодоровский принимает предложенную тему и развивает эту мысль в рамках структурной метафоры ЖИЗНЬ (РЕЖИССЁРА) (сфера-мишень) – ЭТО ВОЙНА (сфера источник), осмысляя свою жизнь и жизнь своих коллег в терминах войны. Метафора ЖИЗНЬ (РЕЖИССЁРА) – ВОЙНА строится на противопоставлениях чувств страха и чувства неуязвимости, безопасного окопа и поля, в котором идёт перестрелка. В окопе спокойная жизнь «в броне» и чувство успокоенности, которые возможны, когда человек перестаёт хулиганить и рисковать. Броня интерпретируется как «своё место», перечень заслуг, которые можно выставить в качестве брони и защититься от неудачи (ранения), то есть не делать ничего нового и поэтому не рисковать. Ситуация, когда человек сидит в окопе и «постреливает потихоньку куда-нибудь», то есть не рискует и сохраняет минимальную видимость деятельности, переносится им на ситуацию, когда человек перестаёт пытаться сделать что-то новое в своей профессиональной сфере.

В результате метафорического переноса Тодоровский рассуждает о жизни (профессиональной деятельности) в терминах войны. Это отражается и на выборе лексики. Так, текстовые фрагменты, структурированные метафорой ЖИЗНЬ – это ВОЙНА, наполнены лексикой, которую можно объединить в лексико-тематические группы с ядерными (доминантными) семами «ВОЙНА» и «ТВОРЧЕСТВО».

В ЛТГ «ВОЙНА» вошли следующие группы слов и выражений:

Группы существительных: боевые построения, участки фронта (фронт, линия фронта, окоп); состояния и действия, связанные с войной (война, атака, перестрелка, ранение, уязвимость, неуязвимость); боеприпасы (снаряд, пули, осколочек);

Группы глаголов: решительное поведение, борьба (атаковать, вставать, идти, возвращаться); связанные с использованием оружия (долетит, летают, постреливать, дострелять, залетит, попадёт, задеть, получить); отказ от борьбы (выйти, залезть); глаголы в форме причастия со значением характеристики боевых снарядов (трассирующий).

В ЛТГ «ТВОРЧЕСТВО» вошли следующие группы слов и выражений:

Группы существительных: роль человека в искусстве (профессия, роль, классик, ученик); носитель информации (фильм, интервью); приз (награда);

Группы глаголов: выражение отношения, оценка (похвалить, поругать); решительное действие, нарушение (хулиганить, ломать);

Группы прилагательных: характеристика процесса (неторопливый).

Окончание коммуникативного эпизода, основанного на метафоре «ЖИЗНЬ – ВОЙНА» маркируется сменой темы, на что указывает частица «вот» со значением иллюстрации, апеллирующая к фильму «Слуга» 1963 г.

Златопольская: *Человек ищет / вот это безопасное место / разными способами / и в частности вот картина / которую я знаю / вы любите / «Слуга» / это картина которую тоже очень люблю и // может быть имеет смысл кому-то напомнить что там очень простой сюжет //*

Несмотря на смену коммуникативных эпизодов коммуниканты ещё несколько раз возвращаются в рамки метафоры ЖИЗНЬ – ВОЙНА, выделяя более узкие метафоры (субфреймы) БЫТЬ ОБМАНУТЫМ – ПОЛУЧИТЬ (ФИЗИЧЕСКОЕ) РАНЕНИЕ, ЧУВСТВО УЯЗВИМОСТИ – НЕДОВЕРИЕ К ЛЮДЯМ. Отрицательный опыт человеческих отношений предательство, осмысляется через физический опыт увечья. Чувство уязвимости, вызванное физическим ранением, переносится на недоверие к людям, возникающее после предательства.

В новом коммуникативном фрагменте, на начало которого указывает метатекстовый маркер смены темы, Златопольская подсвечивает один из аспектов жизни – человеческие отношения, смещая фокус с профессиональной жизни собеседника на личную.

Златопольская: *А вот если сейчас вернуться всё-таки к теме неуязвимости / вот хорошо в творчестве у вас её никогда не было но вот вы сейчас же сказали / что в плане отношений / вы испытывали некое чувство неуязвимости // Вам казалось что с вами такого не может произойти //< ...>*

В следующем отрывке мы видим метатекстовый маркер вывода. Златопольская предлагает собеседнику вернуться к метафоре, заданной в предыдущем коммуникативном фрагменте БЫТЬ ОБМАНУТЫМ – ПОЛУЧИТЬ РАНЕНИЕ.

Златопольская: *<...> в таком случае можно сказать что вы получили всё-таки это **ранение** / да / то есть некий человек изменил ваше представление о том что вообще возможно между людьми / Вы можете оставить позади и опять **доверять людям** или всё-таки это сильно / как ...*

Тодоровский: *Раньше нет нет нет / нет / это очевидно / это называется опыт / да / **ранения** <...>*

Тодоровский вновь принимает предложенную знаковую систему, начиная говорить о мирной жизни и отношениях с людьми в терминах войны.

Одной из особенностей функционирования метафорического переноса в публичном дискурсе, на наш взгляд, является постоянное расширение или сужение уже используемой части метафоры, которое возможно благодаря активному успешному взаимодействию коммуникантов. На примере телеинтервью с Валерием Тодоровским мы прослеживаем попеременное сужение и расширение мишени метафорического переноса: НЕУДАЧА – (ФИЗИЧЕСКОЕ) РАНЕНИЕ --> ЖИЗНЬ – ВОЙНА ПРЕДАТЕЛЬСТВО – (ФИЗИЧЕСКОЕ) РАНЕНИЕ

Похожим образом строятся и другие проанализированные нами метафорические переносы в публичном дискурсе. Например, в интервью с Никитой Михалковым («Белая студия», 2014 г.) коммуникация разворачивается в рамках онтологической метафоры ЧЕЛОВЕК – МУЗЫКАЛЬНЫЙ ИНСТРУМЕНТ. В основу этой метафоры лёг опыт обращения материальным объектом (музыкальными инструментами), который позволяет интерпретировать абстрактную роль человека через предметное – музыкальный инструмент.

Интересующий нас метафорический перенос разворачивается в коммуникативном эпизоде, начало которого маркируется метакоммуникативным элементом речи со значением введения темы.

Златопольская: *Очень интересно Вы рассказывали / когда Вы ставили с итальянцами Чехова / и Вам никак не удавалось из них вот как раз / они никак не соприкасались вот с этим вот миром / этим кружевом / и тогда вы воспользовавшись идеей собственно Михаила Чехова / который уже был здесь упомянут / невероятно талантливый человек / что каждое искусство стремится быть музыкой в конечном счёте //*

Михалков: *похожим на музыку / да //*

Златопольская: *да / похожим на музыку //* и Вы всем артистам предложили представить себя музыкальными инструментами и вот тогда у них как бы стало получаться //

Златопольская задаёт метафору «искусство – музыка», в рамках которой будет строиться коммуникативный эпизод, используя высказывание Михаила Чехова о том, что любое искусство пытается быть похожим на музыку. Одновременно с этим происходит сужение цели метафорического переноса: Златопольская обращается к опыту Михалкова в постановке театрального произведения. Целью переноса изначально стали участники творческого процесса (актёры, персонажи). Михалков принимает предложенную тему, и дальнейшая коммуникация в рамках коммуникативного эпизода строится в рамках заданной метафоры: процесс театральной постановки осмысляется как музыка (музыкальное произведение), а участники этого процесса как музыкальные инструменты и издаваемые ими звуки.

По мнению Михалкова для точного передачи характера героя актёрам необходимо соотнести каждого персонажа с тем или иным музыкальным инструментом. Это позволяет выделить фрейм «ЧЕЛОВЕК – МУЗЫКАЛЬНЫЙ ИНСТРУМЕНТ» и субфреймы «АКТЁР МУЗЫКАЛЬНЫЙ ИНСТРУМЕНТ», «ПЕРСОНАЖ – МУЗЫКАЛЬНЫЙ ИНСТРУМЕНТ».

Михалков: *<...> поэтому когда слова они стали говорить / но / говорят слова / все по тексту / я говорю зачем / ну что ты говоришь / говорят как / там написано / я говорю / какая разница что там написано //* ну какая разница / что там написано // ну они не понимают просто и всё // и вот тогда я вспомнил / просто мне пришёл на помощь / божьей милостью / Михаил Чехов / который эту фразу упоминает / эту мысль / что любое искусство пытается быть похожим на музыку / всё <...> поэтому // как вы думаете / вот кто // какой **инструмент** вот этот **герой** / там / **Щербук** // ну как / ну вот как / какой он **музыкальный инструмент** / вот если бы он был **инструментом** / он может быть там / **арфой** // нет / конечно не может // а **флейтой** / тоже не может // а кем он может / а может быть // **литаврой** / да / **литаврой** может / а ещё // **тубой** / о / **поп поп поп поп...**[подражает тубе] о / вот это / а ты / а вы / а это // а теперь вот вы все помните **тарарарари** [напевает] / и вот каждый / так сказать / в то время / когда должен **вступить со** своим **текстом** / вместо того чтобы / говорить слова / **сыграйте** мне этот **инструмент** / эту **фразу** / сыграйте не смысл её / а как бы **флейта** это сделала / или как

бы // у них пластика другая // потому что уже **Щербук** не может **петь пупу** / и он весь пластически изменился / и все остальные / это очень интересная штука //

В следующем коммуникативном эпизоде Златопольская смещает фокус внимания с репетиции спектакля в итальянском театре на личность Михалкова (его коллег) как режиссёра. На начало нового коммуникативного эпизода и отклонение в сторону от основной темы указывает маркёр направления хода мысли «кстати».

Златопольская: а кстати вы сами **какой инструмент**?

Михалков: я хотел бы быть **рояль** //

Златопольская: ну //

Михалков: **орган** // нет / вообще хороший вопрос конечно / я никогда не задумывался об этом // хотел быть **органом** / но оказался **барабаном** / **пионерским** // я не рискую /

Златопольская: ну / по крайней мере величие замысла /

Михалков: да / конечно // но вообще по большому счёту/ вопрос замечательный / потому что / **режиссура** это и есть **орган** // потому что // потому что / если **режиссёр барабан** / то у него и **кино** / так сказать / и **актёры** у него как **барабаны играют** / это важно // **рояль** / вот **рояль** наверно / **рояль** // а скажем / вот интересно / ой / замечательный вопрос / я вот со студентами поговорю / когда академию запущу / кто какой **инструмент** / **Феллини** какой **инструмент** / интересно очень //

В этом коммуникативном эпизоде мы выделяем субфрейм «РЕЖИССЁР – МУЗЫКАЛЬНЫЙ ИНСТРУМЕНТ». Таким образом, в этом интервью мы видим два коммуникативных эпизода, структурируемых общей метафорой ЧЕЛОВЕК – МУЗЫКАЛЬНЫЙ ИНСТРУМЕНТ.

В интервью с Камой Гинкасом («Белая студия», 2018 г.) часть диалога организована структурной метафорой, основанной на ориентационной метафоре, связанной с противопоставлением «вверх – низ».

В новом коммуникативном эпизоде Златопольская обращается к личному детскому опыту собеседника. Она переносит ситуацию, когда человек тонет, на профессиональную деятельность собеседника. Гинкас принимает предложенную тему, развивая её в метафору. Как и в примере выше, начало коммуникативного эпизода маркируется метатекстовым маркером ввода темы.

Златопольская: Вы рассказывали / как в детстве **тонули** / это тоже такая удивительная вещь / которую я вижу в ваших спектаклях / что / для того чтобы **выплыть** / да / нужно **коснуться дна** / потому что ты от него...

Гинкас: не **коснуться** / а **дойти до самого дна** / именно **дойти** // **коснуться** может **недостаточно** / то есть **дойти до дна** / пока ты **не дошёл до дна** / ты **не выплывешь** // это я / действительно / как ни странно / открыл в шести семилетнем возрасте // ну правда тогда не столь глубоко / не столь философски / а очень практически / потому что я **оттолкнувшись от дна** / понял только тогда я **спасусь** // **высунув** / **рот из воды и крикнув** / **спасите** / и опять я понимал дальше / что надо опять **дойти до дна** / иначе я **утону** // я ждал / когда **дойду до дна** / чтобы **оттолкнуться** и опять **выскочить** //

Златопольская: это поразительно //

Гинкас: и это всю жизнь // может быть не у всех / я говорю про себя // у меня

неоднократно в жизни были такие моменты / когда я / **доходил до дна** / естественно не желая этого / но **доходил до дна** / и / и / и так получалось / что именно только тогда когда я **доходил до самого дна** / вот здесь очень важно / именно **до самого дна** / а не так если так чуть-чуть ничего не получится / надо **идти** чтобы **оттолкнуться** как следует //

В этом коммуникативном эпизоде мы видим неравнозначность объёма обмениваемых реплик: Златопольская не успевает произнести свою реплику до конца, получая моментальную реакцию от собеседника. Гинкас перебивает ведущую и переносит конкретный опыт из своего прошлого на абстрактное понятие «неудача», уточняя и развивая сказанное собеседницей при минимальных усилиях ведущей. Для Камы Гинкаса жизнь — это постоянное движение вверх-вниз, от неудачи к успеху: для того, чтобы добиться успеха (выплыть и спастись) необходимо дойти до самого дна и оттолкнуться (потерпеть неудачу). Опыт успеха после больших неудач (кризиса) объясняется через опыт человека, который тонул.

Тенденцией, которая прослеживается и в этом примере, является то, что спустя несколько коммуникативных эпизодов, тематически не связанных с представленным выше, коммуниканты возвращаются к заданной ранее метафоре, расширяя мишень метафорического переноса с профессиональной жизни до жизни в целом.

В ходе интервью Златопольская вновь обращается к опыту переживания неудач собеседника, стимулируя его рассказать о кризисных моментах своей биографии, тем самым вновь возвращая коммуникацию в рамки заданной ранее метафоры. Мы видим метатекстовый маркер «тогда» со значением пояснения. «Говорящий возвращает повествование на некую точку, чтобы раскрыть более подробно некое утверждение» [\[10\]](#). Златопольская отмечает рассказанное собеседником как самый кризисный момент его жизни (дно).

Златопольская: Вот вы говорили что в тот момент / когда у вас был такой / достаточно кризисный момент / и в творчестве и это пересекалось с жизнью / потому что в силу того что у вас не было работы в театре / вы и в жизни тоже не могли там / обеспечивать свою семью и так далее // и вы как-то сказали что стали задумываться что может быть отец был прав может быть что нужно было заниматься чем-то серьёзным //

Гинкас: <...> а потом безработный // ставлю спектакли закрывают / один / потом через два года / как-то получаю спектакль и тот закрывают / и так далее и так далее // а потом наступает момент / когда просто спектакли в течение трёх лет нет и они не светят <...> я попытался / стало ещё хуже / потому что / ты как / штырь / вылезает <...> и вот когда стало понятно что в общем больше ничего не светит / пришло какое-то / как называется смирение / то есть / только давайте не в религиозном смысле / а в самом простом // и я смирился / что я никто / что я ноль / что это ошибка // не потому что папа говорил / а просто я вспомнил / что папа / не потому что надо что-то / ну // нет // ну это ошибка / это самомнение / и принял это // то есть куда-то вся моя гордыня / и амбиции / куда-то исчезли // временно //

Златопольская: ну да / вы тогда коснулись / видимо / этого дна //

Гинкас: да / и резко оттолкнулся //

Мы видим, что метафорический перенос не структурирует коммуникативный эпизод целиком, как в прошлых примерах, но является неким выводом всего сказанного, связывающим этот коммуникативный эпизод с предыдущими. Благодаря этой связи

нелинейная композиция интервью не мешает собеседникам успешно интерпретировать реплики друг друга на основе общего контекста, уже сформированного метафорой.

Таким образом, механизм порождения и развёртывания метафорического переноса в диалогической речи выглядит следующим образом: предложение интервьюером темы (апелляция к какому-то факту из прошлого собеседника) в рамках метафорического переноса --> Принятие собеседником предложенной темы и знаковой системы --> Перенос заданной ситуации на профессиональную жизнь собеседника --> Концептуальная метафора X (сфера-мишень) – Y (сфера-источник). В большинстве случаев инициатором порождения метафоры становится интервьюер, что обусловлено особенностью жанра телеинтервью, но в зависимости от особенностей собеседника эту роль может выполнять и гость. Одна из особенностей функционирования метафорического переноса в публичном дискурсе заключается в попеременном расширении или сужении уже используемой метафоры.

В интервью с Валерием Тодоровским мы видим следующее движение: НЕУДАЧА – (ФИЗИЧЕСКОЕ) РАНЕНИЕ-> (расширение) ЖИЗНЬ – ВОЙНА--> ПРЕДАТЕЛЬСТВО – (ФИЗИЧЕСКОЕ) РАНЕНИЕ (сужение).

В интервью с Никитой Михалковым изменение однонаправленное: ЛЮБОЕ ИСКУССТВО – МУЗЫКА à АКТЁР/ПЕРСОНАЖ/РЕЖИССЁР – МУЗЫКАЛЬНЫЙ ИНСТРУМЕНТ (сужение).

Подобные изменения говорят нам о том, что процесс метафоризации не конечен и происходит на всём протяжении коммуникации. В рассмотренных нами публичных диалогах концептуальная метафора структурирует и связывает отдельные сегменты интервью, «пронизывая» коммуникативные эпизоды. Это позволяет нам сделать вывод о том, что она обладает интегрирующей функцией.

Библиография

1. Абдримова А.Е. Модели регулярного метафорического переноса в газетном дискурсе // Наука и современность. 2010. №3-2. С. 251-255.
2. Арутюнова Н.Д. Вступительная статья. Метафора и дискурс // Теория метафоры. Москва: Издательская группа «Прогресс», 1990. С. 5-32.
3. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека // 2-е изд., испр. Москва: Языки русской культуры, 1999. 911 с.
4. Баранов А.Н. Предисловие редактора. Когнитивная теория метафоры почти двадцать пять лет спустя // Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004. С. 7-21.
5. Блэк М. Метафора // Теория метафоры. Москва: Издательская группа «Прогресс», 1990. С. 153-172.
6. Борисова И.Н. Русский разговорный диалог: проблема интегративности. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. докт.филол.наук. Екатеринбург, 2001. С. 11.
7. Борисова И.Н. Русский разговорный диалог: структура и динамика. М.: Изд-во КД «ЛИБРОКОМ», 2009. 320 с.
8. Голанова Е.И. Активные процессы в сфере публичного общения // Современный русский язык. Активные процессы на рубеже XX-XXI веков / Институт русского языка им. В. В. Виноградова Российской академии наук. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 415-494.
9. Дебердеева Е.Е. Метафора в контексте лингвистических исследований // Вестник Таганрогского государственного педагогического института. 2008. №1. С. 23-27.

10. Одекова Ф.Р. О некоторых функциях метатекстовых операторов русского языка // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2007. № 3. Ч. 2. С. 148-149.
11. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. / Под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004. С. 256.
12. МакКормак Э. Когнитивная теория метафоры // Теория метафоры / Общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. М, 1990. С. 358-38.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Специфика функционирования структурной метафоры в публичном диалоге», предлагаемая к публикации в журнале «Филология: научные исследования», несомненно, является актуальной, ввиду рассмотрения специфики функционирования метафоры на материале публичных диалогов на материале русского языка.

Практическим материалом исследования явился материал интервью Дарьи Златопольской с Валерием Тодоровским (программа «Белая студия» 2020 г.), интервью с Никитой Михалковым («Белая студия», 2014 г.), интервью с Камой Гинкасом («Белая студия», 2018 г.)

Автором применялся междисциплинарный подход, используются как методы когнитивной лингвистики, так и стилистики. Работа имеет междисциплинарную направленность. Статья является новаторской, одной из первых в российском языкознании, посвященной исследованию подобной тематики в 21 веке. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Используются следующие методы исследования: статистический, логико-семантический анализ, герменевтический и сравнительно-сопоставительный методы.

Отметим скрупулёзный труд автора по проведению выборки иллюстративного материала. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором.

К недостаткам можно отнести отсутствие четко поставленных задач в вводной части, неясность методологии и хода исследования. Отметим, что вводная часть не содержит исторической справки по изучению данного вопроса как в общем, так и в частном. Отметим, что заключение требует усиления, оно не отражает в полной мере задачи, поставленные автором и не содержит перспективы дальнейшего исследования в русле заявленной проблематики.

Библиография статьи насчитывает 12 источников, среди которых теоретические работы исключительно на русском языке, включая переводные.

Считаем, что обращение к трудам зарубежных исследователей на языке оригинала, несомненно, обогатило бы работу.

К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации.

Технически при оформлении библиографического списка нарушены общепринятые требования ГОСТа, а именно несоблюдение алфавитного принципа оформления источников.

В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены.

Высказанные замечания не являются существенными и не влияют на общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по стилистике и теоретической грамматике. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Специфика функционирования структурной метафоры в публичном диалоге» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Англоязычные метаданные

Representations of the concept sphere "happiness" in O. Wilde's fairy tale "The Happy Prince"

Kretova Larisa Nikolaevna

PhD in Philology

Associate Professor of the Department of English Language, Novosibirsk State Pedagogical University,
630133, Russia, Novosibirsk region, Novosibirsk, Vysotsky str., 41/4, sq. 230

✉ kretlarisa@mail.ru

Chernobrov Aleksei Aleksandrovich

Doctor of Philology

Professor, Department of English, Novosibirsk State Pedagogical University
630126, Russia, Novosibirsk region, Novosibirsk, Vlyuyskaya str., 24, office 185

✉ a.chernobrov@bk.ru

Abstract. The subject of the research is the methods of verbalization of the conceptual sphere

"happiness" in Oscar Wilde's fairy tale "The Happy Prince".

The object of our research is the conceptosphere

"happiness" in the English text.

For the study, the fairy tale "The Happy Prince" was chosen, characterized by the author's manner of expression of thought and containing the "happiness" concept sphere we are considering. When translating literary texts, the preservation and transmission of such universal concepts as the concept of "happiness" are necessary.

The relevance of this work is connected with the intensively developing cognitive direction in the study of literary text and with interest in the development of such key concepts as "concept" and "conceptosphere". Our research touches upon the problems of the transfer of the conceptual sphere when translated into another language and reveals the similarities and differences of the conceptual spheres of different languages, examines the specifics of the author's conceptual sphere.

The following methods were used in solving problems during the work:

- method of theoretical analysis of literature;
- method of definitional analysis;
- method of conceptual analysis;
- method of component analysis;
- descriptive method;
- comparative method.

The novelty of the work lies in determining the structure of the conceptosphere "happiness" in Oscar Wilde's fairy tale "The Happy Prince", as well as its translations into Russian, the structure of the conceptosphere is considered, the composition of the nuclear and peripheral zones is determined, a comparative analysis of the representation of the conceptosphere in the use, in the original text and in the translation texts is carried out. Our research touches upon the problems of the transfer of the conceptual sphere when translated into another language and reveals the similarities and differences of the conceptual spheres of different languages, examines the specifics of the author's conceptual sphere.

Keywords: definition, original, translation, The Happy Prince, fairy tale, artistic text, concept sphere, core of the concept sphere, concept, periphery of the concept sphere

References (transliterated)

1. Babenko L. G. Filologicheskii analiz teksta. Praktikum. M.: Akademicheskii Proekt, 2003. 400 s.
2. Vezhbitskaya U. A. Yazyk. Kul'tura. M.: Russkie slovari, 1996. 411 s.
3. Verbitskaya O. M., Gavriilyuk E. L. Osobennosti avtorskogo stilya Oskara Uail'da (na materiale skazov O. Uail'da) // Nauchno-pedagogicheskii zhurnal Vostochnoi Sibiri Magister Dixit. 2013. № 1 (13). S. 121-131.
4. Vorkachev S. G. Kontsept schast'ya: ponyatiinyi i obraznye komponenty // Izvestiya RAN Seriya lit-ry i yazyka. 2001. T. 60, № 6. S. 47-58.
5. Vorkachev S. G. Kontsept schast'ya v russkom yazykovom soznanii: opyt lingvokul'turologicheskogo analiza. Krasnodar : KubGTU, 2002. 142 s.
6. Zvyagintseva A. V. Intonatsionnyi uroven' realizatsii kontseptosfery teksta: na materiale angliiskogo yazyka: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M., 2008. 19 s.
7. Karasik V. I. Yazykovoi krug: lichnost', kontsepty, diskurs. // Volgograd : Peremena, 2002. 476 s.
8. Kovtun E. N. Gorod kak model' prostranstva Mira Posmertiya v rossiiskoi, inoslavyanskoi i zapadnoi fantastike // *Slavyanovedenie*, 2022, izdatel'stvo FGBU "Izdatel'stvo "Nauka" (Moskva), № 3. S. 121-136.
9. Komissarov V. N. Teoriya perevoda (lingvisticheskie aspekty) [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.doccity.com/ru/komissarov-v-n-teoriya-perevoda/7490234/> (data obrashcheniya: 17.09.2023)
10. Komissarov V. N. Obshchaya teoriya perevoda. Problemy perevodovedeniya v osveshchenii zarubezhnykh uchenykh. Uchebnoe posobie. M.: CheRo, 1999. 134 s.
11. Kubryakova E. S. Yazyk i znanie: Na puti polucheniya znaniy o yazyke: Chasti rechi s kognitivnoi tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira / Ros. akademiya nauk. In-t yazykoznaniiya. – M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2004. – 560 s. – (Yazyk. Semiotika. Kul'tura).
12. Kubryakova E. S. Ob ustanovkakh kognitivnoi nauki i aktual'nykh problemakh kognitivnoi lingvistiki // Voprosy kognitivnoi lingvistiki, 2004. № 1. S. 6-17.
13. Likhachev D. S. Kontseptosfera russkogo yazyka // Izvestiya RAN. Ser. lit. i yaz, 1993. 468 s.
14. Popova Z. D., Sternin I. A. Ocherki po kognitivnoi lingvistike. Voronezh, 2001. 191 s.
15. Prokhorov Yu. E. K probleme «kontsepta» i «kontseptosfery» // Yazyk, soznanie, kommunikatsiya: Sb. statei. M.: MAKSPress, 2005. Vyp. 30. S. 74-94.
16. Sdobnikov V. V. Teoriya perevoda: (uchebnik dlya studentov lingvisticheskikh vuzov i fakul'tetov inostrannykh yazykov). M.: AST: Vostok–Zapad, 2007. 448 s.
17. Slyshkin G. G. Lingvokul'turnye kontsepty pretsedentnykh tekstov v soznanii i diskurse. M.: Academia, 2000. 139 s.
18. Uail'd O. Schastlivyi prints i drugie skazki. M.: Izdatel'stvo IKAR, 2014. 204 s.
19. Uail'd O. Schastlivyi prints: Skazki. Per. s angl. K. Chukovskii. M.: Martin, 2019. 192 s.
20. Uail'd O. Schastlivyi Prints. Per. s angl. P.V. Sergeev, G. Nuzhdin [Elektronnyi resurs]. URL: <http://lib.ru/WILDE/prince.txt>. (data obrashcheniya: 20.05.2023).
21. Kubryakova E. S. Yazyk i znanie: Na puti polucheniya znaniy o yazyke: Chasti rechi s

- kognitivnoi tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira / Ros. akademiya nauk. In-t yazykoznaniiya. M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2004. S. 34-38.
22. Karasik V. I. Yazykovoi krug: lichnost', kontsepty, diskurs. // Volgograd : Peremena, 2002. S. 90.
 23. Slyshkin G. G. Lingvokul'turnye kontsepty pretsedentnykh tekstov v soznanii i diskurse. M.: Academia, 2000. S. 32.
 24. Likhachev D. S. Kontseptosfera russkogo yazyka // Izvestiya RAN. Ser. lit. i yaz, 1993. S. 4-10.
 25. Popova Z. D., Sternin I. A. Ocherki po kognitivnoi lingvistike. Voronezh, 2001. S. 23.
 26. Vezhbitskaya U. A. Yazyk. Kul'tura. M.: Russkie slovari, 1996. S. 59.
 27. Zvyagintseva A. V. Intonatsionnyi uroven' realizatsii kontseptosfery teksta: na materiale angliiskogo yazyka: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M., 2008. S. 6.
 28. Prokhorov Yu. E. K probleme «kontsepta» i «kontseptosfery» // Yazyk, soznanie, kommunikatsiya: Sb. statei. M.: MAKSS Press, 2005. Vyp. 30. S. 79.
 29. Likhachev D. S. Kontseptosfera russkogo yazyka // Izvestiya RAN. Ser. lit. i yaz, 1993. S. 6.
 30. Vorkachev S. G. Kontsept schast'ya: ponyatiinyi i obraznye komponenty // Izvestiya RAN Seriya lit-ry i yazyka. 2001. T. 60, № 6. S. 41.
 31. Russkii assotsiativnyi slovar'. V 2 t. / Yu. N. Karaulov, G. A. Cherkasova, N. V. Ufimtseva, Yu. A. Sorokin, E. F. Tarasov ; [Elektronnyi resurs]. URL: <http://thesaurus.ru/dict/>. (data obrashcheniya: 16.05.2023).
 32. Tolkovyi slovar' russkogo yazyka / pod red. D.N. Ushakova. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://ushakovdictionary.ru/>. (data obrashcheniya: 16.05.2023).
 33. Cambridge Dictionary [Elektronnyi resurs]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/>. (data obrashcheniya: 16.05.2023).
 34. Longman Dictionary for Contemporary English [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.ldoceonline.com/>. (data obrashcheniya: 19.10. 2023).
 35. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.macmillandictionary.com/>. (data obrashcheniya: 16.09.2023).
 36. Merriam Webster Dictionary [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.merriam-webster.com/>. (data obrashcheniya: 16.09.2023).
 37. Oxford Advanced Learner's Dictionary / McIntosh C., Turnbull J. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/>. (data obrashcheniya: 16.09.2023).
 38. Synonyms Thesaurus With Definitions and Antonyms [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.synonym.com/>. (data obrashcheniya: 16.09.2023).
 39. Thesaurus [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.thesaurus.com/>. (data obrashcheniya: 18.09.2023).
 40. Uail'd O. Schastlivyi prints i drugie skazki. S.4.
 41. Uail'd O. Schastlivyi prints i drugie skazki. S.17.
 42. Uail'd O. Schastlivyi prints i drugie skazki. S.7.
 43. Uail'd O. Schastlivyi prints i drugie skazki. S.7.
 44. Uail'd O. Schastlivyi prints i drugie skazki. S.15.
 45. Uail'd O. Schastlivyi prints i drugie skazki. S.11.
 46. Cambridge Dictionary [Elektronnyi resurs]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/>. (data obrashcheniya: 16.05.2023).
 47. Uail'd O. Schastlivyi prints i drugie skazki. S. 10.

48. Uail'd O. Schastlivyi prints i drugie skazki. S. 16.
49. Babenko L. G. Filologicheskii analiz teksta. Praktikum. M.: Akademicheskii Proekt, 2003. S. 63-67.
50. Uail'd O. Schastlivyi prints i drugie skazki. S. 6.
51. Uail'd O. Schastlivyi prints: Skazki. Per. s angl. K. Chukovskii. M.: Martin, 2019.
52. Uail'd O. Schastlivyi Prints. Per. s angl. P.V. Sergeev, G. Nuzhdin [Elektronnyi resurs]. URL: <http://lib.ru/WILDE/prince.txt>. (data obrashcheniya: 20.05.2023).
53. Cambridge Dictionary [Elektronnyi resurs]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/>. (data obrashcheniya: 16.05.2023).
54. Tolkovyi slovar' russkogo yazyka / pod red. D.N. Ushakova. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://ushakovdictionary.ru/>. (data obrashcheniya: 16.05.2023).
55. Uail'd O. Schastlivyi prints i drugie skazki. S. 7.
56. Tolkovyi slovar' russkogo yazyka / pod red. D.N. Ushakova. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://ushakovdictionary.ru/>. (data obrashcheniya: 16.05.2023).
57. Cambridge Dictionary [Elektronnyi resurs]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/>. (data obrashcheniya: 16.05.2023).
58. Cambridge Dictionary [Elektronnyi resurs]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/>. (data obrashcheniya: 16.05.2023).
59. Cambridge Dictionary [Elektronnyi resurs]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/>. (data obrashcheniya: 16.05.2023).
60. Tolkovyi slovar' russkogo yazyka / pod red. D.N. Ushakova. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://ushakovdictionary.ru/>. (data obrashcheniya: 16.05.2023).
61. Cambridge Dictionary [Elektronnyi resurs]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/>. (data obrashcheniya: 16.05.2023).
62. Cambridge Dictionary [Elektronnyi resurs]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/>. (data obrashcheniya: 16.05.2023).

Ideological and thematic originality of M. Pavlov's novel «Fate»

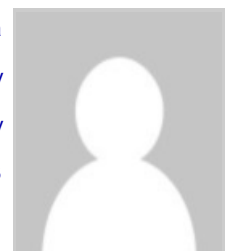
Belyaeva Tatyana Nikolaevna

PhD in Philology

Associate Professor of the Department of Foreign Language Speech Communication, Mari State University

424039, Russia, Republic of Mari El, Yoshkar-Ola, Druzhby str., 77, block 113

✉ beljaeva1978@rambler.ru

Guseva Nadezhda Vasilevna

PhD in Philology

Guseva Nadezhda Vasilevna, candidate of philological sciences, Associate Professor of the Department of Finno-Ugric and Comparative Philology Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education «Mari State University»

425221, Russia, Republic of Mari El, village Znamensky, Cherepanova str., 6a, sq. 84

✉ ovechkinanadezhda@rambler.ru

Abstract. This article presents an analysis of the novel «Fate» by one of the talented prose writers of Mari literature of the beginning of the 21st century Mikhail Prokopyevich Pavlov. In

1999, for his publication, he became the laureate of the republican periodical magazine «Onchyko» prize. And in 2011, the Council of the Program of Related Peoples of Estonia, together with the Association of Finno-Ugric Literatures, awarded Mikhail Prokopyevich Pavlov the Literary Prize in the category of prose fiction for the collection «The silhouette of the lattice», which included this novel. Despite the high estimation, the work of the national prose writer remains poorly studied. The writer reveals the dramatic events of this period: the repressions of the 1937 and the plight of family members of the repressed, life "behind bars", the tragic events of the Great Patriotic War, the difficult post-war years and the time of socio-economic restructuring period (1970-1990s).

The use of the cultural-historical research method made it possible to analyze the history of the Mari people of the 20th century through the prism of the fates of its heroes. The external and internal struggle of the characters for a free and happy life is convincingly shown, the characters and circumstances born and conditioned by a certain socio-historical situation are well revealed, and the mentality of the people is shown. The writer's focus is on the hero's ideological and moral search for truth, goodness, justice, personal happiness and well-being. Therefore, the narrative is very psychological. The writer leads to the idea that such qualities as a sense of justice, kindness, hard work, mutual assistance and mutual understanding, the ability to love and sacrifice themselves in the name of this feeling remain the main measures of human life and the foundations of society.

Keywords: repressions, Mikhail Pavlov, characters system, problems, theme, idea, novel, Mari literature, banishment, Great Patriotic War

References (transliterated)

1. Vasinkin, A. Avtor nergen // M. Pavlov. Chetlyk ýzhaka. Ioshkar-Ola, 2006. S. 5–6.
2. Istoriya mariiskoi literatury / Otv. redaktory K. K. Vasin, A. A. Vasinkin. Ioshkar-Ola: Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1989. 432 s.
3. Katkova, Z. F. Ot sebya ne uidesh': povesti i rasskazy. Ioshkar-Ola: Mariiskoe kn. izd-vo, 1982. 175 s.
4. Katkova, Z. F. Toshto yazyk: povest' // Onchyko. 1969. № 6. S. 5–29.
5. Matveenko, I. A. Sotsial'no-kriminal'nyi roman Ch. Dikkensa «Oliver Tvist» v vospriyatii russkogo literaturnogo protsessa 1840-kh gg. // <https://vdocuments.mx/-5750a9c61a28abcf0cd2d992.html?page=1> S. 14–18. (Data obrashcheniya: 26.11.2023).
6. Ocherki istorii mariiskoi literatury. Chast' I. Ioshkar-Ola: Mariiskoe kn. izd-vo, 1963. 424 s.
7. Oshel, Vasilii. Chelovek rozhdaetsya zhit': povest'-vospominanie. Ioshkar-Ola: Mariiskoe kn. izd-vo, 1990. 142 s.
8. Pavlov, M. Kolysho achamlan seryshym vozynem yle... roman shocho // Onchyko. 1999. № 5. S. 46–49.
9. Pavlov, M. Chetlyk ýzhaka: chumyren lukmo oipogo. Ioshkar-Ola: Izd-vo OAO «МПИК», 2006. 576 s.
10. Tamarchenko, G. E. Chernyshevskii – romanist. L.: Khud. lit., 1976. 450 s.
11. Fedoseeva, N. A. Mariiskaya istoricheskaya proza vtoroi poloviny KhKh veka // Vozrozhdenie natsional'nykh literatur vo vtoroi polovine XX veka i Chingiz Aitmatov: sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii / Sost. F. Kh. Minnullina, A. F. Ganieva, L. R. Nadyrshina. Kazan': Izdatel'stvo: Institut yazyka, literatury i iskusstva im. G. Ibragimova, 2018. S. 238–242.

Myths and tales about the animals of the Oirats of Xinjiang

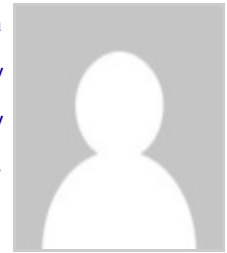
Sadalova Tamara Mikhailovna

Doctor of Philology

Leading Researcher, Kalmyk State University named after. B.B. Gorodovikov

649000, Russia, Altai Republic, Gorno-Altaysk, Teleutskaya str., 14

✉ sadalova-t@mail.ru

Lidzhiev Mingiyan Alekseevich

PhD in Philology

Associate Professor, Department of Kalmyk Literature and Journalism, Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov

358000, Russia, Republic of Kalmykia, Elista, N.M. Ochirova str., 19

✉ mingiyan75@mail.ru

Abstract. The subject of the study is the fabulous folklore of the Oirats of Xinjiang. The object of the study is the specificity of mythological and fairy-tale texts about animals. It should be noted that the fabulous folklore of the Oirats still remains little known to domestic researchers, despite the fact that attempts to study it began in the middle of the last century. The study of Oirat folklore is especially relevant for domestic Mongolian studies, since it is historically connected with the folklore tradition of Russian Kalmyks and Altaians. The author examines in detail such aspects of the topic as the study of fairy-tale texts and the identification of common artistic means, which allows us to establish and explain the general systemic connections between these ethnolocal folklore traditions. The research methods are comparative analysis and the method of interpretation of fairy tale text. For the study of fairy tale narrative, this approach turns out to be potentially heuristic: both directions mutually determine each other, revealing multidimensional connections of the once unified folklore tradition. Myths and tales about animals represent the ancient genre of fairy tale folklore of the Oirats of Xinjiang. The main contribution of the study consist in the statement the myths and tales' content retains mythological elements associated with the archaic ideas of the ethnos about living beings of the world around them. Particular attention is paid to figurative language, rich in expressive poetic expressions, an abundance of figurative means, and a large volume of vocabulary of the original language of the Oirats. All this testifies to the preservation of the fairy-tale-mythological fund and performing tradition of the Oirats of Xinjiang. The novelty of the study lies in the fact that during the analysis of fairy tales and myths about animals as a special genre, it was established that there is no allegory in the content of the archaic animal tale of the Oirats of Xinjiang, despite the fact that its main characters are animals. According to archaic views, man believed that animals were once people. Therefore, in many ways, the animal world was perceived as a reflection of the human world, and the morals of animals were equated with the same qualities of humans.

Keywords: characters, plot, mythology, animals, fairy tales, folklore, archaism, oirats, genre, features

References (transliterated)

1. Basangova T. G. Zhivotnye v kalmytskom fol'klore. Na rus. i kalm. yaz. Elista: KalmGU, 2019. 192 s.
2. Bembeev E. V. Nauchno-populyarnyi zhurnal «Khan Tenger» kak istochnik po

- izucheniye neskazochnoi prozy oiratov Sin'tszyan-Uigurskogo avtonomnogo raiona Kitaiskoi Narodnoi Respubliki // Byulleten' Kalmytskogo nauchnogo tsentra RAN. 2020. № 1. S. 123–140.
3. Goryaeva B. B. Ornitomorfnye pomoshchniki geroya v kalmytskoi volshebnoi skazke // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2017. № 9 (122). S. 134–141.
 4. Endon D. Skazochnye syuzhety v pamyatnikakh tibetskoi i mongol'skoi literatury. Vtoroe izdanie. Ulaanbaatar: IYaL AN Mongolii, 2013. 201 s.
 5. Menyaev B. V. Zhurnal «Khan Tenger» kak istochnik izucheniya fol'klora oiratov Sin'tszyana // Problemy istorii, filologii, kul'tury. 2017. № 4. S. 335–344.
 6. Nadbitova I. S. Syuzhety, obrazy i stilevye traditsii kalmytskikh volshebnykh skazok. Elista: ZAO «NPP „Dzhangar“», 2011. 260 s.
 7. Pyurbeyev G. Ts. Epos «Dzhangar»: kul'tura i yazyk. 2-e izd., pererab. Elista: ZAO «NPP „Dzhangar“», 2015. 280 s.
 8. Sodnompilova M. M., Nanzatov B. Z. Zoomorfnyi kod v kontekste etnogeneticheskikh svyazei: lisa v traditsionnykh predstavleniyakh mongol'skikh narodov // Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya. 2016. T. 15. S. 48–63.
 9. Todaeva B. Kh. Materialy po fol'kloru sin'tszyanskikh mongolov // Tyurko-mongol'skoe yazykoznanie i fol'kloristika. M.: GRVL, 1960. S. 228–265.
 10. Ubushieva D. V., Damrinzhav. Skazki o zhivotnykh v fol'klоре oiratov Kitaya (na materiale sbornika skazok o zhivotnykh «Belozobyi vorobei» ('Betege cayān boqširyo') // Mongolovedenie. 2020. № 1. S. 10–21.
 11. Khal'mg tuul's. Kalmytskie skazki: Sbornik na kalm. yaz. / sost. V. D. Badmaeva. Elista: GU «Izdatel'skii dom „Gerel“», 2009. 440 s.
 12. Sharaeva T. I. Obryady zhiznennogo tsikla kalmykov (XIX v. – nach. KhKh v.). Elista: NPP «Dzhangar», 2011. 223 s.
 13. Damrindjab Ba. Collection and Publication of Oirat Folk Tales of Xinjiang: a Brief Historical Review // Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN. 2017. № 6. S. 131–137.
 14. Betege cayān boqširyo. Šinjiyang-giyin monyol arad-yin aman zokōl. (Belozobyi vorobei. Ustnoe narodnoe tvorchestvo mongolov Sin'tszyana). Urumči: Šinjiyang-giyin arad-yin keblel-yin xorō (Urumchi: Narodnoe izd-vo Sin'tszyana), 1981. 100 kh.
 15. Dumdadu ulusiyin Šinjiyang-giyin mongyol aradiyin aman üliger-yin emkidkel (Sbornik narodnykh skazok mongolov Sin'tszyana Kitaya). Ürümči: Šinjiyang-giyin aradiyin keblel-yin xorō (Urumchi: Narodnoe izd-vo Sin'tszyana), 2006. 866 kh.

System of future tense forms In the Dargin Languages

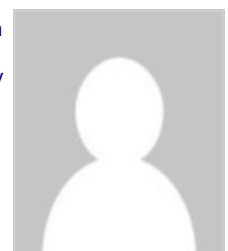
Mutalov Rasul Osmanovich

Doctor of Philology

Professor, Chief Scientific Associate, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences

125009, Russia, Moscow, lane. Bolshoy Kislovsky, 1/1

✉ mutalovr@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the future tense forms in the Dargin languages which belong to the Nakh-Dagestan language group. The relevance of the issue is

that the languages of the small nations of Dagestan are rapidly disappearing for recent decades, while the younger generation mainly uses the Russian language for communication. Meanwhile, it is known that the morphological system of the East Caucasian languages is quite rich and consists of numerous paradigms of inflectional categories. Particularly, there is an extensive system of aspectual, tense and modal forms in the Dargin languages. The main purpose of the article is to study the semantic peculiarities of four verb forms that express - futurum, progressive, possibilitative and obligatory meanings of the future tense. The objectives of the work is to study the ways of their formation and also reveal the differences in the functioning of future tense forms in the Northern Dargin and the Southern Dargin languages. To solve these problems, the methods of field linguistics, as well as the method of descriptive analysis are used. In description of the forms of the future tense, the main meaning, methods of formation, examples are given, and the designations of these forms in the works of predecessors are also given. As a result of the study, all forms of the future tense functioning in the Dargin languages are described, the peculiarities of their formation are considered, semantic differences and the terms for their functioning are revealed. Some ways of development of futurum in the Dargin languages are also identified. A hypothesis is put forward according to which this form existed in the proto-Dargin state, but then disappeared in the Northern Dargin languages. Habitualis started to function as the future tense in them.

Keywords: futurum, conjugation, aspect category, tense category, verb, grammatical categories, morphology, the Caucasian languages, the Dargin languages, prospective

References (transliterated)

1. Koryakov Yu.B. Darginskie yazyki i ikh klassifikatsiya. // Durkh"asi khazna. Sbornik statei k 60-letiyu R.O. Mutalova. M.: Buki-Vedi. 2021. S. 139-154.
2. Mutalov R.O. Klassifikatsiya darginskikh yazykov i dialektov // Sotsiolingvistika. M.: Federal'noe gosudarstvennoe byudzhethoe uchrezhdenie nauki Institut yazykoznaniya RAN, № 3 (7), 2021. S. 8-25.
3. Plungyan V. A. Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira. M.: RGGU. 2011.
4. Uslar P.K. Etnografiya Kavkaza. Yazykoznaniye. T. 5. Khyurkilinskii yazyk. – Tiflis : Upravlenie Kavkazskogo uchebnogo okruga. 1892.
5. Abdullaev S.N. Grammatika darginskogo yazyka (fonetika i morfologiya). – Makhachkala: Daguchpedgiz. 1954.
6. Zhirkov L. I. Grammatika darginskogo yazyka. M : Tsentr. izd-vo narodov S.S.S.R. 1926.
7. Magometov A.A. Kubachinskii yazyk. Issledovanie i teksty. Tbilisi.: Metsniereba. 1963.
8. Abdullaev Z.G. Sub"ektno-ob"ektnye i predikativnye kategorii v darginском yazyke (k probleme predlozheniya). – Makhachkala: Daguchpedgiz, 1969.
9. Temirbulatova S.M. Khaidakskii dialekt darginskogo yazyka. Makhachkala: Izdatel'stvo tipografii DNTs RAN, 2004.
10. Mutalov R.O. Glagol darginskogo yazyka. – Makhachkala: Izdatel'sko-poligraficheskii tsentr DGU, 2002.
11. Kadibagomedov A.A. Sravnitel'naya morfologiya darginskogo yazyka. – Makhachkala: Izdatel'stvo Politekhnikheskogo instituta, 1999.
12. Van den Berg H.E. Dargi folktales. Leiden, 2001. 324 p.
13. Sumbatova N.R., Lander Yu.A. Darginskii govor seleniya Tanty: grammaticheskii

- ocherk, voprosy sintaksisa. – M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2014.
14. Daniel M., Dobrushina N., Ganenkov D. (Eds.) (2019). The Mehweb language: Essays on phonology, morphology and syntax (Languages of the Caucasus 1). Berlin: Language Science Press.
 15. Forker D. A grammar of Sanzhi Dargwa (Languages of the Caucasus 2). Berlin: Language Science Press. 2020.
 16. Musaev M.-S.M. Slovoizmenitel'nye kategorii darginskogo yazyka (vremya i naklonenie). – Makhachkala: Daguchpedgiz, 1983.
 17. Belyaev O.I. Aspektual'no-vremennaya sistema ashtynskogo darginskogo // Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy RAN. T. VIII. Ch. 2. Issledovaniya po teorii grammatiki. Vypusk 6: Tipologiya aspektual'nykh sistem i kategorii / Otv. red. V. A. Plungyan. — SPb.: Nauka, 2012. S. 181-227.
 18. Sumbatova N. R., Mutalov R. O. A grammar of Icar Dargwa. München: LINCOM EUROPA. 2003.
 19. Comrie B. Aspect. Cambridge, 1976.
 20. Kibrik A. E i dr. (red.). Bagvalinskii yazyk. Grammatika. Teksty. Slovari. Izdatel'stvo: M.: IMLI RAN Nasledie. M., 2001.

"Rihla" Genre Features in Youssef Zeidan's Novel "Azazel"

Vlasova Yulia Evgenievna

PhD in Philology

Associate professor, Department of Foreign Languages, Faculty of Social Sciences and Humanities, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

117198, Russia, Moscow region, Moscow, Miklukho-Maklaya str., 10/2, office 502

✉ vlasova-yue@rudn.ru

Vavichkina Tatiana Anatolevna

PhD in Philology

Associate Professor, Department of Foreign Languages, Faculty of Social Sciences and Humanities, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

117198, Russia, Moscow region, Moscow, Miklukho-Maklaya str., 10/2, office 502

✉ vavichkina-ta@rudn.ru

Abstract. The subject of the study is the genre of "rihla", that is, the Oriental person pilgrimage to various countries. The authors are interested in the elements of this style and their application in the novel "Azazel" by the Egyptian writer Youssef Zeidan. The main character, traveling along the Nile, Sinai and Asia Minor, learns the world around him. Through the eyes of a young man, Alexandria, Jerusalem, Damascus and other great cities of the early Middle Ages and their sights are described. Being in the midst of historical events, a young Egyptian acquires skills of a doctor. He witnesses the murder of a female philosopher Hypatia by Christian fanatics. Fleeing from painful memories, the healer flees Africa in search of true Christianity to the homeland of Jesus, where he becomes a monk Hypa. Mentors help him cope with doubts, advising him to write down everything he has experienced. This is how Gipa's guide to the countries of Africa and Asia is born, at the same time the confession of a reasonable person tempted by passions. The methods of historical and systemic analysis used make it possible to compare the lives of worshippers of the Hellenic gods and the first Christians. The author concludes that due to the traditional genre of "rihla" for Arabic

literature, that is, the spiritual wanderings of the hero, Zeidan creates a reliable multifaceted picture of the life of people of the fifth century AD and tries to reveal the essence of the personality of the monk Hipa against the background of historical realities and characters. The format of diaries filled with experiences helps to delve into the inner world of the pilgrim and fully reveal the psychology of the pilgrim. This genre, in addition to cognitive and entertainment functions, has acquired historical and psychological features.

Keywords: problem of religious tolerance, guidebook, early Christianity, wanderings of a monk, search for self-identification, historical and philosophical novel, Youssef Zeidan, Egyptian literature, Modern Arabic literature, pilgrimage

References (transliterated)

1. Guminskii V. M. Puteshestviya // Literaturnyi entsiklopedicheskii slovar'. M.: Sov. Entsiklopediya, 1987. 752 s.
2. يوسف زيدان، عزازيل. بيروت: دار الشروق. ٢٠٠٨، ص ٢٨٠. (Yusuf Zeidan, Azazel'. Beirut: Izdatel'stvo Voskhod, 2008. 380 s.).
3. Zeidan Yusuf. Azazel' / per. s arab. P. Gul'k0na, M. Nasr ad-Din al'-Gibali. M.: Astrel', 2013. 446 s.
4. Suvorov M. N. Sovremennaya literatura Blizhnego Vostoka. SPBGU, 2014. 154 s. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://hdl.handle.net/11701/6540> (data obrashcheniya 23.12.2023).
5. Zarytovskaya V. N. Short-list Arabskogo Bukera-2020: mezhdru eksperimentom i klassicheskim istoricheskim romanom // Aziya i Afrika segodnya, №6, 2020. S. 74–77.
6. Zaitsev D. M. Osobennosti traditsionnogo musul'manskogo palomnichestva // Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryya humanitarnykh navuk. 2016. № 4. C. 13–19.
7. Timofeev I. V. Ibn Battuta. M.: Molodaya Gvardiya, 1983. 272 s.
8. Dubrovitskaya M. A. Kontsept «puteshestviya» v proizvedeniyakh arabo-amerikanskikh pisatelei // Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal. Ekaterinburg. №2 (56), 2017. S. 17–21.
9. Shumovskii T. A. Po sledam Sindbada Morekhoda. M.: Mysl', 1986. 141 s.
10. Vlasova Yu. E. Kompozitsiya i problematika romana Nagiba Makhfuz «Puteshestvie Ibn Fattumy» // Mezhdistsiplinarnye issledovaniya Arabskogo Vostoka. Ezhegodnik Nauchno-obrazovatel'nogo tsentra issledovaniy Arabskogo Vostoka RUDN. M.: RUDN, 2012. S. 209–219.
11. Makhfuz N. Puteshestvie Ibn Fattumy. M.: Tsentr humanitarnogo sotrudnichestva, 2009. 160 s.
12. أبو سعد أحمد . أدب الرحلات وتطوره في الأدب العربي .دراسة ومختارات. بيروت: دار منشورات الشرق الجديد، ١٩٦١، ص ٢٨٨ (Abu Saad Akhmed. Zhanr «rikhlya» i ego razvitie v arabskoi literature: Issledovaniya i podborki. Beirut: Izdatel'skii dom Novyi Vostok, 1961. s. 288).
13. Dolinina A. A. Egipetskaya literatura pervoi poloviny XIX veka // Istoriya vsemirnoi literatury v 9 t. T.6 M.: Nauka, 1989. 882 s.
14. Zarytovskaya V. N., Al'-Rakhbi A. M. Evolyutsiya arabskoi istoricheskoi literatury i ee sovremennye tendentsii: kanony i invarianty //Vestnik RUDN. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika, 2023. T. 28. S. 256–270.
15. Tikaev G. G., el'-Gibali M. N. Odnoimennye proizvedeniya rossiiskogo i egipetskogo

pisatelya pod nazvaniem «Azazel'» // Vestnik RUDN. Literaturovedenie. Zhurnalistika, 2012, № 4. S. 75–84.

16. Fil'shtinskii I. M. Istoriya arabskoi literatury X–XVIII veka. Ch. 2. M.: Knizhnyi dom LIBROKOM, 2010. 328 s.

17. Kirpichenko V. N. Egipetskii roman nakanune «revolyutsii 25 yanvarya» 2011 g. // Vostok. RAN, 2, 2013. S. 66–79.

Analysis of the evaluation zone of the concept "Civil War" in A. Fadeev's novel "The Rout"

Yuan Xinjie

Postgraduate student, Department of Russian Language and Literature, Far Eastern Federal University

690000, Russia, Primorsky Krai, Vladivostok, Ajax str., 10

✉ iuan.si@dvfu.ru

Abstract. The relevance of the research lies in the fact that in linguistics, the study of concepts is an urgent direction that allows us to consider words in their cultural, cognitive and communicative contexts. The purpose of the study is to characterize the evaluation zone of the concept of "Civil War" in A. Fadeev's novel "The Rout". The description of the concept "Civil War" allows us to clarify the peculiarity of the individual experience of cognition of this social concept. The variety of interpretative fields is caused by the peculiarity of the conceptualization of the world in the individual consciousness. In the structure of the concept, the interpretative field of the concept "Civil War" as a periphery, its irreplaceable role in conceptual analysis is determined. The main content of the study is the analysis of the evaluative zone of the interpretative field, in which the characteristics and properties inherent in the concept of "Civil War" are always interpreted in a new way. In this study, the author used the method of conceptual analysis, the method of contextual analysis and logical-semantic analysis. The scientific novelty of the work lies in the fact that the study of the novel "The Rout" by A. A. Fadeev has practically not received enough attention, despite the fact that it is one of the most representative works of the twenties of the last century. There are very few scientific papers devoted to the concept of "Civil War". The analytical algorithm of concept research can be applied to the conceptual analysis of similar works of art. Being a direct witness of the war, A. A. Fadeev evaluates it based on the impressions of eyewitnesses, and the study demonstrates his generalized view and understanding of the struggle between the reds and whites, which is manifested in a number of moments through the main components of the assessment of the war by different classes of the novel's heroes, which in general constitute the essence of the Civil War. The results of the study allow us to conclude that in the interpretative field, assessments are mostly negative, which reflects the brutality of the war and the fact that class struggle was an integral cause of the Civil War.

Keywords: evaluative zone, interpretative field, periphery of the concept, structure of the concept, concept, cognitive linguistics, artistic text, hyperpersona, Civil War, Fadeev

References (transliterated)

1. Arutyunova N. D. Tipy yazykovykh znachenii. Otsenka. Sobytie. Fakt. – M.: Nauka, 1988. – 341 s.
2. Boldyrev N. N. Kontseptual'noe prostranstvo kognitivnoi lingvistiki. Voprosy kognitivnoi lingvistiki. – 2004. – № 1. – S. 18-35.

3. Efremov V. A. Teoriya kontsepta i kontseptual'noe prostranstvo. – Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena. – 2009. – № 104. – S. 96-106.
4. Kolesov V. V. Kontseptologiya : Konspekt leksii, chitannykh v sentyabre-dekabre 2010 goda. – SPb.: SPbGU. RIO. Filologicheskii fakul'tet, 2012. – 168 s.
5. Kubryakova E. S. O mental'nom leksikone: leksikon kak komponent yazykovoi sposobnosti cheloveka. Aktual'nye problemy sovremennoi lingvistiki. – M.: Flinta: Nauka, 2006. – S. 327-343.
6. Likhachev D. S. Izbrannye trudy po russkoi i mirovoi kul'ture. sost. i nauch. red. A. S. Zapesotskii. – SPb.: SPbGUP, 2015. – 540 s.
7. Nikishina I. Yu. Ponyatie «kontsept» v kognitivnoi lingvistike. Yazyk, soznanie, kommunikatsiya: Sb. statei. Otv. red. V. V. Krasnykh, A. I. Izotov. – M.: MAKSPress, 2002. – Vyp. 21. – 184 s.
8. Pimenova M. V. Dusha i dukh: osobennosti kontseptualizatsii. – Kemerovo: Grafika, 2004. – 386 s.
9. Popova Z. D., Sternin I.A. Semantiko-kognitivnyi analiz yazyka. Monografiya. Voronezh: izd-vo «Istoki», 2007. – 250 s.
10. Prokhorov Yu. E. V poiskakh kontsepta. – M.: Flinta: Nauka, 2009. – 176 s.
11. Sternin I. A., Rozenfel'd M.Ya. Slovo i obraz. Monografiya. – Voronezh: «Istoki», 2008. – 243 s.
12. Fadeev A. A. Razgrom : roman. – M.: Izdatel'stvo AST, 2023. – 192 s.

The system of comparisons in the works of Even poets

Vinokurova Antonina Afanas'evna

PhD in Philology

Associate professor, Department of Northern Philology, Institute of Languages and Culture of the Peoples of North-East of the Russian Federation, Ammosov North-Eastern Federal University

677000, Russia, Republic of Sakha (Yakutia), Yakutsk, Kulakovskiy str., 42, office 225

✉ antonina-vinokurova@bk.ru

Egorova Sargylana Ivanovna

PhD in Philology

Associate Professor, Department of Yakut Literature, North-Eastern Federal University named after. M.K. Ammosova

67700, Russia, Republic of Sakha (Yakutia), Yakutsk, Kulakovskiy str., 42, office 229

✉ sargi@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the issue of the system of comparisons used in the language of Even poetry. The paper provides a list of means of expressing comparisons, distinguished from the positions of "subject", "predicate" and "argument". In order to develop a universal comprehensive model for studying the technique of poetic comparison as a component of the poet's style, we conducted observations on the language of poetic works by Even poets Nikolai Tarabukin, Platon Lamutsky, Andrei Krivoshapkin, Evdokia Bokova and Varvara Arkuk. The obtained material allows, first of all, to clarify the list of means of expressing poetic comparison. Analyzing the material on this topic, we came to the conclusion that comparisons help the poet convey the feeling and mood of the lyrical hero, create a

poetic text mainly, such an approach performs such an important function as aesthetic. When classifying examples, we rely on the original Even language and the main research methods are semantic-stylistic, contextual, classification, and also use field methodology. The methodology uses the works of A.N. Veselovsky, A. A. Potebni, B. V. Tomashevsky. The novelty of this article is determined by the fact that Even poetry is one of the young literatures of the national literature of the Russian Federation. The means of enhancing the visual expressiveness of speech, the comparison used by the Even poets, reveal the art of the original culture of the Evens and the wonderful flair of the native Even language. Comparison is a universal cognitive structure where a person learns about the world around them. In Even poetry, the authors, revealing the picture of the world of the North and the Arctic, using a comparison, showed a special artistic perception. The North and the Arctic remain the space that was mastered by the northern peoples and they created a circumpolar culture where the world of people and nature are harmonious. In the poetry of the Even poets, we have identified some noteworthy comparisons that create their own special artistic poetic language.

Keywords: natural phenomena, Even literature, subject, argyment, lyrics, parhs, comparsion, even, North, Arctic

References (transliterated)

1. Vinokurova, A.A. Istoriya razvitiya evenskoi literatury // Yazyki korennykh malochislennykh narodov kak faktor ustoichivogo razvitiya Arktiki. Yakutsk, 2019. S. 152-156.
2. Vinokurova, A.A. Khudozhestvennoe nasledie Platona Lamutskogo // Yazyki i literatura narodov Severo-Vostoka: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya. Yakutsk: Sakhaada, 2022. S. 6-11.
3. Ivanyuk, B.P. Poeticheskaya rech' : slovar' terminov. 2-e izdanie. M.: Flinta: Nauka, 2008.
4. Okorokova, V.B. Semenova, V.G. Natsional'noe svoeobrazie tematiki proizvedenii A. Krivoshapkina / Filologicheskie nauk. Voprosy teorii i praktiki. 2021. Tom 14. Vypusk 2. S. 322-327.
5. Romanova, G.I. Praktika analiza literaturnogo proizvedeniya (Russkaya klassika). M.: Flinta: Nauka. 2005.
6. Khalizev, V.E. Teoriya literatury. M.: Izdatel'skii tsentr "Akademiya", 2009.

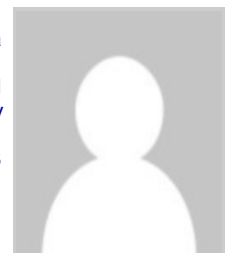
Interpretation of the concept through the prism of quantum theory

Latiypova Yuliya Alfrtovna

Senior Lecturer, Department of Foreign Languages of Humanitarian Faculties, Ufa University of Science and Technology

450076, Russia, Republic of Bashkortostan, Ufa, Zaki Validi str., 32, room 338

✉ dzhulija.latiypova@yandex.ru

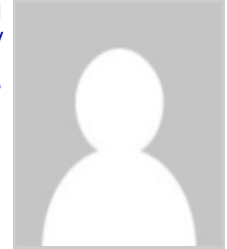
Vorob'eva Ol'ga Vladimirovna

PhD in Philology

Senior Lecturer, Department of Foreign Languages of Humanitarian Faculties, Ufa University of Science and Technology

450076, Russia, Republic of Bashkortostan, Ufa, Zaki Validi str., 32, office 338

✉ Olga_Vorob2@mail.ru

Absalyamova Liliya Faritovna

Associate Professor, Department of Pedagogy and Psychology, Sibay Institute (branch) Ufa University of Science and Technology

453833, Russia, Republic of Bashkortostan, Sibai, Belova str., 21

✉ absalyam80@mail.ru

Abstract. Changes in the field of quantum theory taking place in modern science have also affected linguistics. Quantum mechanics is one of the major achievements of past difficulties. The object of study of quantum theory is a minimal, weekly particle - a quantum. The functional liquidity of quanta and linguistic units has been revealed, which makes it possible to transfer research from quantum mechanics to the field of cognitive linguistics. The quantum-cognitive approach expands the view of the concept of nature, highlights its quantum properties and allows us to consider its dynamics as a quantum wave process. In the article, the subject of research is the concept, its dynamics as a change in the states of the concept and its interaction in various combinations. The work pays attention to such phenomena as quantum entanglement, quantum nonlocality, measurement, and contextuality. Modeling in the quantum-cognitive aspect involves considering changes in the state of a concept under the influence of context. The state of the concept through the prism of quantum mechanics is considered as a wave function that changes under the influence of context. To apply general methodological approaches to describing both phenomena, we will focus on such phenomena as "quantum uncertainty" and "quantum entanglement." The article explores the concept through the prism of quantum theory. The material for the study was scientific publications and articles selected by a continuous sampling method on the topics "Quantum Physics", "Quantum Mechanics", "Quantum Physics", "Cognitive Linguistics". The object of study of the article is the concept as a quantum immaterial cognitive formation that exists in the human mind. The study of the concept is based on a synthesis of the principles of two scientific directions: quantum mechanics and cognitive linguistics.

Keywords: actualization, measurement, quantum nonlocality, quantum entanglement, quantum superposition, quantum uncertainty, cognitive linguistics, quantum mechanics, concept, quantum

References (transliterated)

1. Tsvetkova A.A., Evstaf'eva M.A. Yazykoznanie v aspekte kvantovoi teorii // Filologicheskie nauki. Gumanitarnyi nauchnyi vestnik. № 2. 2020. S. 109-127.
2. Svoikin K. B. Printsip kvantovoi neopredelennosti v yazyke i rechi (k postanovke voprosa) // Inostrannye yazyki v dialogue kul'tur: mat-ly Vseros. nauch.-prakt. konf. (s mezhdunar. uchastiem), 30 noyab. – 2 dek. 2017 g. [Elektronnyi resurs] / otv. red. I. V. Korovina. – Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta, 2018. S. 266-272.
3. Latypova Yu.A., Spodarets O.O., Vorob'eva O.V. Kontsept v kognitivno-

- sinergeticheskom aspekte // *Filologiya: nauchnye issledovaniya*. 2022. № 12. S. 11-20.
4. Latypov R. A., Komissarova G. N. Ob issledovanii kontseptov kak kvantovykh sushchnostei // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* Tambov: Gramota, 2013. № 3 (21): v 2-kh ch. Ch. I. C. 99-104.
 5. Latypov R. A. O modelirovanii dinamiki izmenenii sostoyanii kontseptov kak kvantovykh sushchnostei // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov: Gramota, 2015. № 5 (47): v 2-kh ch. Ch. II. S. 97-102.
 6. Berestnev G.I., Dronova A.L., Sirotkina L.S. Kognitivnaya metafora v zerkale kvantovoi teorii//*Filologicheskie nauki. Gumanitarnyi nauchnyi vestnik*. 2020. №11. S. 78-87.
 7. Nekipelova I.M. Priroda sinonimii: neitralizatsiya semanticheskikh razlichii, vzaimozamenyaemost' i zony semanticheskikh vibratsii // *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem*. Tom 14, № 4. 2022. S. 96-116.
 8. Erekaev V.D. «Zaputannye» sostoyaniya: (filosofskie aspekty kvantovoi mekhaniki): AO/RAN. INION. Otd. Filosofii; Otv. red. Panchenko A.I. – M., 2003. – 80 s.
 9. Maiorova O. A. Nekotorye ontologicheskie aspekty kontseptual'nykh sostoyanii v mezhdistsiplinarnoi kholisticheskoi paradigme // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* Tambov: Gramota, 2016. № 2(56): v 2-kh ch. Ch. 1. C. 133-136.
 10. Grishina O.V. Kvantovaya teoriya i vostochnaya filosofiya o printsipial'nom edinstve vselennoi // *Mezhdunarodnyi nauchnyi zhurnal «Innovatsionnaya nauka»* №6. 2015. S. 10-13.
 11. Cherepanov I.V. Soznanie i kollaps volnovoi funktsii // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*. 2022. № 66. S. 27–37
 12. Samarin A. Yu. Nelokal'noe preobrazovanie volnovoi funktsii kvantovoi chastitsy kak otrazhenie transformatsii vnutrennei struktury raspredelennogo v prostranstve ob'ekta // *Vestn. Sam. gos. tekhn. un-ta. Ser. Fiz.-mat. nauki*. 2016. T. 20, № 3. S. 423–456.
 13. Erekaev V.D. Sovremennaya filosofiya i kvantovaya fizika: AO / RAN. INION. Otd. filosofii. Otv. red. Panchenko A.I. M., 2007. 110 s.
 14. Grib A.A. Kvantovyi indeterminizm i svoboda voli//*Ontologiya nauki*. Tom № 14. 2009. S. 5-24.

Community interpreting and the specifics of the training of translators in the social and legal spheres

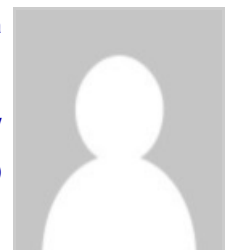
Kameneva Nataliia Alexandrovna

PhD in Economics

Associate professor, Department of Foreign Languages and Speech Communication, ANO VO "Moscow International University"; Associate professor, department of philosophy, history and intercultural communications, Moscow Technical University of Communications and Informatics (MTUCI)

115191, Russia, Moscow region, Moscow, Serpukhov Val str., 17, of. g Moscow, Serpukhov Val str., d 17 k 1

✉ n-kameneva@yandex.ru

Abstract. The article is dedicated to the topical issues of interpretation in the social, legal and medical spheres of activity. The author concretized the concept of communal translation, the scope of its application, and considered possible types of this translation. The object of the study is the translation in the field of social sphere, legal issues, medical care, and interaction with administrative bodies, called community interpreting. The subject of the study is the analysis of the discursive components of community

interpreting on the example of the English language, the ways of implementing this translation and the problems of training community interpreters in the social and legal fields. The interpreter becomes a direct participant and intermediary in the process of interaction between different parties, that requires him to be more responsible for authenticity (i.e. completeness, accuracy and adequacy) and the quality of translation, which cannot be achieved without mobilizing all his knowledge and skills of professional activity. The article also notes that currently the training of community interpreters is not given due attention. The novelty of the research lies in the identification, analysis and generalization of the features of community interpreting, as well as in the study of the specifics of community interpreting at the present stage as a necessary component of the communicative environment of modern society.

Distinctive features of communal translation are its versatility, wide coverage of various aspects of life, which lead to the use of a variety of terminology, different types of discourses and speech styles, the presence of slang, dialects, and abbreviations of different subjects. The specialists, who carry out this type of translation, must possess socio-cultural competence along with language and speech knowledge and skills.

Keywords: authenticity, consecutive interpreting, communication model, speech style, natural translators, socio-cultural competence, abbreviation, discourse, terminology, simultaneous interpreting

References (transliterated)

1. Nigel' O.V., Suleimanova G.A. Kommunal'nyi perevod i perevod dokumentatsii kak ob'ekty izucheniya budushchikh perevodchikov. S sbornike: Realizatsiya kompetentnostnogo podkhoda v sisteme professional'nogo obrazovaniya pedagoga. Materialy V Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. 2018. s 172-174.
2. M.B.Rarenko. Yazykovaya struktura diskursa sotsial'noi garmonii. Analiticheskii obzor. M.: INION RAN, 2022. 64 s.
3. Khudobina O.F., Ibaeva A.I., Andreeva L.A. Kommunal'nyi perevod: osobennosti integrirovaniya v kommunikativnoe prostranstvo meditsinskogo diskursa. Mir nauki, kul'tura, obrazovaniya. 2023. №2 (99). s. 461-464.
4. Cross-Cutural Communication, LLC URL: <https://www.thecommunityinterpreter.com> (Data obrashcheniya 25.11.2023)

The metaphorical nature of V. Lebedev 's lyrics

Vinokurova Antonina Afanas'evna

PhD in Philology

Associate professor, Department of Northern Philology, Institute of Languages and Culture of the Peoples of North-East of the Russian Federation, Ammosov North-Eastern Federal University

677000, Russia, Republic of Sakha (Yakutia), Yakutsk, Kulakovskiy str., 42, office 225

✉ antonina-vinokurova@bk.ru

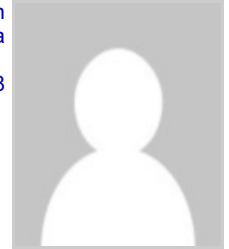
Oshchepkova Anna Igorevna

PhD in Philology

Associate Professor, Department of Russian Literature of the 20th Century and Literary Theory, North-Eastern
Federal University M.K. Ammosova

677000, Russia, Republic of Sakha (Yakutia), Yakutsk, Kulakovskiy str., 42, office 208

✉ oshchepkova.anna@mail.ru

Abstract. The authors examine the poetics of metaphor in the lyrics of V. Lebedev, one of the founders of the Even literary tradition. Vasily Dmitrievich Lebedev is a collector of Even folklore, a linguist who creatively reworked and adapted the spiritual heritage of his people in modern poetic forms, thereby breathing new life into the epic and song oral creativity of the Evens. The peculiarity of the poetic style of V. Lebedev, as a representative of young-written literature, is the orientation to folklore poetics. It is metaphoricity that is a characteristic feature of the poet's individual manner. Metaphors in Lebedev's poetry have a number of features: the transfer of signs of the external world to the phenomena of mental life; folklore character of the metaphor; metaphors that create its unique poetic style; grammatical construction of the metaphor, poetic syntax of the text. The methodological basis of the study is the individual provisions of the works of A.N. Veselovsky, V.M. Zhirmunsky, V.F. Asmus, used in the work as methodological guidelines and premises for specific textual analysis. The research methods are determined by the nature of the text material. The novelty is due to the understanding of the lyrics of the Even poet V. Lebedev as a representative of young-written literatures. The artistic and visual means used by the poet reveal him as a talented master of words and an expert in his native Even language. On the one hand, the poetics of his works form an idea of the poet's individual style. At the same time, Lebedev is a follower of folklore poetics, focusing on the formulaic language of oral tradition. In this context, the metaphoricity of his poetic texts is of particular importance. Let's consider separately the metaphoricity of Lebedev's lyrics. The poetry of the Even writer is distinguished by the allegorical nature of the word, which is needed for a strong emotional impact, to create a visual image, a vivid artistic impression. In the poetry of Vasily Lebedev, we have identified the most interesting metaphors that create his own special author's style.

Keywords: song, folklore, image, poem, metaphor, lyrics, poetics, Even literature, Lebedev, poetic style

References (transliterated)

1. Asmus V.F. Voprosy teorii i istorii estetiki. Red. E.Novik. M.: "Iskusstvo", 1968.
2. Veselovskii A.N. Istoricheskaya poetika. M.: Vysshaya shkola, 1989.
3. Lebedev V. Dyalbu toren, neten. Yakutsk: Neka toren, en kniga izdatel'stvan, 1968.
4. Lebedev V. Omcheni: Dentur-Yakutsk: Neka toren, en kniga izdatel'stvan, 1963.
5. Lebedev V. Khigi ogalni. Yakutsk: Neka toren, en kniga izdatel'stvan, 1965.
6. Toburokov N.N. Andrei Krivoshapkin. Yakutsk, 1999. S. 35-90.

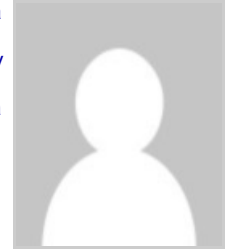
Features of L.E. Ulitskaya's idiosyncrasy and the problem of its interlanguage transmission (based on the material of originals and translations into English of L.E. Ulitskaya's works "Medea and her Children", "Daniel Stein, translator")

Bozhanova Kseniia Sergeevna

Postgraduate student, Department of Contrastive Linguistics, Moscow State Pedagogical University

88 Prospekt Vernadskogo str., Moscow, 119571, Russia

✉ ks.bozhanova@mpgu.su

Abstract. The purpose of the study is to consider various definitions and approaches to the concept of idiosyncrasy. To identify and describe the characteristic features of the idiosyncrasy of L.E. Ulitskaya's works "Medea and her Children", "Daniel Stein, translator", as well as to compare the original texts of the novels with their translation and determine whether the idiosyncrasy is preserved when translating these works of L.E. Ulitskaya into English. To analyze which translation techniques were used to convey the idiosyncrasy. The purpose of the study identified the following tasks: firstly, to define the concepts of idiosyncrasy and idiolect; secondly, to consider the difference between the concepts of idiosyncrasy and idiolect; thirdly, to identify the features that form the idiosyncrasy of L.E. Ulitskaya; fourthly, to consider the features of translation, the elements that form the idiosyncrasy. The subject of the study is the idiosyncrasy and the features that form the idiosyncrasy of the works under consideration. The object of the analysis is the semantic means and grammatical structures that form the idiosyncrasy, and the features of their translation into English. The comparative method allows us to determine whether national cultural components are preserved in translation, whether the phrases of greeting and farewell in letters change, whether the realities of Russian culture are conveyed in the texts of translations. The method of contextual analysis consists in the study of fragments of novels, and in the study of the functional specificity of words in the context used. The scientific novelty lies in the identification of idiosyncratic features based on the comparison of L.E. Ulitskaya's novels "Medea and her Children", "Daniel Stein, translator". The theoretical and practical significance is due to the possibility of applying the research results and conclusions in further development of issues of preserving idiosyncrasy in translation, determining the content of lectures and practical classes in stylistics, linguoculturology, as well as in the construction of courses "Linguistic text analysis" and "Theory and practice of translation".

As a result of the research, the most striking elements that form the idiosyncrasy of L.E. Ulitskaya were identified, namely: the use of proper names in the titles of novels, as well as letters in the texts of works, the use of phrases of greeting and farewell, rhetorical questions, anthroponyms, metaphors, repetitions.

Keywords: semantics, comparison, anthroponyms, equivalent correspondences, translation losses, translation of realities, translation of metaphors, letters, idiosyncrasy, pragmatic effect

References (transliterated)

1. Akatova A. A. Leksiko-semioticheskoe prostranstvo idiolekta // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota, 2015. № 5. Ch. 2.
2. Arnol'd I.V. Stilistika sovremennogo angliiskogo yazyka. – M.: Flinta: Nauka, 2009. – 301 s.
3. Barkhudarov L.S. Yazyk i perevod. Voprosy obshchei i chastnoi teorii perevoda. – M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1975. – 240 s.
4. Bolotnova N.S. Kommunikativnaya stilistika khudozhestvennogo teksta: leksicheskaya struktura i idiosyncrasy / N.S. Bolotnova, I.I. Babenko, A.A. Vasil'eva. – Tomsk: TGU, 2001. 321 s.

5. Bol'shoi slovar' russkikh pogovorok (www.slovaronline.com)
6. Borisova V.M. Problema yazykovoi lichnosti avtora kak kategoriya khudozhestvennogo teksta // Filologicheskie nauki. – 2006. – No 5. – S. 185 –190.
7. Brandes M. P. Stilistika nemetskogo yazyka. M.: Vysshaya shkola, 1983. – 271 s.
8. Zubinova, A. Sh. Ponyatiya idiosilya i idiolekta / A. Sh. Zubinova // Obshchie i chastnye voprosy yazykoznaniya. – 2016. – S. 10-13.
9. Ermolenko S.Ya. Ocherki slovesnosti (stilistika i kul'tura rechi). – K.: Doverie, 1999. – 304 s
10. Kulikova Z. P. Povtor kak sredstvo ekspressivnosti i garmonizatsii poeticheskikh tekstov M. Tsvetaevoi i R. M. Ril'ke: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Rostov n/D, 2007. 191 s.
11. Timina S. Ritmy vechnosti. Roman Lyudmily Ulitskoi «Medeya i ee deti». V kn. Russkaya literatura kontsa KhKh veka v zerkale kritiki. Khrestomatiya. M. –S-Peterburg. 2003.
12. Tolkovyi slovar' S.I. Ozhegova onlain [Elektronnyi resurs] Rezhim dostupa: <https://slovarozhegova.ru/> .
13. Ulitskaya L.E. Daniel' Shtain, perevodchik. – M.: Eksmo, 2020. – 258 s.
14. Ulitskaya L.E. Medeya i ee deti. – M.: Eksmo, 2020. – 576 s.
15. Fomenko E.G. Lingvotipologicheskoe v idiosile Dzheimsa Dzhoisa: dis. ... dokt. filol. nauk. Zaporozh'e, 2006.
16. Frikke Ya.A. Frazovaya nominatsiya kak sredstvo vyrazheniya yazykovoi lichnosti avtora / Ya.A. Frikke. – Stavropol', 2003. – 237 s.
17. Chernysheva T.A. Idiosil': lingvisticheskie kontury izucheniya // Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2010. – № 1. – S. 30-34.
18. Barthes R. Le plaisir du texte [Elektronnyi resurs] / R. Barthes. – P. : Ed. du Seuil, 1973. Rezhim dostupa: http://palimpsestes.fr/textes_philo/barthes/plaisir-texte.pdf.
19. Bordas É. Le rythme de la prose [Elektronnyi resurs] / É. Bordas // Semen, Rythme de la prose, 2003. – №16. – Rezhim dostupa:<http://semen.revues.org/document2664.html>.
20. Brundage D. Acting on Words: An Integrated Rhetoric, Research Guide, Reader, and Handbook //D. Brundage, M. Lahey, MyCanadianCompLab» (3rd Edition) 544 pages Pearson Education Canada; 2011.
21. Cambridge dictionary. URL: Cambridge Dictionary | English Dictionary, Translations & Thesaurus (data obrashcheniya: 06.10.2023).
22. Idioms by The Free Dictionary. URL: Play over - Idioms by The Free Dictionary(data obrashcheniya: 06.10.2023).
23. Philippe G. Idiolecte // Article en M. Jarrety. Lexique des termes littéraires. Paris: Le Livre de Poche, 2001.
24. Ulitskaya L.E. Daniel Stein, interpreter. / translated by A. Tait. – New York: Overlook Press, 2011. – 416 p.
25. Ulitskaya L.E. Medea and Her Children. / translated by A. Tait. – New York: Schlocken Books, 2002. – 320 p.

About the Miscellany of Charms from the Collection of V. M.

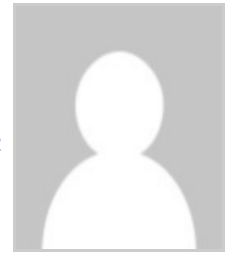
Undolsky

Alekseeva Alina

Junior researcher, Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

119019, Russia, Moscow region, Moscow, Volkhonka str., 18/2

✉ alevtina.sergeevna@gmail.com

Abstract. The article deals with a collection of handwritten charms of the second half of the 17th century from the collection of V. M. Undolsky (Russian State Library. F. 310. No. 1179). The manuscript was published twice by L. I. Sazonova and A. L. Toporkov (in 2000 and 2002) with a commentary, but it has not yet been the subject of textual and linguistic investigations, which are necessary in the study of texts circulating in the handwritten sphere. These purposes make possible to draw conclusions about the origin of the collection, the peculiarities of its creation and sources.

The article presents the results of the study manuscript *de visu*. The special attention is paid to the peculiarities of handwriting, scribe's mistakes and reflections of live pronunciation which is considered in the context of the handwritten culture of Old Rus'. In present article the observations is based on the textual, linguistic and comparative research methods that are relevant in the study of medieval manuscripts. The investigation allowed to propose several commented refinements to the edition based on a detailed study of paleography, textual features, and language, as well as the involvement of other manuscript and printed texts, historical and dialect dictionaries. The scribe's errors in the manuscript from the collection of V. M. Undolsky are related to the existence of the antigraph, which does not allow us to agree with the publishers' assumption that the collection was recorded from an oral source. The dialectal features of the charms leads to the conclusion about the Central or Middle Russian dialect of the scribe. It is possible that the owner of the manuscript, Vasily Volotsky, is the *podyachy* Vasily Volotsky, who is mentioned in the documents of 1699 and 1701 years of the *Arzamas clerk's izba*.

Keywords: Velikoustyuzhskij collection, cursive writing, paleography, textual criticism, dialectology, apocryphal literature, folklore, Old Russian manuscripts, handwritten charms, Old Rus'

References (transliterated)

1. RGB. F. 122. №32. 148 l.
2. RGB. F. 310. №1179. 36 l.
3. Bibliya. Ostrog, 12 avgusta 1581. 628 l.
4. *Likhachev D. S., pri uchastii A. A. Alekseeva i A. G. Bobrova. Tekstologiya (na materiale russkoi literatury X – XVII vv.).* SPb.: Aleteiya, 2001.
5. Natsional'nyi korpus russkogo yazyka. <https://ruscorpora.ru> (data obrashcheniya: 17.12.2023).
6. Sazonova L. I., Toporkov A. L. Zagovory ot oruzhiya. Sbornik XVII veka // Zhivaya starina. 2000. №1. S. 36–38.
7. Sazonova L. I., Toporkov A. L. Sbornik zagovorov XVII v. ot oruzhiya // Otrechennoe chtenie v Rossii XVII–XVIII vekov / Pod red. A. L. Toporkova i A. A. Turilova. M.: Indrik, 2002. S. 225–232.

8. Slovar' russkikh narodnykh govorov. Vyp. 43. M.: Nauka, 2010.
9. Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. Vyp. 7. M.: Nauka, 1980.
10. Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. Vyp. 13. M.: Nauka, 1987.
11. Tsentral'nyi arkhiv Nizhegorodskoi oblasti. F. 1403. Op. №1.

On the issue of methodological reasons for language purism in Internet communications

Barebina Natal'ya Sergeevna

Doctor of Philology

Associate Professor, Department of Foreign Languages, "Irkutsk State Transport University"

664074, Russia, Irkutsk region, Irkutsk, Chernyshevsky str., 15

✉ svirel23@rambler.ru

Glyzina Vera Evgen'evna

PhD in Philology

Associate Professor, Department of Foreign Languages for Special Purposes, Baikal State University

11 Lenin Street, Irkutsk, Irkutsk region, 664003, Russia

✉ GlyzinaVE@bgu.ru

Skopinceva Tatiana Anatol'yevna

PhD in Philology

Associate Professor, Department of Foreign Languages, Irkutsk State Transport University

664074, Russia, Irkutsk region, Irkutsk, Chernyshevsky str., 15

✉ skopinceva_ta@irgups.ru

Abstract. This article highlights one aspect of the triad "speech – writing – electronic form of speech," which represents the problem of literacy in Internet communications. The purpose of the work is to point out a number of problems in the form of linguistic purism, the lack of clear terminology in relation to electronic communication, and shortcomings in the methodological and conceptual apparatus applied to the analysis of this linguistic object. The subject of the study is the norms of the Russian language, the object of analysis is fragments of texts containing a linguistic error. The authors proceed from the well-known fact in linguistics that spoken language and written language are different sign systems. It is known that the electronic form of speech is a fixation of the norms of spoken language. Consequently, it is impossible to approach the analysis of this form of speech only with the help of theories suitable for analyzing static text. The article shows that the roots of intolerance towards errors in network communication on the part of folk linguists lie precisely in this. The authors give examples of linguistic errors from different language areas: social networks, news aggregators, fiction, transcripts of oral speech. The linguistic object discussed in the article in the form of an electronic form of speech represents a certain cross-section that gives an up-to-date picture of the linguistic environment, which is informative for linguists. The main conclusion of the article is the need for a practical search for special tools that will limit the cumulative effect of language errors. But to do this, it is necessary to eliminate the one-way textual approach to all language formats. The conclusions of the article can be used to develop a strategy for moderating Internet content.

Keywords: speech creation, purism, text, electronic form of speech, writing, speech, language norm, monitoring, errors, textual approach

References (transliterated)

1. Valgina N. S., Rozental' D.E., Fomina M. I. *Sovremenniy russkii yazyk: ucheb.*; 6-e izd., pererab. i dop. M.: Logos, 2012. 528 s.
2. Valgina N. S., Svetlysheva V. N. *Russkii yazyk. Orfografiya i punktuatsiya. Pravila i uprazhneniya: ucheb. Posobie.* M.: Neolit, 2000. 414 s.
3. Efremov V. A. Grammar-natsi: rechevaya agressiya i naivnaya leksikografiya // *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta.* 2015. № 5 (27). S. 56–65.
4. Zhuravleva Yu.V. Irratsional'nye aspekty internet-kommunikatsii i virtual'naya destruktivnaya lichnosti // *Rechevye tekhnologii.* 2021. № 1–2. S. 71–86.
5. Zimina L.O. Rechevye narusheniya v delovom diskurse sovremennoi rossiiskoi molodezhi // *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya.* 2023. № 3 (100). S. 461–463.
6. Kozhukhova I.V. Yazykovoi sheiming: opisanie i realizatsiya // *Kognitivnye issledovaniya yazyka.* 2023. № 4 (55). S. 365–368.
7. Kravchenko A.V. Informatsionnye tekhnologii i kognitivnoe razvitie: vzglyad s ekolingvisticheskikh pozitsii // *Voprosy psikholingvistiki.* 2019. № 4 (42). S. 76–91.
8. Kravchenko, A. V. *Vvedenie v teoriyu yazyka: Innovatsionnyi kurs lektsii : ucheb. posobie.* Irkutsk : Izd. dom Baikal. gos. un-ta, 2023. 118 s.
9. Krasnoyarova O. V. Novye mediaplatformy: printsipy funktsionirovaniya i klassifikatsii // *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki.* 2016. T. 5. № 1. S. 45–57.
10. Litnevskaya E. Pis'mennaya knizhnaya rech' i pis'mennaya razgovornaya rech': edinstvo ili bor'ba protivopozhnostei? // *Russkaya slovesnost'.* 2019. № 1. S. 104–110.
11. Marinova E. V. Yazyk Runeta v Seti i za ee predelami: Ot verbalizatsii klyuchevykh idei internet-prostranstva do obnovleniya khudozhestvennogo diskursa. M.: Lenand, 2022. 304 s.
12. Rogoznaya N. N. *Lingvisticheskii atlas narushenii v russkoi rechi inostrantsev.* Irkutsk : OAO «Irkutskaya oblastnaya tipografiya» № 1, 2001. 332 s.
13. Ruzhitskii I.V. Oshibka kak lingvodidakticheskaya kategoriya // *Psikholingvisticheskie aspekty izucheniya rechevoi deyatel'nosti.* 2017. № 15. S. 89–101.
14. Shipilov M. Yu. Chto-to tipo oshibki: orfograficheskaya norma protiv lingvisticheskoi intuitsii // *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika.* 2023. Vyp. 9, №3. S. 182–202. DOI: https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_3_182
15. Eroğlu A., Okur A. Teacher candidates' attitudes towards spelling and punctuation used in social communication tools // *Procedia – Social and Behavioral Sciences.* 2014. № 152. Pp. 324–332.
16. Fester-Seeger M.-T. Becoming a Knower: Fabricating Knowing Through Coaction // *Social Epistemology.* 2023. DOI: URL: <https://doi.org/10.1080/02691728.2023.2266716>
17. Linell P. The Written Language Bias (WLB) in linguistics 40 years after // *Language Sciences.* 2019. Volume 76. DOI: URL: <https://doi.org/10.1016/j.langsci.2019.05.003>
18. Linell P. *The Written Language Bias in Linguistics. Its Nature, Origins and Transformations.* London, New York : Routledge, 2005. 266 p.
19. Postma A. Detection of errors during speech production: a review of speech monitoring models // *Cognition.* 2000. Volume 77. Issue 2. Pp. 97–132.

20. Quick N., Erickson K. A Multilinguistic Approach to Evaluating Student Spelling in Writing Samples // Language, Speech, and Hearing Services in the Schools. 2018. N 49(3). Pp. 509–523. DOI: 10.1044/2018_LSHSS-17-0095
21. Vágvölgyi R, Coldea A, Dresler T, Schrader J., Nuerk H.-C. A Review about Functional Illiteracy: Definition, Cognitive, Linguistic, and Numerical Aspects // Frontiers in Psychology. 2016. 7:1617. DOI: 10.3389/fpsyg.2016.01617

Semantic transformations of phraseological units in poetic texts of the collection of poems of the XX century "Impulse. New names."

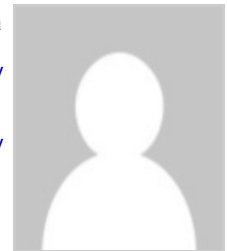
Slasheva Natalya Ivanovna

PhD in Philology

Associate Professor, Department of Russian Language and Socio-Cultural Adaptation, Volgograd State Medical University

400066, Russia, Volgograd region, Volgograd, mercy of the Fallen Fighters, 1

✉ natalyashkabara@yandex.ru

Chigrinova Ekaterina Aleksandrovna

PhD in Philology

Associate Professor, Department of Russian Language and Socio-Cultural Adaptation, Volgograd State Medical University

400093, Russia, Volgograd region, Volgograd, Ploshchad of Fallen Fighters, 1

✉ kat.belka1990@ya.ru

Eremova Natalia Vladimirovna

PhD in Philology

Associate Professor, Department of Russian Language and Socio-Cultural Adaptation, Volgograd State Medical University

400093, Russia, Volgograd region, Volgograd, Ploshchad of Fallen Fighters, 1

✉ natalyashkabara@yandex.ru

Abstract. The article presents a study aimed at identifying the communicative and pragmatic properties of phraseological units functioning in the poetic texts of the collection "Impulse. New names." Since the use of phraseological units as in their original (dictionary) helps to create a special expressiveness and emotionality of each poem Similarly, in modified forms, the authors identify several types of phraseological units with structural and semantic changes. The theoretical basis of communicative and pragmatic phraseology studied by us served as an impetus for the search for new data in modern poetry. The specificity of the phraseology – context relationship lies in the fact that the phraseological unit represents both a special independent context and is part of the general context. The transformation of phraseological units is a process that includes various ways to update the usual stable expressions for the most adequate characterization of the described situation. A detailed study, selection and analysis of various types of stable phraseological expressions used and modified by the authors of the collection has been carried out. A special contribution of the authors to the study of the topic is the creation of a classification of phraseological units based on the studied material: with a reduction in the components of phraseology, with a change in the places of the components of phraseology, with an expansion of the lexical composition of phraseology, with a paradigmatic change in the core component of

phraseology, with the replacement of one component of phraseology with another. In the course of the study, it was argued that semantic and structural changes within phraseological units are most often interrelated and imply each other. These changes and their varieties can be intertwined within the framework of a single poem or passage. In a poem, there may be phraseological units with the replacement of components, a phraseological unit with the reduction or expansion of components. Therefore, within the framework of one poem, it is possible to interact various phraseological units with a modified structure and semantics.

Keywords: individuality, meaning, connotation, classification, phraseological expressions, collection of poems, transformation of phraseological units, building up meanings, poetic text, contamination

References (transliterated)

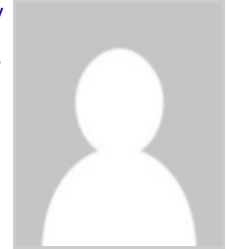
1. Danilova N.N. Esteticheskaya funktsiya frazeologizmov v khudozhestvennoi kommunikatsii // Sb. nauch. tr. Mosk. gos. ped. in-ta inostr. yaz. M., 1986. Vyp. 266. Leksiko-frazeologicheskaya sistema v aspektakh mikro- i makrostruktur. S. 104-121.
2. Poryv. Novye imena: Sbornik stikhov. M.: Sovetskii pisatel', 1989. 464 s.
3. Mokienko V. M.Slavyanskaya frazeologiya: Ucheb. posobie dlya vuzov po spets. "Rus. yaz. i lit." / V. M. Mokienko. 2-e izd., ispr. i dop. Moskva: Vyssh. shk., 1989.
4. Frazeologicheskii slovar' russkogo yazyka: Svyshe 4000 slovarnykh statei / L.A. Voinova, V.P. Zhukov, A.I. Molotkov, A.I. Fedorov; Pod red. A.I. Molotkova. 4-e izd., stereotip. M.: Rus. yaz., 1987. 543 s.
5. Valgina N.S. Teoriya teksta: uchebnoe posobie / N. S. Valgina. M.: Logos, 2003. 280 s.
6. Guseinova T.S. Transformatsiya frazeologicheskikh edinits v publitsisticheskom diskurse: ob''ektivnaya zakonomernost' // Izvestiya Dagestanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Obshchestvennye i gumanitarnye nauki. 2015. № 4 (33). S. 67-71.
7. Naumova E.V. Razvitie semantiki imennykh frazeologicheskikh edinits kak faktor ikh transformatsii v rechi: Dis... kand. filol. nauk. N. Novgorod, 1999. 164 s.
8. Mashina O.Yu. Frazeologicheskoe znachenie i ego ottenki: Avtoref. dis ... kand. filol. nauk. Novgorod, 1998. 25 s.
9. Emirova A. M. Russkaya frazeologiya v kommunikativno-pragmaticheskom osveshchenii: monografiya. Simferopol': OOO «Izdatel'stvo «Nauchnyi mir», 2020. 228 s.
10. Fedorov A.I. Frazeologicheskii slovar' russkogo literaturnogo yazyka. M.: Astrel': AST, 2008. 828 s.
11. Novikova Yu.N., Atanova G.Yu. Leksiko-semanticheskaya interpretatsiya russkikh frazeologizmov s komponentami-antroponimami // Vestnik Donbasskoi natsional'noi akademii stroitel'stva i arkhitektury. 2017. № 1(123). S. 69-73.

The specifics of the functioning of a structural metaphor in a public dialogue

Assistant, Department of Russian as a Foreign Language, Far Eastern Federal University

690922, Russia, Primorsky Krai, Vladivostok, Ajax str., 10, office D524

✉ koffikor@yandex.ru

Gunko Yuliya Aleksandrovna

PhD in Philology

Associate Professor, Department of Russian as a Foreign Language, Far Eastern Federal University

690022, Russia, Primorsky Krai, Vladivostok, Ajax str., 10, room 711

✉ gunko.yua@dvfu.ru

Abstract. The purpose of this study is to identify and describe the specifics of the functioning of metaphorical transference and its role in public dialogue. The material for the analysis was transcribed video recordings of an interview with Daria Zlatopolskaya in the framework of the program "White Studio" of the television channel Culture. The object of the study is a structural metaphor, "that is, those cases when one concept is structurally metaphorically ordered in terms of another" [11, p. 35]. The subject of the study is the process of origin and the nature of the deployment of metaphorical transference in public dialogue. The authors pay special attention to the description of the mechanism (model) of the functioning of metaphor, as well as the integrating function of metaphorical transfer in public dialogue. In addition, the paper presents linguistic tools demonstrating the transfer of signs of the source sphere to the target sphere in metaphorical projection. The method of scientific observation, the descriptive method (including methods of observation, generalization, interpretation), the method of semantic analysis, the method of contextual analysis, the method of pragmatic analysis. The scientific novelty of the study lies in considering the role of structural metaphor in building a public dialogue, in looking at metaphorical transfer not as an unusual use of a word, but as a transfer of one situation to another, unfolding throughout the whole communicative episode or part of it. As a result of the study, it was concluded that metaphorical transference is the result of the co-creation of speakers, the stimulus of which in most cases is set by the presenter. Metaphorical transference connects the communicative episodes of a TV interview as a communicative event, performing an integrating function. During the conversation, the presenter and the interlocutor actualize certain aspects of the source sphere or the target sphere, as a result of which the metaphor narrows or expands. The constant return to a given metaphor determines the nonlinear structure of public dialogue.

Keywords: communicative episode, communicative event, television Interview, public dialogue, dialogic speech, structural metaphor, cognitive metaphor, metaphorical transfer, metaphor, structure of the dialogue

References (transliterated)

1. Abdrimova A.E. Modeli regul'yarnogo metaforicheskogo perenosa v gazetnom diskurse // Nauka i sovremennost'. 2010. №3-2. S. 251-255.
2. Arutyunova N.D. Vstupitel'naya stat'ya. Metafora i diskurs // Teoriya metafory. Moskva: Izdatel'skaya gruppa «Progress», 1990. S. 5-32.
3. Arutyunova N.D. Yazyk i mir cheloveka // 2-e izd., ispr. Moskva: Yazyki russkoi kul'tury, 1999. 911 s.

4. Baranov A.N. Predislovie redaktora. Kognitivnaya teoriya metafory pocht' dvadtsat' pyat' let spustya // Lakoff Dzh., Dzhonson M. Metafory, kotorymi my zhivem. M.: Editorial URSS, 2004. S. 7-21.
5. Blek M. Metafora // Teoriya metafory. Moskva: Izdatel'skaya gruppa «Progress», 1990. S. 153-172.
6. Borisova I.N. Russkii razgovornyi dialog: problema integrativnosti. Avtoref. diss. na soisk. uch. st. dokt.filol.nauk. Ekaterinburg, 2001. S. 11.
7. Borisova I.N. Russkii razgovornyi dialog: struktura i dinamika. M.: Izd-vo KD «LIBROKOM», 2009. 320 s.
8. Golanova E.I. Aktivnye protsessy v sfere publichnogo obshcheniya // Sovremennyyi russkii yazyk. Aktivnye protsessy na rubezhe XX-XXI vekov / Institut russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova Rossiiskoi akademii nauk. M.: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2008. S. 415-494.
9. Deberdeeva E.E. Metafora v kontekste lingvisticheskikh issledovaniy // Vestnik Taganrogskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta. 2008. №1. S. 23-27.
10. Odekova F.R. O nekotorykh funktsiyakh metatekstovykh operatorov russkogo yazyka // Al'manakh sovremennoi nauki i obrazovaniya. Tambov: Gramota, 2007. №3. Ch. 2. S. 148-149.
11. Lakoff Dzh., Dzhonson M. Metafory, kotorymi my zhivem: Per. s angl. / Pod red. i s predisl. A.N. Baranova. M.: Editorial URSS, 2004. S. 256.
12. MakKormak E. Kognitivnaya teoriya metafory // Teoriya metafory / Obshch. red. N.D. Arutyunovoi i M.A. Zhurinskoi. M, 1990. S. 358-38.